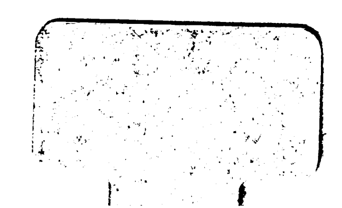

SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

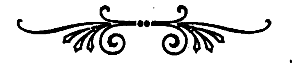

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П. П. ГЕРШУНИНА и К°.
Спб. Николаевская 8.

ВЕЛИКІЯ РЕФОРМЫ 60-хъ гг.
въ ихъ прошломъ и настоящемъ.
Подъ редакціей **I. В. Гессена** и Пр. Доц. **А. И. Каминка.**

К. К. АРСЕНЬЕВЪ.

Законодательство о печати.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Типо-Литографія Ф. Вайсберга и П. Гершунина, Екатерининскій кан., № 71—6.
1903.

„Меня сподобила судьба
Тогда узрѣть въ моей отчизнѣ
Съ освобожденіемъ раба
Преображеніе всей жизни".

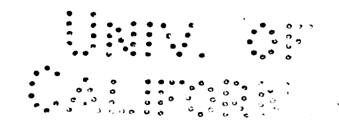
А. М. Жемчужниковъ.

Литературная моя дѣятельность началась на зарѣ эпохи великихъ реформъ. Видя, какія преграды встрѣчаетъ на каждомъ шагу разработка въ печати назрѣвавшихъ, одинъ за другимъ вопросовъ, зная и по собственному опыту, что такое предварительная цензура, я, какъ и громадное большинство тогдашнихъ писателей, нетерпѣливо ждалъ наступленія момента, когда преобразовательная работа коснется законодательства о печати. Небольшимъ вкладомъ въ эту работу была статья, помѣщенная мною въ 1863 году, въ „Отечественныхъ Запискахъ" (редакціи С. С. Дудышкина): „о лицахъ отвѣтствующихъ передъ судомъ за преступленія, совершаемыя печатнымъ словомъ" (ея основная мысль, которой я держусь и теперь, заключалась въ томъ, что за каждое преступленіе печати должно отвѣчать только одно лицо*). Съ примѣненіемъ новаго закона о печати мнѣ пришлось встрѣтиться въ качествѣ адвоката: я выступилъ защитникомъ въ первыхъ двухъ процессахъ печати, рѣшенныхъ въ 1866 г. С.-Петербургскимъ окружнымъ судомъ и судебною палатою (о книгѣ А. С. Суворина: „Всякіе" и о статьѣ Ю. Р. Жуковскаго: „Вопросъ молодого поколѣнія"). Процессы этого рода скоро прекратились—и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружились со всею ясностью какъ пробѣлы закона 6-го апрѣля, такъ и недо-*

статки развившейся на его почвѣ административной практики. И на тѣ, и на другіе я указалъ въ обширной статьѣ: „Русскіе законы о печати", появившейся въ 1869 году, въ „Вѣстникѣ Европы". Непосредственнымъ продолженіемъ ея послужило одно изъ первыхъ внутреннихъ обозрѣній, которыя я, съ марта 1880 года, сталъ писать для этого журнала. Позже я много разъ возвращался къ разнымъ сторонамъ той же темы и теперь рѣшился объединить сказанное мною въ теченіе сорока слишкомъ лѣтъ по поводу нашихъ законовъ о печати. Само собою разумѣется, что буквально воспроизводятся въ послѣдующемъ изложеніи только тѣ части моихъ статей, хроникъ и обозрѣній, которыя бросаютъ свѣтъ на исторію вопроса или, вслѣдствіе мало измѣнившихся условій, сохраняютъ нѣкоторое значеніе и въ настоящее время. Я старался связать ихъ въ одно цѣлое, дополненное всѣмъ тѣмъ, чего мнѣ прежде не случалось касаться, и сведенное къ заключительнымъ выводамъ, какихъ нельзя было дать въ отдѣльныхъ журнальныхъ работахъ. Въ старости трудно быть оптимистомъ; но я всетаки не теряю надежды, что мнѣ удастся увидѣть возобновленіе дѣла, начатаго въ лучшіе годы русской общественной жизни и съ тѣхъ поръ не только остановившагося, но двинувшагося далеко назадъ.

К. Арсеньевъ.

6 іюля 1903 г.

Положеніе печати въ 1855—65 гг.

I.

Съ воцареніемъ императора Александра II-го начался новый період русской исторіи. Раньше, чѣмъ въ другихъ сферахъ государственной и общественной жизни, поворотъ къ лучшему сталъ замѣтенъ въ области печати. И это совершенно понятно. Именно здѣсь, съ одной стороны, особенно тяжело чувствовался насильственно поддерживаемый застой, вызванный недовѣріемъ ко всякому сколько нибудь свободному движенію. Съ другой стороны, именно здѣсь перемѣна была, до извѣстной степени, возможна безъ законодательныхъ мѣръ, всегда требующихъ немало времени. Не только въ эпоху усиленной реакціи, вызванной событіями 1848-го года, но и раньше основаніе новыхъ періодическихъ изданій встрѣчало препятствія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ непреодолимыя; теперь административная практика смягчилась, и уже въ 1855-мъ году были дозволены два журнала, которымъ суждено было сыграть видную роль въ исторіи нашей общественной мысли („Русскій Вѣстникъ" и „Русская Бесѣда"). Въ послѣднія десять лѣтъ царствованія Николая I-го (1845—54) разрѣшенъ былъ выходъ въ свѣтъ (не считая изданій правительственныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ) *шести* газетъ и *девятнадцати* журналовъ (большею частью спеціальныхъ: дѣтскихъ, модныхъ, медицинскихъ и т. п.), въ первыя десять лѣтъ царствованія Александра II-го (1855—64)—*шестидесяти шести* газетъ и *ста пятидесяти шести* журналовъ, между которыми спеціальныхъ было, относительно, гораздо меньше, чѣмъ въ преды-

дущее десятилѣтіе. Право касаться вопросовъ внѣшней и внутренней политики принадлежало до 1855 г. только *четыремъ* газетамъ; теперь, съ легкой руки Каткова, оно было постепенно распространено на всѣ періодическія изданія. Лѣтомъ 1855-го года была отмѣнена, по ходатайству „Современника“, монополія „Русскаго Инвалида“ на печатаніе корреспонденцій съ театра войны и вообще всего относящагося къ военному быту (даже беллетристическихъ произведеній съ военною обстановкою). Еще важнѣе, чѣмъ увеличеніе числа періодическихъ изданій, расширеніе ихъ программъ, былъ сравнительно большій просторъ, данный сужденіямъ печати. Обусловленная усмотрѣніемъ цензоровъ, различно понимавшихъ свои обязанности, и мѣняющимися настроеніями высшихъ властей (спеціально цензурныхъ и общихъ), доля свободы, которою фактически пользовалась печать, подвергалась, однако, большимъ колебаніямъ. Періоды, благопріятные для печати, смѣнялись періодами обостренной строгости, да и въ продолженіе одного и того же періода далеко не одинаково было положеніе отдѣльныхъ журналовъ. Сегодня, въ одномъ мѣстѣ, безпрепятственно проходило то, что завтра въ другомъ запрещалось или ставилось въ вину излишне снисходительному цензору. Къ этому времени относится явленіе, небывалое ни прежде, ни позже: широкая популярность нѣкоторыхъ цензоровъ (въ особенности Бекетова и Крузе), скоро сходившихъ съ оффиціальной сцены, но оставлявшихъ по себѣ добрую память, до сихъ поръ соединенную съ ихъ именами. Границы между дозволеннымъ и недозволеннымъ становились все менѣе и менѣе опредѣленными по мѣрѣ того, какъ усложнялись задачи внутренняго управленія и ставились на очередь преобразованія первостепенной важности. Неизбѣжно возникалъ вопросъ, какое участіе въ ихъ обсужденіи можно и должно предоставить обществу,—а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о призваніи и значеніи печатнаго слова. Предстояло выбрать ту или другую политику по отношенію къ печати и установить порядокъ, соотвѣтствующій сдѣланному выбору. Другими словами,

предстоялъ пересмотръ законодательства о печати. Необходимость его была сознана очень рано: уже въ 1857 г. повелѣно было приступить къ составленію новаго цензурнаго устава. Дѣло, повидимому не особенно сложное, затянулось, однако, на много лѣтъ, и всѣ главные законодательные акты эпохи великихъ реформъ—положенія о крестьянахъ, университетскій уставъ, судебные уставы, положеніе о земскихъ учрежденіяхъ—опередили законъ 6-го апрѣля 1865 года, неполный и состоявшійся лишь въ видѣ переходной мѣры. Посмотримъ, въ чемъ заключались главныя причины такой медленности.

Какъ и всѣ критическія минуты народной жизни, конецъ пятидесятыхъ и начало шестидесятыхъ годовъ ознаменованы борьбою противоположныхъ теченій. Въ данномъ случаѣ эта борьба, сообразно съ условіями времени и мѣста, происходила безъ шуму, безъ огласки, на сценѣ мало доступной для посторонняго глаза; тѣмъ не менѣе она была до крайности упорной, велась съ перемѣннымъ успѣхомъ и не на всѣхъ пунктахъ привела къ рѣшительнымъ результатамъ. Представители системы, пошатнувшейся, но не павшей всецѣло и безвозвратно, задерживали и ослабляли, на сколько и гдѣ могли, разрывъ съ прошедшимъ; сторонники движенія, во многомъ несогласные между собою, нерѣдко шли на компромиссы, не надѣясь, а иногда и не желая достигнуть большаго. Во главѣ враговъ свободы слова стояли тѣ же лица, которыя противились освобожденію крестьянъ и коренной передѣлкѣ судебнаго строя: гр. В. Н. Панинъ (до 1862 года министръ юстиціи), кн. А. Ѳ. Орловъ (до 1861 года предсѣдатель Государственнаго Совѣта), кн. В. А. Долгоруковъ (до 1866 года шефъ жандармовъ); къ нимъ примыкали до 1858-го года министръ финансовъ Брокъ и главноуправляющій путями сообщенія Чевкинъ. Среднюю позицію занимали гр. Д. Н. Блудовъ (главноуправляющій 2-мъ отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи) и министры народнаго просвѣщенія Норовъ (до 1858 года) и Ковалевскій (1858—61). Меньше всего боялись гласности министръ финансовъ Княжевичъ (1858—61) и

министръ иностранныхъ дѣлъ кн. Горчаковъ, но, по самому своему положенію, они не могли имѣть рѣшающаго голоса въ дѣлахъ печати. Такихъ послѣдовательныхъ и сильныхъ защитниковъ, какими были великій князь Константинъ Николаевичъ, Я. И. Ростовцовъ, Н. А. Милютинъ, даже С. С. Ланской для крестьянской реформы, В. П. Бутковъ, Н. И. Стояновскій, С. И. Зарудный, даже Д. Н. Замятнинъ—для реформы судебной, А. В. Головнинъ—для реформы университетской, свобода печати въ оффиціальномъ мірѣ не имѣла. Не находила она систематической и постоянной поддержки и со стороны верховнаго рѣшителя судебъ Россіи, относившагося къ ней не съ тѣмъ твердымъ убѣжденіемъ, какое, послѣ первыхъ колебаній, сложилось въ его умѣ по крестьянскому дѣлу. Въ извѣстной книгѣ г. Барсукова о Погодинѣ приведенъ чрезвычайно характерный разговоръ между Чевкинымъ и кн. Горчаковымъ, происходившій въ декабрѣ 1858 года въ присутствіи императора. „Жизнь наша—бурное море“, сказалъ Чевкинъ: „чтобы корабль вѣрнѣе держался на волнахъ, нужно какъ можно болѣе балласта“. „Помилуйте“, возразилъ кн. Горчаковъ, „изъ всѣхъ кораблей при волненіи выбрасываютъ балластъ, чтобы корабль легко шелъ по волнамъ, а нашъ балластъ, мѣшающій легкому ходу—цензура, и его надо выбросить.— „Недостаточно выбросить балластъ, надо умѣть войти въ пристань“.—„Для этого нуженъ свѣтъ съ маяка“.—„Этого мало; надобно при входѣ въ пристань не наткнуться на подводные камни“.—„Какая же это пристань, когда около нея есть подводные камни? Значитъ пристань и маякъ не у мѣста. Но, чтобы дотолковаться до того, гдѣ имъ быть, необходимо нужно пособіе гласности“. При этихъ словахъ кн. Горчакова Государь всталъ и дружески пожалъ ему руку. Ясно, слѣдовательно, на чьей сторонѣ было его сочувствіе; но симпатія къ общему началу еще не предрѣшаетъ способа и мѣры его осуществленія; Никитенко разсказываетъ въ своемъ дневникѣ (подъ 29 января 1859 г.), что вновь назначенный попечителемъ московскаго учебнаго округа Н. В. Исаковъ, представ-

ляясь Государю, высказалъ мнѣніе, что гласность необходима. „И я такъ думаю“, сказалъ Государь, „только у насъ дурное направленіе“. Еще яснѣе мысль Государя выразилась въ разговорѣ съ самимъ Никитенко (11 марта 1859 г.). „Есть стремленія“, сказалъ онъ, „которыя несогласны съ видами правительства. Надо ихъ останавливать. Но я не хочу никакихъ стѣснительныхъ мѣръ.“ Итакъ, съ желаніемъ не стѣснять печатное слово соединялось намѣреніе поставить его въ опредѣленныя, не слишкомъ широкія рамки. Одновременное преслѣдованіе двухъ существенно различныхъ цѣлей не могло облегчить исполненіе задачи. Много значила и непрерывная смѣна впечатлѣній, шедшихъ изъ міра печати. Никогда еще въ русской литературѣ такимъ ключемъ не кипѣла жизнь, тѣмъ болѣе поражавшая наблюдателей, чѣмъ полнѣе былъ предшествовавшій мертвенный застой. Послѣ глубокаго молчанія каждое громко сказанное слово казалось чуть не крикомъ; послѣ боязливой приниженности и отсутствія „собственныхъ сужденій“,—отсутствія, конечно, только видимаго,—каждая независимая мысль казалась вторженіемъ въ компетенцію власти, посягательствомъ на права, принадлежащія ей одной. Прибавимъ къ этому перетолкованія, добросовѣстныя и недобросовѣстныя, обобщенія, преувеличивающія значеніе отдѣльныхъ фактовъ, чтеніе между строками, заподозрѣвающее намѣренія и чувства — и мы поймемъ, сколько элементовъ неустойчивости и смуты было вносимо чуть не ежедневно въ ту сферу, гдѣ выработывались, медленно и трудно, предположенія о будущемъ печати. Сама печать росла количественно, развивалась качественно, пріобрѣтала все болѣе широкое и глубокое вліяніе; въ началѣ новаго десятилѣтія она во всѣхъ отношеніяхъ очень мало походила на то, чѣмъ была въ половинѣ предыдущаго. Больше было основаній для признанія за нею положительныхъ заслугъ—но больше и предлоговъ для провозглашенія ея зловредною, разрушительною силой.

Проектъ новаго цензурнаго устава, къ разработкѣ ко-

тораго было приступлено еще при Норовѣ, былъ представленъ въ Государственный Совѣтъ, въ 1859 г., Е. П. Ковалевскимъ, но вскорѣ взятъ обратно, какъ потому, что онъ очень мало предлагалъ новаго, такъ и потому, что въ это самое время возникла мысль о другомъ пути воздѣйствія на печать. Еще въ концѣ 1858-го года было рѣшено образовать особое высшее учрежденіе, которое должно было „служить орудіемъ правительства для подготовленія умовъ посредствомъ журналовъ къ предпринимаемымъ мѣрамъ и направлять, по возможности, новыя періодическія изданія къ общей государственной цѣли, поддерживая обсужденіе общественныхъ вопросовъ въ видахъ правительственныхъ". Предполагалось, что это учрежденіе не будетъ имѣть ничего общаго съ такъ называемымъ комитетомъ 2-го апрѣля (1848 года), который, являясь какъ бы цензурой надъ цензурой, предназначенъ былъ довершить обузданіе, упрочить порабощеніе печати. Новый комитетъ долженъ былъ дѣйствовать „не силою оффиціальной строгости, а мѣрами убѣжденія и поощренія". Въ его составъ рядомъ съ мало расположенными къ печати А. Е. Тимашевымъ (начальникомъ штаба корпуса жандармовъ) и Н. А. Мухановымъ (товарищемъ министра народнаго просвѣщенія), были введены нейтральный гр. А. В. Адлербергъ (будущій министръ Императорскаго двора, близкій другъ Государя) и благожелательный А. В. Никитенко, мечтавшій о постепенномъ расширеніи благоразумно-умѣренной свободы слова. Дѣятельность комитета продолжалась менѣе года и прекратилась по собственной его иниціативѣ. Оказалось, что сила вещей наталкиваетъ его на „мѣры оффиціальной строгости" и мѣшаетъ ему пріобрѣсти „нравственное вліяніе" на печать. Его положеніе было фальшивымъ уже вслѣдствіе тайны, его окружавшей (онъ такъ и назывался „негласнымъ комитетомъ по дѣламъ книгопечатанія"). Недовѣрчиво встрѣченный печатью, не безъ причины видѣвшею въ немъ новый источникъ гнета и сумѣвшею выразить, хотя и не прямо, свои опасенія, онъ не могъ разсчитывать

на поддержку общественнаго мнѣнія. Въ ноябрѣ 1859-го года постановлено было слить его съ главнымъ управленіемъ цензуры, отдѣливъ послѣднее отъ министерства народнаго просвѣщенія и преобразовавъ его въ особое самостоятельное учрежденіе. Было намѣчено уже и лицо, которое должно было стать во главѣ новаго учрежденія — баронъ М. А. Корфъ (бывшій, послѣ Бутурлина, предсѣдателемъ комитета 2-го апрѣля); но вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, назначеніе это не состоялось, и главное управленіе цензуры, нѣсколько измѣненное въ своемъ составѣ, осталось въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія. Къ тому же времени относится нѣсколько большее сосредоточеніе цензурныхъ функцій, въ отправленіи которыхъ участвовали до тѣхъ поръ, каждое по своей части, всѣ вѣдомства, чѣмъ еще больше затруднялось положеніе печати.

Когда не удалась попытка дисциплинировать печать путемъ присоединенія къ издавна существовавшему *надзору* вновь организованнаго *руководства*, на сцену опять выступилъ общій пересмотръ всѣхъ постановленій, касающихся печати. Предварительная цензура, тяжелымъ гнетомъ ложась на печать, не удовлетворяла, съ другой стороны, и требованіямъ правительства. Инструкціи, часто мѣнявшіяся, не вносили въ ея дѣятельность ни однообразія, ни постоянства, ни системы. Нерѣдко пускались въ ходъ мѣры взысканія противъ цензоровъ и даже противъ цѣлыхъ цензурныхъ комитетовъ. Бывали и случаи запрещенія періодическихъ изданій за статьи, дозволенныя цензурой. Особенно часто такая участь постигала славянофильскія газеты: въ 1858 г. было прекращено изданіе „Молвы“, въ 1859 г.—изданіе „Паруса“ (во главѣ обѣихъ газетъ стоялъ, de facto, И. С. Аксаковъ). Естественно, поэтому, было остановиться на мысли, что именно въ карательныхъ мѣрахъ слѣдуетъ искать выхода изъ положенія все больше и больше усложнявшагося, все больше и больше озабочивавшаго правительство. Эта мысль была оффиціально выражена, въ ноябрѣ 1861-го года, министромъ народ-

наго просвѣщенія гр. Путятинымъ, по докладу котораго была учреждена смѣшанная коммиссія изъ чиновъ министерствъ народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Въ средѣ комиссіи, однако, за сохраненіе предварительной цензуры высказались именно представители министерства народнаго просвѣщенія, а за переходъ къ новому порядку—представители министерства внутреннихъ дѣлъ. На сторону послѣднихъ сталъ новый министръ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинъ. Учреждена была, подъ предсѣдательствомъ кн. Оболенскаго, другая смѣшанная комиссія; но еще раньше окончанія ея трудовъ появившіеся тогда первые признаки внутренней смуты вызвали принятіе чрезвычайныхъ мѣръ, изъ которыхъ иныя, вопреки первоначальному ихъ характеру и назначенію, остаются въ силѣ до настоящаго времени. На министерство внутреннихъ дѣлъ было возложено наблюденіе, чтобы въ печати не появлялось ничего противнаго цензурнымъ правиламъ; другими словами, ему ввѣренъ былъ надзоръ надъ дѣятельностью, въ этой сферѣ, министерства народнаго просвѣщенія. Разсужденія о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій и о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи разрѣшено было печатать только въ книгахъ, заключающихъ въ себѣ не менѣе десяти печатныхъ листовъ, и въ періодическихъ изданіяхъ, стоющихъ не менѣе семи рублей въ годъ. Министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія было предоставлено, въ случаѣ вреднаго направленія періодическаго изданія, причислять его къ разряду тѣхъ, которымъ не дозволяется печатаніе вышеупомянутыхъ разсужденій, и прекращать изданіе на срокъ не болѣе восьми мѣсяцевъ [1]). Съ предварительной цензурой была, такимъ образомъ, механически соединена цензура карательная. Практика очень скоро доказала невозмож-

[1]) На основаніи этихъ временныхъ правилъ, утвержденныхъ 12 мая 1862 года, уже 19 іюня того же года былъ пріостановленъ на восемь мѣсяцевъ выходъ въ свѣтъ „Современника“ и „Русскаго Слова“.

ность раздѣленія цензурныхъ функцій между двумя вѣдомствами: уже 12 января 1863-го года онѣ были переданы всецѣло министерству внутреннихъ дѣлъ. На его разсмотрѣніе поступилъ и законопроектъ, выработанный комиссіей кн. Оболенскаго. Новая комиссія, учрежденная подъ предсѣдательствомъ того же лица уже при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, составила обширный проектъ устава о книгопечатаніи, разосланный, лѣтомъ 1863-мъ года, на заключеніе министровъ и главноуправляющихъ и затѣмъ внесенный на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Мысль объ уничтоженіи или возможно большемъ ограниченіи предварительной цензуры уже въ то время не была у насъ чѣмъ-то новымъ. Убѣжденіе въ безсиліи цензуры было выражено еще въ 1856-мъ году кн. Вяземскимъ, занимавшимъ тогда постъ товарища министра народнаго просвѣщенія и члена главнаго управленія цензуры. Ссылаясь на свою сорокалѣтнюю писательскую опытность, онъ заявилъ, что „всѣ многочисленныя, подозрительныя и слишкомъ хитро обдуманныя притѣсненія цензуры не служатъ къ измѣненію въ направленіи понятій и сочувствій. Напротивъ, они только раздражаютъ умы и отвлекаютъ отъ правительства людей, которые по дарованіямъ своимъ могутъ быть ему полезны и нужны. Наконецъ, эти притѣсненія могутъ именно возродить ту опасность, отъ которой думаютъ отдѣлаться прозорливостью цензурной строгости. Они могутъ составить систематическую оппозицію, которая, и безъ журнальныхъ статей и мимо стоокой цензуры, получитъ въ обществѣ значеніе, вѣсъ и вліяніе“. Логическаго заключенія изъ этихъ словъ кн. Вяземскій не выводилъ, но оно напрашивалось само собою и скоро стало находить формулировку даже въ подцензурной прессѣ. Въ первомъ № „Паруса“ (январь 1859 г.) И. С. Аксаковъ восклицаетъ: „Когда же, Боже мой, можно будетъ согласно съ требованіемъ совѣсти не хитрить, не выдумывать иносказательныхъ оборотовъ, а говорить свое мнѣніе просто и прямо во

всеуслышаніе? Развѣ не довольно мы лгали? Чего довольно—изолгались совсѣмъ! Развѣ не выгоднѣе для правительства знать искреннее мнѣніе каждаго и его отношеніе къ себѣ?" Дальше редакція „Паруса" выражаетъ намѣреніе „съ полною откровенностью и постоянно подавать свой голосъ при разрѣшеніи всѣхъ общественныхъ вопросовъ", и спрашиваетъ: „неужели намъ это не будетъ дозволено?"—какъ бы заранѣе протестуя противъ обычнаго подчиненія цензурѣ. Погодинъ, статья котораго въ „Парусѣ" также послужила однимъ изъ поводовъ къ запрещенію этой газеты, требуетъ въ письмѣ на имя министра народнаго просвѣщенія суда, выражая готовность претерпѣть наказаніе, лишь бы оно было наложено на него въ силу закона. Еще раньше (въ концѣ 1858 г.) „Русскій Вѣстникъ", рискуя навлечь на себя строгое взысканіе (которое ему дѣйствительно и угрожало), краснорѣчиво проводитъ мысль, что „легчайшій способъ погубить какое-нибудь начало въ убѣжденіяхъ людей, лучшій способъ подорвать его нравственную силу—взять его подъ оффиціальную опеку". Въ запискѣ, поданной нѣсколькими московскими редакторами, въ 1859 г., негласному комитету по дѣламъ книгопечатанія, встрѣчаются слѣдующія знаменательныя слова: „нѣтъ ни малѣйшаго препятствія, а напротивъ, есть всѣ выгоды возложить полную отвѣтственность на редакторовъ журналовъ, давъ имъ право печатать, по ихъ усмотрѣнію, или съ разрѣшенія цензуры, или подъ собственной отвѣтственностью. Нѣтъ ничего и справедливѣе, и естественнѣе, какъ отвѣчать за себя и за свое дѣло, и нѣтъ ничего затруднительнѣе, какъ отвѣтственность за чужое дѣло. И въ настоящее время, при существованіи предварительной цензуры, правительство подвергаетъ отвѣтственности не однихъ цензоровъ, какъ бы слѣдовало по строгой справедливости, но также и издателей журналовъ". Со всѣхъ сторонъ подобные взгляды слышатся въ 1862 году, послѣ того какъ министръ народнаго просвѣщенія (А. В. Головнинъ) обратился къ печати съ приглашеніемъ высказаться по вопросу о желательныхъ для нея

реформахъ. Въ „Днѣ“ И. С. Аксакова появляется цѣлый проектъ закона, признающій свободу печатнаго слова „неотъемлемымъ правомъ каждаго подданнаго россійской имперіи“ и предлагавшій явочную систему основанія новыхъ журналовъ и исключительно судебную отвѣтственность за проступки печати.

Законопроектъ, вышедшій изъ рукъ министра внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ характеръ компромисса. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ самомъ началѣ новой эпохи, П. А. Валуевъ былъ однимъ изъ первыхъ, указавшихъ на „господство бюрократіи, и стѣсненія мысли“, какъ на главную причину бѣдствій, постигшихъ Россію. Теперь, находясь у власти, онъ смотрѣлъ на дѣло нѣсколько иначе; отъ предварительной цензуры онъ полагалъ освободить только выходящія въ столицахъ сочиненія объемомъ болѣе *двадцати* листовъ, а періодическія изданія — не иначе какъ съ особаго разрѣшенія министра. Рядомъ съ судебною отвѣтственностью для безцензурныхъ періодическихъ изданій устанавлялась отвѣтственность административная, въ видѣ предостереженій, причемъ третье предостереженіе (если оно дано въ теченіе извѣстнаго срока) должно было имѣть послѣдствіемъ прекращеніе изданія. Административныя взысканія проектировались лишь въ видѣ переходной мѣры, но не смотря на эту оговорку, встрѣтили сильныя возраженія со стороны нѣкоторыхъ вѣдомствъ. Министръ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинъ, находилъ, что система административныхъ взысканій не можетъ развить въ литературѣ самообладанія, сдержанности, умѣнья пользоваться свободой. Подобно предварительной цензурѣ, эта система возбуждаетъ въ обществѣ тотъ духъ упорной и даже преднамѣренной оппозиціи, устраненіе котораго слѣдуетъ преимущественно имѣть въ виду. Главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. Канцеляріи, баронъ М. А. Корфъ, стоялъ за карательную систему, преслѣдующую только посягательства на главныя начала общественнаго порядка, и видѣлъ въ сво-

бодѣ печати единственное противоядіе противъ злоупотребленій печатнымъ словомъ. Административныя взысканія—по его мнѣнію—это „новая язва, заключающая въ себѣ такую массу вреда, произвола и несправедливостей, что противъ нихъ протестовали и протестуютъ всѣ благомыслящіе люди". Система административныхъ взысканій хуже предварительной цензуры, „имъ наказываютъ за вину, непредвидѣнную никакимъ положительнымъ закономъ". Самая опасная сторона системы „состоитъ въ томъ, что одному лицу дается власть, по индивидуальному воззрѣнію, иногда по минутному настроенію духа, безъ всякой дальнѣйшей передъ закономъ отвѣтственности, лишать человѣка права собственности, права на занятіе, которымъ онъ, можетъ быть, жилъ, и, что еще важнѣе, исключать изъ круга вращающихся въ обществѣ мнѣній цѣлое ученіе или направленіе". И А. В. Головнинъ, и бар. М. А. Корфъ не настаивали, однако, на немедленномъ осуществленіи реформы во всей ея полнотѣ и допускали, въ видѣ уступки, принятіе тѣхъ или другихъ переходныхъ мѣръ.

Въ департаментѣ законовъ проектъ Валуева встрѣтилъ принципіальныя возраженія только со стороны А. С. Норова (бывшаго министра народнаго просвѣщенія), возставшаго противъ смѣшенія предварительной цензуры съ карательною и противъ полновластія министра внутреннихъ дѣлъ. Отдѣльныя перемѣны были сдѣланы отчасти къ лучшему (прекращеніе изданія послѣ третьяго предостереженія было поставлено въ зависимость отъ опредѣленія Сената; подцензурныя изданія были освобождены отъ представленія залога), отчасти къ худшему (не былъ принятъ спеціальный судъ присяжныхъ для дѣлъ о проступкахъ печати). Общее собраніе Государственнаго Совѣта нашло болѣе цѣлесообразнымъ замѣнить проектъ устава, обнимавшій всѣ стороны вопроса, отдѣльными мѣропріятіями, впредь до указаній опыта. О мотивахъ такого рѣшенія можно судить по слѣдующимъ словамъ Д. А. Милютина (тогдашняго военнаго министра): „проектъ, если смотрѣть на него какъ на законченное за-

коноположеніе, не удовлетворитъ требованіямъ, заявляемымъ съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе литературою и публикою, а между тѣмъ создастъ новыя затрудненія. Если же видѣть въ немъ лишь переходную мѣру, то можно смотрѣть снисходительно на многія слабыя стороны проекта". При новомъ разсмотрѣніи дѣла департаментъ законовъ, въ виду неустройства еще судебной части [1]), единогласно одобрилъ, въ качествѣ переходной мѣры, смѣшанную систему, съ чѣмъ согласился и Норовъ, мотивируя свое согласіе тѣмъ, что правительство не произноситъ еще своего послѣдняго слова. Число печатныхъ листовъ, при которомъ сочиненіе (оригинальное) освобождается отъ предварительной цензуры, было понижено съ двадцати до десяти. Было высказано мнѣніе, что совѣту главнаго управленія по дѣламъ печати долженъ быть предоставленъ не совѣщательный, а рѣшительный голосъ, съ тѣмъ, чтобы разногласія между совѣтомъ и министромъ разрѣшались комитетомъ министровъ; но это мнѣніе не было принято, хотя за него въ департаментѣ стояло большинство голосовъ. Отклонены были, съ другой стороны, разныя предложенія, клонившіяся къ большему стѣсненію печати (напр. увеличеніе срока между представленіемъ книги въ цензуру и выходомъ ея въ свѣтъ, требованіе залога отъ подцензурныхъ изданій). 6-го апрѣля 1865 года мнѣніе Государственнаго Совѣта получило, наконецъ, силу закона. „Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства", сказано было въ Высочайшемъ указѣ отъ того же числа, — „Мы признали за благо сдѣлать въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, при настоящемъ переходномъ положеніи судебной части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, нижеслѣдующія перемѣны и дополненія". Съ самаго начала, такимъ образомъ, законъ 6-го апрѣля имѣлъ характеръ временныхъ правилъ, подлежавшихъ измѣненію не въ смыслѣ

---

[1]) Судебные уставы были утверждены еще 20 ноября 1864-го года, но введеніе ихъ въ дѣйствіе началось только въ 1866-мъ году, болѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ обнародованія новаго закона о печати.

стѣсненія, а наоборотъ, въ смыслѣ распространенія и расширенія свободы печати. Срокомъ для введенія въ дѣйствіе новаго закона было назначено 1-ое сентября того же 1865 года. Воспользоваться свободой отъ предварительной цензуры предоставлено было всѣмъ выходившимъ въ моментъ обнародованія закона столичнымъ періодическимъ изданіямъ—и ни одно изъ нихъ, если мы не ошибаемся, не отказалось отъ этого драгоцѣннаго права.

Десятилѣтіе, истекшее со времени начала новаго царствованія до обнародованія закона 6-го апрѣля 1865-го года, внесло громадныя перемѣны въ составъ и характеръ русской періодической печати. Въ 1855-мъ году она представляла собою нѣчто однообразное и одноцвѣтное, не потому конечно, чтобы всѣ дѣятели ея были настроены на одинъ ладъ, но потому, что всѣ одинаково были подавлены извнѣ шедшимъ гнетомъ; всѣ, если можно такъ выразиться, искусственно были приведены къ одному знаменателю. Съ первыми проблесками свободы появились и первые признаки дифференціаціи; но въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ связующимъ звеномъ для огромнаго большинства изданій служило общее имъ всѣмъ отрицательное отношеніе къ недавнему прошлому, общее стремленіе впередъ, къ лучшему будущему. Чѣмъ больше, однако, становилось число, чѣмъ важнѣе—значеніе вопросовъ, требовавшихъ разрѣшенія, тѣмъ слабѣе дѣлалась эта связь, тѣмъ шире развертывались центробѣжныя силы. Различіе взглядовъ усложнялось разнообразіемъ темпераментовъ: для порывисто-нетерпѣливыхъ недостаточнымъ казалось то, чѣмъ готовы были удовольствоваться спокойно-разсудительные. Если уже въ концѣ пятидесятыхъ годовъ нетрудно было отличить умѣренно либеральные органы отъ болѣе крайнихъ, то въ началѣ слѣдующаго десятилѣтія эти двѣ группы были не только различны, но и враждебны между собою. Какъ это всегда бываетъ, столкновеніе мнѣній приводило къ ихъ обостренію: одни все болѣе уклонялись вправо, другіе—въ противоположную сторону. Мало по малу въ печать снова про-

никали и защитники отжившихъ порядковъ, одно время почти не имѣвшіе въ ней голоса. Къ половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ печати были замѣщены всѣ ступени лѣстницы, представлены всѣ краски и оттѣнки красокъ. Запоздалые крѣпостники располагали „Вѣстью“, эпигоны мракобѣсія—„Домашней Бесѣдой“, на рубежѣ консерватизма и либерализма стояли органы Каткова — „Московскія Вѣдомости“ и „Русскій Вѣстникъ“; болѣе высокія ноты либеральной гаммы брали „Голосъ“ и „С.-Петербургскія Вѣдомости“, изъ толстыхъ журналовъ къ нимъ примыкали „Отечественныя Записки“; оплотомъ славянофильства служилъ Аксаковскій „День“; близкіе къ славянофиламъ „почвенники“ только что основали „Эпоху“ въ замѣнъ запрещеннаго, по недоразумѣнію, „Времени“; лѣвое крыло составляли, наконецъ, „Современникъ“ и „Русское Слово“. Администрація имѣла въ своемъ распоряженіи „Сѣверную Почту“—единственный практическій результатъ тѣхъ широкихъ плановъ, для осуществленія которыхъ, былъ созданъ „негласный Комитетъ по дѣламъ книгопечатанія“...

Другою характерною чертою періодической литературы, какою она вступала въ новый фазисъ своего развитія, былъ значительный ростъ ежедневныхъ изданій. До эпохъ великихъ реформъ газеты влачили у насъ, сравнительно съ журналами, довольно жалкое существованіе. Многія изъ нихъ—„Московскія“ и „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Русскій Инвалидъ“— принадлежали правительственнымъ учрежденіямъ; частнымъ ежедневнымъ изданіемъ была, по временамъ, одна „Сѣверная Пчела“, для характеристики которой достаточно назвать имена Булгарина и Греча. Воспитывать общественное мнѣніе, расширять умственные горизонты, проводить новыя идеи литература, при до-реформенномъ режимѣ, могла только косвенно, съ помощью беллетристики, критики, библіографіи и популяризаціи научныхъ данныхъ; между тѣмъ, именно эти отдѣлы долго оставались мало доступными для ежедневной печати, какъ вслѣдствіе тѣсноты ея внѣшнихъ рамокъ, такъ и вслѣдствіе притягательной силы, которою издавна обла-

дали журналы. Отъ нихъ, начиная съ Новикова и Карамзина, проходя черезъ Пушкина, Бестужева (Марлинскаго), Рылѣева, кн. Одоевскаго, Дельвига, Н. Полевого, Надеждина, Погодина, до Бѣлинскаго, Некрасова и Валеріана Майкова, К. Аксакова, Хомякова и А. Григорьева, Каткова и Леонтьева (въ первомъ періодѣ ихъ публицистической дѣятельности), Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева,—отъ нихъ шли, въ теченіе цѣлаго почти вѣка, всѣ вліянія, налагавшія свою печать на развитіе русской общественной мысли. Выдающуюся роль журналы продолжали играть и въ 1865-мъ году, но рядомъ съ ними начинали занимать мѣсто и газеты. За два года передъ тѣмъ въ газетномъ мірѣ совершились три событія: „Московскія Вѣдомости" перешли въ руки Каткова, „С.-Петербургскія Вѣдомости" — въ руки В. Ѳ. Корша, а Краевскимъ былъ основанъ „Голосъ". Первыя двѣ газеты, оставаясь собственностью университета и академіи, пользовались, de facto, такою же самостоятельностью, какъ и послѣдняя. Всѣ три широко раздвинули свои программы, увеличили свои размѣры и стали касаться всѣхъ очередныхъ вопросовъ, всѣхъ сторонъ текущей жизни. „Голосъ" того времени служилъ, до извѣстной степени, органомъ прогрессивныхъ элементовъ высшей администраціи (въ особенности министра народнаго просвѣщенія, А. В. Головина); въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" находилъ точку опоры оффиціальный націонализмъ, главнымъ представителемъ котораго являлся М. Н. Муравьевъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости" стояли въ сторонѣ отъ правящихъ сферъ, но были готовы поддержать всякій дальнѣйшій шагъ на пути преобразованій. Комбинація указанныхъ нами условій благопріятствовала, повидимому, успѣху цензурной реформы. Правительство не рисковало очутиться лицомъ къ лицу съ враждебной или индифферентной прессой. Въ средѣ самой печати различныя направленія были представлены довольно равномѣрно; каждое изъ нихъ могло дать отпоръ другимъ, не апеллируя къ власти. Между газетами, пріобрѣтавшими все большій и большій кругъ читате-

телей, не было ни одной, отъ которой можно было бы ожидать систематическаго противодѣйствія правительственнымъ видамъ. Богато снабженный разнообразными орудіями арсеналъ, предоставленный новымъ закономъ въ распоряженіе администраціи, долженъ былъ—такъ казалось—служить скорѣе угрозой, чѣмъ дѣйствующей боевой силой. Примѣненіе закона оставалось въ рукахъ его автора; можно было думать, слѣдовательно, что оно не будетъ идти прямо въ разрѣзъ со смысломъ закона. Въ ближайшемъ будущемъ, наконецъ, предстояло введеніе въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ порядковъ, въ зависимость отъ которыхъ были поставлены дальнѣйшія льготы для печати. Понятно, въ виду всего этого, то радостное чувство, съ которымъ печать встрѣтила законъ 6-го апрѣля. „Крѣпостная зависимость наша отъ цензуры"—восклицали „С.-Петербургскія Вѣдомости"—„кончилась; признанные совершеннолѣтними, мы будемъ зависѣть отъ нашей собственной воли, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе предоставляетъ законъ для публичной дѣятельности". „Отнынѣ" —писалъ Катковъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" —„печать наша находится на твердой почвѣ закона и не подлежитъ произволу, который и при самыхъ лучшихъ условіяхъ никогда не можетъ замѣнить то, что называется законностью. Общественное мнѣніе впервые возводится на степень законной силы". Нѣсколько скептичнѣе смотрѣлъ на будущее „День", но и онъ высказывалъ надежду, что „отнынѣ печать будетъ поставлена въ возможность говорить правду, а не подобіе правды". Этимъ ожиданіямъ, этой вѣрѣ суждено было продолжаться недолго. [1]).

---

[1]) Факты, касающіеся до-реформенной цензурной практики и подготовки закона 6-го апрѣля, заимствованы нами изъ извѣстныхъ сочиненій А. М. Скабичевскаго („Очерки исторіи русской цензуры") и Г. А. Джаншіева („Эпоха великихъ реформъ"), а также изъ статей М. К. Лемке: „Очерки по исторіи цензуры" („Русское Богатство" 1903 г., №№ 3 и 4).

II.

Первый періодъ дѣйствія закона 6-го апрѣля (сентябрь 1865 г. ноябрь 1869).

При дѣйствіи закона 6-го апрѣля 1865 года порядокъ разрѣшенія новыхъ періодическихъ изданій остался прежній: оно продолжало зависѣть всецѣло отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, равно какъ и освобожденіе или неосвобожденіе вновь основываемаго изданія отъ предварительной цензуры. Дискреціонной власти министра было предоставлено и утвержденіе редактора, но переходъ издательскихъ правъ изъ однѣхъ рукъ въ другія не требовалъ согласія администраціи. Основаніе новыхъ газетъ и журналовъ не встрѣчало особыхъ препятствій; въ теченіе пяти лѣтъ (1865—69) ихъ разрѣшено около ста, и многимъ изъ нихъ дано право выходить безъ предварительной цензуры. Требованіе отъ безцензурныхъ изданій залога (въ суммѣ отъ 2500 до 5000 руб.) уменьшало, конечно, число подобныхъ предпріятій, но не служило для нихъ неодолимой преградой. Существенныхъ нововведеній 6-го апрѣля 1865 года въ наше законодательство было внесено два: 1) освобожденіе отъ предварительной цензуры выходящихъ въ столицахъ книгъ, заключающихъ въ себѣ не меньше опредѣленнаго числа печатныхъ листовъ (десять—для оригинальныхъ, двадцать—для переводныхъ сочиненій), съ подчиненіемъ ихъ исключительно судебной отвѣтственности (за проступки, указанные въ уложеніи о наказаніяхъ и вновь предусмотрѣнные закономъ 6-го апрѣля) и 2) освобожденіе отъ предварительной цензуры нѣкоторыхъ періодическихъ изданій, съ подчиненіемъ ихъ отвѣтственности какъ судебной, такъ и административной, въ формѣ предостереженій, возможнымъ послѣдствіемъ которыхъ является временная пріостановка или совершенное прекращеніе изданія.

Практическіе результаты безцензурности, установленной для объемистыхъ сочиненій, должны были зависѣть съ одной стороны отъ того, будетъ ли соблюдаться законъ, допускающій *только* судебное преслѣдованіе, съ другой стороны—отъ того, въ какой мѣрѣ и какъ администрація будетъ пользоваться правомъ предварительнаго ареста книгъ, признаваемыхъ ею особенно опасными. Буквальный смыслъ статьи, на которой основывалось это право, былъ довольно благопріятенъ для печати. „Въ тѣхъ *чрезвычайныхъ* случаяхъ"—гласилъ законъ,—„когда, по значительности вреда, предусматриваемаго отъ распространенія противозаконнаго сочиненія или повременнаго изданія), наложеніе ареста не можетъ быть отложено до судебнаго о семъ приговора, совѣту главнаго управленія и цензурнымъ комитетамъ предоставляется право немедленно останавливать выпускъ въ свѣтъ сего сочиненія не иначе, впрочемъ, какъ начавъ въ то же самое время судебное преслѣдованіе виновнаго". Итакъ, чрезвычайное право установлялось только для чрезвычайныхъ, т. е. рѣдкихъ случаевъ, и притомъ съ оговоркой, гарантирующей осторожное его осуществленіе. Обязанная возбудить, одновременно съ наложеніемъ ареста, судебное преслѣдованіе, администрація должна была предвидѣть неудобныя для нея послѣдствія оправдательнаго или хотя бы и обвинительнаго, но очень мягкаго судебнаго приговора, равносильнаго признанію, что для особаго усердія, для усиленной торопливости въ данномъ случаѣ не было ни повода, ни причины. Какъ ни основательны, повидимому, были такія ожиданія, они на самомъ дѣлѣ не оправдались. Предварительный арестъ по распоряженію цензурнаго вѣдомства, намѣчавшійся закономъ, какъ исключеніе, практикою былъ обращенъ въ общее правило. Ему подвергались и книги, впослѣдствіи съ согласія самой администраціи признанныя не подлежащими судебному преслѣдованію (назовемъ для примѣра сочиненія Герберта Спенсера и книгу И. М. Сѣченова: „Рефлексы головного мозга"), и книги (напр. вторая

часть сочиненій Писарева), издатель которыхъ, по мнѣнію обвинительной власти, могъ быть подвергнутъ только небольшому денежному штрафу. Крайнею медленностью, притомъ, отличалось движеніе дѣлъ о книгахъ, подвергнутыхъ предварительному аресту. Между задержаніемъ книги и рѣшеніемъ первой инстанціи (или освобожденіемъ ея отъ ареста по соглашенію прокуратуры съ цензурнымъ вѣдомствомъ), нерѣдко проходило по году, по два года и болѣе. Вторая часть сочиненій Писарева, напр., была задержана 2-го іюня 1866 г., а приговоръ о ней судебной палаты состоялся 5-го іюня 1868 года. Понятно, какъ тяжело это должно было отзываться на издателяхъ и авторахъ. Издатели теряли проценты съ затраченнаго ими капитала, теряли столь важную въ коммерческомъ дѣлѣ возможность пустить свои деньги въ новый оборотъ, въ новое предпріятіе; изданіе, освобожденное, наконецъ, отъ ареста, легко могло не пойти въ ходъ, если въ промежутокъ времени, истекшій между наложеніемъ и снятіемъ ареста, вкусы публики измѣнились или вышла въ свѣтъ другая книга, трактующая о томъ же предметѣ... Къ неправильному примѣненію закона скоро присоединились и прямыя отступленія отъ указаннаго имъ пути; изъятіе книгъ изъ обращенія стало допускаться безъ судебнаго приговора, по особымъ повелѣніямъ. Такъ запрещенъ былъ, напримѣръ, второй томъ русскаго перевода сочиненій Лассаля. Къ концу шестидесятыхъ годовъ возбужденіе судебнаго преслѣдованія противъ книгъ, изъятыхъ, по закону, отъ предварительной цензуры, прекратилось почти вовсе—конечно, не потому, чтобы цензурное вѣдомство стало снисходительнѣе, чѣмъ прежде. Уничтожены судомъ, какъ противозаконныя по содержанію, только весьма немногія книги или отдѣльныя ихъ части (въ томъ числѣ „Всякіе“ А. С. Суворина, „Отщепенцы“ Соколова, нѣкоторыя мѣста изъ сочиненій Писарева).

Аналогичною съ судьбою книгъ была, въ первые годы послѣ введенія въ дѣйствіе закона 6-го апрѣля, и судьба періодическихъ изданій. И ихъ постигали кары внѣ порядка,

установленнаго закономъ (запрещеніе, въ 1866-мъ году, „Современника“ и „Русскаго Слова“, въ 1868-мъ году—газеты „Москвичъ“); и они все рѣже и рѣже привлекались къ судебной отвѣтственности, за то все чаще и чаще—подвергались административнымъ карамъ. Въ августѣ 1866 года с.-петербургскій окружный судъ произнесъ оправдательный приговоръ по дѣлу Ю. Р. Жуковскаго и А. Н. Пыпина, преданныхъ суду (первый какъ авторъ, второй—какъ редакторъ) за помѣщенную въ „Современникѣ“ статью: „Вопросъ молодого поколѣнія“. Хотя этотъ приговоръ и былъ отмѣненъ, въ октябрѣ того же года, С.-Петербургскою судебною палатою, признавшею обоихъ подсудимыхъ виновными и присудившею ихъ къ трехнедѣльному аресту на гауптвахтѣ, онъ послужилъ поводомъ къ изданію закона 12-го декабря 1866 года, передавшаго большую часть дѣлъ о проступкахъ печати (вопреки общей системѣ подсудности, принятой уставомъ уголовнаго судопроизводства) изъ вѣдѣнія окружнаго суда въ вѣдѣніе судебной палаты. Тотъ же законъ обязалъ прокуратуру возбуждать преслѣдованіе, если этого требуетъ главное управленіе по дѣламъ печати или цензурный комитетъ [1]), и предоставилъ суду право налагать арестъ на изданіе прежде постановленія окончательнаго приговора. Не смотря на эти добавочныя гарантіи, судебное преслѣдованіе періодическихъ изданій продолжало быть исключеніемъ, а административныя кары постигали всѣ органы печати, безъ различія направленій. Съ 1-го сентября 1865 по 1-ое января 1870 года объявлено было 44 предостереженія; семь періодическихъ изданій („Русское Слово“, „Московскія Вѣдомости“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“, „Москва“, „Народный Голосъ“, „Русско-Славянскіе Отголоски“, „Недѣля“) были пріостановлены на срокъ отъ двухъ до шести мѣсяцевъ („Москва“—три раза).

---

[1]) Если бы прокуроръ встрѣтилъ сомнѣніе или затрудненіе въ исполненіи такого требованія, онъ долженъ былъ представить о томъ министру юстиціи и въ дальнѣйшемъ руководствоваться его указаніями.

Не произошло существенныхъ перемѣнъ въ положеніи печати ни вслѣдствіе назначенія новаго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Похвиснева (на мѣсто Щербинина), ни вслѣдствіе назначенія новаго министра внутреннихъ дѣлъ. А. Е. Тимашевъ, замѣнившій, весною 1868 года, П. А. Валуева, не только продолжалъ политику своего предшественника, войдя въ Сенатъ съ представленіемъ о совершенномъ прекращеніи „Москвы" [1]), но и нашелъ необходимымъ обострить средства репрессіи, находившіяся въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Онъ внесъ въ Комитетъ министровъ представленіе о разрѣшеніи министру внутреннихъ дѣлъ запрещать, по его усмотрѣнію, розничную продажу газетъ, именно тогда начинавшую принимать довольно широкіе размѣры. Комитетъ единогласно призналъ, что такое дополненіе къ закону 6-го апрѣля должно было, собственно говоря, подлежать разсмотрѣнію Государственнаго Совѣта, но, въ виду указанія министра внутреннихъ дѣлъ, что онъ ходатайствуетъ о принятіи его проекта лишь въ качествѣ временной мѣры, а также въ виду наступленія вакацій въ Государственномъ Совѣтѣ, рѣшилъ по большинству голосовъ [2]), войти въ обсужденіе его по существу. Усматривая, затѣмъ, изъ объясненій шефа жандармовъ и товарища министра внутреннихъ дѣлъ, что розничная продажа часто бываетъ поводомъ къ безпорядкамъ, и принимая во вниманіе, что правомъ запрещать ее администрація облечена во Франціи и Пруссіи, комитетъ, тѣмъ же большинствомъ, высказался за утвержде-

---

[1]) Аксакову была предоставлена Сенатомъ возможность защиты противъ взведенныхъ на него обвиненій. За разногласіемъ между сенаторами, дѣло восходило въ Госуд. Совѣтъ, Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ котораго и была прекращена „Москва".

[2]) Къ большинству принадлежали предсѣдатель Комитета кн. Гагаринъ и десять членовъ: Чевкинъ, Бутковъ, Мельниковъ, Зеленый, гр. Шуваловъ, Рейтернъ, кн. Урусовъ, гр. Паленъ, гр. Адлербергъ 2-ой и кн. Лобановъ-Ростовскій, къ меньшинству—четыре члена: кн. Горчаковъ Милютинъ, Татариновъ и Деляновъ.

ніе проекта. Государь согласился съ большинствомъ и положеніе Комитета Министровъ, состоявшееся 14-го іюня 1868 года, имѣетъ до сихъ поръ силу закона. Этотъ прецедентъ создалъ цѣлую практику; съ тѣхъ поръ почти всѣ постановленія, ухудшавшія положеніе печати, проходили не черезъ Государственный Совѣтъ, а черезъ Комитетъ министровъ. Нося названіе *временныхъ* правилъ, они оказываются, однако, гораздо болѣе долговѣчными, чѣмъ многіе законы. Замѣтимъ, что такой результатъ вовсе не предусматривался въ 1868 году Комитетомъ министровъ, вовсе не входилъ въ его намѣренія. Соглашаясь съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, большинство Комитета предполагало, что при первой возможности будетъ соблюденъ установленный порядокъ и „временное" правило уступитъ мѣсто—если это будетъ признано необходимымъ—положительному закону. Несомнѣннымъ доказательствомъ этому служитъ ссылка большинства на вакаціи Государственнаго Совѣта; ожидалось, очевидно, что соотвѣтствующій законопроектъ будетъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ немедленно по окончаніи вакаціоннаго времени. Между тѣмъ, для администраціи важенъ не *путь*, которымъ добыто ею то или другое право, для нея важно только *обладаніе* правомъ; получивъ его внѣ обычнаго порядка, она неохотно подвергаетъ его законодательной повѣркѣ, сопряженной съ рискомъ его потери, и продолжаетъ пользоваться имъ впредь до перемѣны обстоятельствъ—а такая перемѣна наступаетъ у насъ не скоро. Въ 1868-мъ году все это было еще не такъ ясно, какъ теперь; но достаточно убѣдительнымъ доводомъ противъ домогательства министра могло бы послужить и тогда указаніе меньшинства, что „для утвержденія въ обществѣ понятія о святости закона, всякое дополненіе или измѣненіе къ нему должно быть дѣлаемо не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ". Возможность исключенія изъ этого правила меньшинство допускало лишь при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, какихъ оно въ данномъ случаѣ не находило. И дѣйствительно, ничего тревожнаго положеніе вещей въ

1868 году не представляло. Кто помнитъ это время, тотъ знаетъ, что никакихъ безпорядковъ розничная продажа періодическихъ изданій не вызывала. Опытъ послѣдующаго времени показалъ, что право запрещать розничную продажу нужно было цензурному вѣдомству не какъ способъ охраненія уличной тишины и спокойствія, а просто какъ новое средство воздѣйствія на печать, путемъ административной кары, что меньшинство комитета не ошибалось, отрицая необходимость поспѣшныхъ мѣръ и наличность periculi in mora—это видно и изъ того, что сначала случаевъ запрещенія розничной продажи было немного; въ административный обиходъ оно вошло не раньше 1870 года [1]). Кромѣ права запрещать розничную продажу, разсматриваемый нами періодъ принесъ съ собою для печати еще двѣ ограничительныя мѣры. Закономъ 17-го октября 1866-го года редакціямъ и сотрудникамъ газетъ и журналовъ, подвергнутыхъ, вслѣдствіе троекратнаго предостереженія временной пріостановкѣ, воспрещено въ продолженіе такой пріостановки издавать для подписчиковъ, а равно выдавать имъ безплатно или съ какою-либо платою или по особой публикаціи, какое-либо, хотя и не повременное, но отъ имени тѣхъ же редакцій, изданіе, будетъ ли то съ участіемъ или безъ участія тѣхъ же сотрудниковъ. Закономъ 13-го іюня 1867 года печатаніе постановленій земскихъ, дворянскихъ и городскихъ общественныхъ и сословныхъ собраній, произносимыхъ въ этихъ собраніяхъ сужденій и рѣчей и вообще отчетовъ о ихъ засѣданіяхъ поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія мѣстнаго губернскаго начальства.

Къ 1869 году судебные уставы были введены въ дѣйствіе не только въ округахъ С.-Петербургскомъ и Московскомъ, но и въ округахъ Харьковскомъ и Одесскомъ; предстояло введеніе ихъ въ округахъ Казанскомъ и Саратовскомъ. Но-

---

[1]) См. „Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ“, т. III, ч. 2, стр. 203—205.

вые суды повсемѣстно пользовались довѣріемъ и уваженіемъ; не было недостатка и въ данныхъ, обнаруживавшихъ сильныя и слабыя стороны постановленій о печати. На лицо имѣлись, такимъ образомъ, оба условія, въ зависимость отъ которыхъ указомъ 6-го апрѣля былъ поставленъ переходъ отъ временныхъ правилъ къ постоянному закону. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы помѣстили въ „Вѣстникѣ Европы" (1869, №№ 4 и 6) статью, въ которой старались подвести итоги указаніямъ четырехлѣтняго опыта. Приводимъ изъ нея тѣ мѣста, которыя кажутся намъ характерными для тогдашняго положенія дѣлъ или примѣнимыми и къ условіямъ настоящаго времени.

„Система административныхъ взысканій по дѣламъ печати, созданная во Франціи послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 г., заимствованная оттуда, на короткое время, нѣсколькими европейскими государствами (Пруссіей, Австріей, Турціей), но теперь существующая только въ одной Россіи,— представляется явнымъ отступленіемъ отъ тѣхъ началъ, на которыхъ, въ большей или меньшей степени, основанъ государственный бытъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Въ теоріи всѣ согласны съ тѣмъ, что карательная власть должна принадлежать суду, а не администраціи; что никакое наказаніе не должно быть налагаемо безъ выслушанія оправданій обвиняемаго; что наказаніе должно падать *только* на виновнаго, должно имѣть по возможности личный характеръ; что извѣстное дѣйствіе наказуемо лишь тогда, когда оно запрещено уголовнымъ закономъ; что никто не можетъ быть въ одно и то же время обвинителемъ и судьею, еще менѣе — судьею въ собственномъ своемъ дѣлѣ. Система административныхъ взысканій идетъ на-перекоръ всѣмъ этимъ началамъ. Она облекаетъ администрацію правомъ налагать наказанія безъ суда, собственною властью; вѣдь нельзя же отрицать, что временное или совершенное прекращеніе изданія есть наказаніе въ полномъ смыслѣ этого слова. Административнымъ взысканіямъ не предшествуетъ истребованіе объясненій

отъ обвиняемыхъ; они не допускаютъ ни защиты прежде приговора, ни жалобы на приговоръ. Они падаютъ съ одинаковою силой на виновныхъ, т. е. на автора статьи и на редактора журнала (если предположить, что послѣднiй—дѣйствительно лицо отвѣтственное за все помѣщаемое въ журналѣ),—и на невинныхъ, т. е. на издателей и сотрудниковъ журнала. Они не ограничиваются извѣстной, заранѣе опредѣленной сферой правонарушенiй; граница, за которою возникаетъ возможность отвѣтственности, измѣняется чуть ли не съ каждымъ днемъ и никогда не бываетъ общею для всѣхъ перiодическихъ изданiй. Наконецъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда печать обсуждаетъ дѣйствiя администрацiи, послѣдняя является судьею оскорбленiй, ей самой нанесенныхъ, Вотъ почему система административныхъ взысканiй никогда и нигдѣ не была выставляема послѣднимъ словомъ законодательства по дѣламъ печати, нормальнымъ, прочнымъ регуляторомъ отношенiй между правительствомъ и литературой. Самые ревностные защитники этой системы стремятся только къ тому, чтобы доказать ея необходимость *въ данную минуту*, впредь до наступленiя условiй, болѣе благопрiятныхъ. Они ссылаются, въ большей части случаевъ, на возбужденное состоянiе общества, несовмѣстное съ спокойнымъ обсужденiемъ спорныхъ вопросовъ; на существованiе партiй, систематически враждебныхъ правительству; на недостаточность судебнаго преслѣдованiя, безсильнаго противъ самыхъ вредныхъ ученiй, если они проводятся незамѣтно, постепенно, въ осторожной формѣ, безъ прямого и явнаго столкновенiя съ закономъ. Объ исторiи нашей перiодической прессы за послѣднiе три-четыре года можно судить весьма различно; но никто не станетъ утверждать, чтобы ей недоставало спокойствiя и сдержанности. Затишье, господствующее въ обществѣ, отразилось и въ печати. У насъ нѣтъ *старыхъ партiй*, противъ которыхъ была преимущественно направлена система административныхъ взысканiй во Францiи; у насъ нѣтъ той розни между правительствомъ и народомъ, которая вызвала въ

Пруссіи королевскій указъ 1 іюня 1863 г. [1]); въ прошедшемъ нашего правительства нѣтъ того ряда неудачъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, подъ бременемъ которыхъ находилось австрійское правительство, когда прибѣгло, на короткое время, къ системѣ предостереженій. У насъ есть журналы консервативные, даже ультра-консервативные и ретроградные. Отсюда возможность бороться съ оппозиціей ея же оружіемъ — возможность, очевидно позволяющая ограничить примѣненіе мѣръ репрессивныхъ. Одновременно съ консервативными и ультра-консервативными журналами въ нашей литературѣ появляется другой родъ изданій, прежде почти небывалый: появляются газеты, посвященныя преимущественно скандаламъ, сплетнямъ, дрязгамъ всякаго рода, лишенныя не только серьезнаго направленія, но даже серьезнаго содержанія, разсчитывающія на тотъ видъ любопытства, который возбуждается въ праздныхъ прохожихъ какимъ-нибудь *казусомъ*, случившимся на улицѣ. Достаточно-ли одной карательной власти суда, чтобы удержать эти газеты въ границахъ приличія, чтобы оградить отъ ихъ нападеній доброе имя частныхъ лицъ? Можно-ли достигнуть этой цѣли безъ чрезвычайныхъ мѣръ взысканія, которыми располагаетъ администрація? Кто знакомъ хотя сколько-нибудь съ исторіей нашей журналистики, тотъ не колеблясь дастъ на эти вопросы отвѣтъ утвердительный. Онъ скажетъ, что литература скандаловъ, родившаяся подъ крыломъ предварительной цензуры, окрѣпла и процвѣла при дѣйствіи системы административныхъ взысканій; что первыя попытки пересадить ее на нашу почву, сдѣланныя въ концѣ пятидесятыхъ годовъ („Весельчакъ“, „Заноза“ и т. п.), не удались только потому, что нравственный уровень журналистики стоялъ въ то время еще слишкомъ высоко; что въ продолженіе трехъ лѣтъ только *одна* газета изъ той

[1]) Этотъ указъ, изданный собственно съ цѣлью обуздать оппозицію на время выборовъ, дѣйствовалъ не болѣе полугода.

категоріи, о которой идетъ рѣчь, получила два предостереженія; что всѣ рѣшительныя мѣры въ защиту частныхъ и даже должностныхъ лицъ отъ извѣстнаго рода оскорбленій были приняты именно судебною властью. Достаточно напомнить, что номеръ „Петербургской Газеты“, въ которомъ была помѣщена неслыханная, по своей наглости, статья о судебныхъ слѣдователяхъ, лицахъ прокурорскаго надзора и членахъ окружнаго суда, свободно обращался въ публикѣ въ то самое время, когда наложенъ былъ арестъ на философскія сочиненія Герберта Спенсера и Дж. Ст. Милля.

„Отстаивая необходимость системы административныхъ взысканій, защитники ея ссылаются чаще всего на невозможность замѣнить ее одною отвѣтственностью передъ судомъ; они предполагаютъ, что судъ можетъ карать только отдѣльные, опредѣленные проступки, а не цѣлое направленіе журнала, въ особенности если оно замаскировано съ достаточнымъ искусствомъ. Въ основаніи этого мнѣнія лежитъ явное недоразумѣніе. Если бы судъ былъ стѣсненъ формальною теоріей доказательствъ, тогда, пожалуй, можно было бы утверждать, что подъ эту теорію не подойдетъ неуловимое понятіе о вредномъ направленіи журнала. Если бы при судѣ не было правильно - организованной обвинительной власти, тогда можно было бы утверждать, что некому будетъ взять на себя сопоставленіе статей, необходимое для опредѣленія общаго ихъ смысла. Если бы, наконецъ, судъ по дѣламъ печати принадлежалъ у насъ присяжнымъ, а не коронным судьямъ, тогда можно было бы утверждать, хотя и съ большой натяжкой, что присяжные, взятые изъ разныхъ слоевъ общества, незнакомые съ журналомъ, о которомъ имъ предстоитъ произнести приговоръ, выслушавшіе только одинъ разъ, во время засѣданія, содержаніе преслѣдуемыхъ статей, не будутъ въ состояніи усвоить себѣ предметъ обвиненія, раскрыть связь между статьями, напасть на слѣдъ мысли, въ нихъ проводимой. Но таково ли, въ настоящее время, положеніе судебной части у насъ въ Россіи?

Сомнѣнія въ способности и добросовѣстности судей, существовавшія въ моментъ обнародованія закона 6 апрѣля 1865 года, давно устранены судебной реформой и ея блестящимъ успѣхомъ. Производство суда по дѣламъ печати предоставлено, по закону 12 декабря 1866 года, высшимъ судебнымъ установленіямъ: судебной палатѣ и уголовному кассаціонному департаменту сената, въ огромномъ большинствѣ случаевъ—безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Эти дѣла, какъ и всѣ другія, рѣшаются судьями по внутреннему убѣжденію и совѣсти, а не по формальной системѣ доказательствъ. Обвинительная власть, іерархически организованная, обязана начинать преслѣдованіе журнала или газеты, когда этого требуетъ цензурный комитетъ или главное управленіе по дѣламъ печати. При такомъ порядкѣ вещей, судебное преслѣдованіе журнала за вредное направленіе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ статей, не представляетъ рѣшительно ничего невозможнаго или неудобнаго. Постановка обвиненія будетъ зависѣть отъ тѣхъ спеціальныхъ учрежденій, которыя пріобрѣли уже достаточную опытность въ раскрытіи и преслѣдованіи вредныхъ направленій. Поддержка обвиненія передъ судомъ не будетъ заключать въ себѣ ничего несовмѣстнаго съ обыкновенными пріемами обвинительной власти; кто привыкъ выводить виновность обвиняемаго изъ совокупности уликъ, тотъ сумѣетъ доказать вредное направленіе журнала посредствомъ отдѣльныхъ выдержекъ изъ него. То же умѣнье, по тѣмъ же самымъ причинамъ, слѣдуетъ предполагать и въ членахъ суда. Средства, съ помощью которыхъ опредѣляется направленіе журнала, одинаково доступны для цензоровъ, для прокуроровъ и для судей. Можно пользоваться этими средствами съ бо̀льшимъ или меньшимъ усердіемъ, съ бо̀льшимъ или меньшимъ разборомъ, — и мы, конечно, не утверждаемъ, что способъ пользованія ими будетъ одинъ и тотъ же въ вѣдомствахъ цензурномъ и судебномъ; мы думаемъ только, что для общей оцѣнки дѣятельности журнала судебная палата компетентна отнюдь не меньше любого цензурнаго комитета.

„Противъ судебнаго преслѣдованія проступковъ печати приводится иногда еще одинъ аргументъ—медленность этого преслѣдованія, сравнительно съ административными взысканіями, которыя могутъ быть рѣшены и объявлены хоть на другой день послѣ совершенія проступка. Но развѣ подобная быстрота безусловно необходима? Развѣ она не имѣетъ своихъ дурныхъ сторонъ, открывая слишкомъ большой просторъ первому впечатлѣнію, устраняя возможность всесторонняго, спокойнаго обсужденія дѣла? Въ случаяхъ особенно важныхъ административная власть имѣетъ право наложить арестъ на преслѣдуемый нумеръ газеты или журнала, и такимъ образомъ предупредить обращеніе его въ публикѣ до судебнаго приговора. Наконецъ, самое судебное производство по дѣламъ печати можетъ оканчиваться въ весьма короткое время, такъ какъ по этимъ дѣламъ, въ бóльшей части случаевъ, нѣтъ надобности ни въ предварительномъ слѣдствіи, ни въ процедурѣ преданія суду.

„Произвольная власть администраціи надъ печатью не укладывается въ строго-опредѣленныя формы, чуждается всякихъ постоянныхъ правилъ и не считаетъ себя обязанною уважать границы, ею же установленныя. Правительство Наполеона III-го нѣсколько разъ объявляло, что предостереженіямъ должны подлежать исключительно статьи, направленныя противъ династіи и всего существующаго порядка вещей—и никогда не оставалось вѣрнымъ этому объявленію. Тотъ же министръ, который пытался положить предѣлъ административному произволу, открывалъ ему вновь широкую дорогу, какъ только появлялась статья, непріятная для администраціи. Предостереженіямъ подвергались даже такія газеты, какъ оффиціозная „France", даже такія статьи, какъ спокойный, чисто дѣловой обзоръ положенія французскихъ финансовъ. Исторія нашей печати съ 1865-го г. представляется, въ этомъ отношеніи, точнымъ снимкомъ съ исторіи французской печати 1852—1867 гг. Въ хорошихъ намѣреніяхъ и у насъ не было недостатка, но послѣдовательности въ исполненіи ихъ не

было, да и не могло быть, потому что она противна самому свойству административнаго полновластія въ дѣлахъ печати. Въ журналахъ комиссіи, приготовлявшей проектъ устава о книгопечатаніи, встрѣчается, напримѣръ, слѣдующая фраза: „административныя взысканія находятъ для себя *единственное* извиненіе и почти *единственный* случай примѣненія, когда въ періодическомъ изданіи является такъ-называемое *вредное направленіе*". При всей неопредѣленности этого выраженія, оно доказываетъ съ достаточною ясностью по крайней мѣрѣ одно,—что лица, вводившія у насъ систему административныхъ взысканій, считали несправедливымъ примѣненіе ея къ отдѣльнымъ проступкамъ печати, если они не состоятъ въ связи съ вреднымъ направленіемъ журнала. И что же? Первое предостереженіе, данное на основаніи закона 6-го апрѣля, постигло „С.-Петербургскія Вѣдомости" (въ сентябрѣ 1865 г.) не за цѣлый рядъ статей, опасныхъ для общества или для государства, а за отдѣльную статью по частному вопросу (о продажѣ или залогѣ государственныхъ имуществъ). Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много; но пойдемъ далѣе и посмотримъ, что̀ разумѣлось у насъ подъ именемъ *вреднаго направленія* журнала. Понятіе о̀ вредѣ—понятіе крайне относительное и эластичное; то, что̀ сегодня кажется вреднымъ, завтра можетъ быть признано полезнымъ, и наоборотъ. Въ правильной общественной жизни, управляемой законами, не можетъ, поэтому, быть и рѣчи о вредномъ направленіи журнала, а можетъ быть рѣчь только объ извѣстныхъ, опредѣленныхъ проступкахъ печати. Тамъ, гдѣ еще не установилось такое простое, естественное отношеніе къ печати, понятіе о вредномъ направленіи журнала должно быть, по крайней мѣрѣ, заключено въ границы по возможности тѣсныя. Оно не должно быть распространяемо дальше тенденцій, прямо угрожающихъ опасностью существующему порядку вещей. У насъ, напротивъ того, слишкомъ замѣтно желаніе расширить это понятіе до самыхъ крайнихъ его предѣловъ. Вреднымъ направленіемъ

признается у насъ и стремленіе порицать дѣйствія правительства, хотя бы оно выходило изъ самыхъ лучшихъ побужденій (предостереженія, данныя газетѣ „Москва“ 26-го марта 1867 и 28-го апрѣля 1868 г.), и „сопоставленіе земскихъ учрежденій съ правительственными властями, обвиняемыми въ произволѣ или неисполненіи закона“ (предостереженіе, данное „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“ 2-го марта 1867 г.), и „стремленіе изображать въ неблагопріятномъ свѣтѣ положеніе дѣлъ въ Россіи“ (предостереженіе, данное „St.-Petersburger Zeitung“ 29-го сентября 1868 г.),—признается или можетъ быть признано, однимъ словомъ, всякое направленіе, несогласное, въ данную минуту, съ тѣмъ или другимъ взглядомъ административной власти. Отсюда проистекаютъ явленія, надъ которыми призадумается будущій историкъ нашей печати. Ему трудно будетъ повѣрить, что при существованіи порядка, направленнаго лишь къ обузданію журналовъ вредныхъ или опасныхъ, могла быть запрещена на время такая газета, какъ „Московскія Вѣдомости“, могла быть пріостановлена три раза (въ продолженіе двухъ лѣтъ) такая газета, какъ „Москва“. Въ дѣятельности „Московскихъ Вѣдомостей“ никто, конечно, не найдетъ и тѣни вражды къ правительству, къ основамъ нашего государственнаго и общественнаго устройства. Вредить правительству „Московскія Вѣдомости“ могли развѣ излишнимъ усердіемъ своимъ, слишкомъ ревностнымъ стремленіемъ къ тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовало правительство: но не отъ администраціи же должна исходить кара за увлеченія этого рода. Еще менѣе сомнѣній, повидимому, могло возбуждать направленіе „Москвы“. Ея девизомъ могли бы служить знаменитыя три слова, которыми опредѣлялось, въ сороковыхъ годахъ, прошедшее, настоящее и будущее русскаго народа. Искренность ея чувствъ и убѣжденій признается даже самыми непримиримыми ея противниками. Внѣшняя форма ея статей можетъ показаться рѣзкою только по сравненію съ вынужденною сдержанностью подцензурной печати. Между тѣмъ, изъ всѣхъ органовъ на-

шей печати—кромѣ двухъ журналовъ, запрещенныхъ исключительнымъ путемъ и при исключительныхъ обстоятельствахъ, весною 1866-го г.,—ни одинъ не подвергался дѣйствію административныхъ взысканій въ такой мѣрѣ, какъ именно „Москва". Запрещенная 26-го марта 1867 г. (менѣе чѣмъ черезъ три мѣсяца послѣ ея основанія) на три мѣсяца, 29-го ноября того же года—на четыре мѣсяца, она пріостановлена 21-го октября 1868 г. на шесть мѣсяцевъ, и едва-ли поднимется послѣ этого послѣдняго удара [1]). Предостереженія, данныя „Москвѣ", составляютъ такую поучительную страницу въ исторіи нашей печати, что на нихъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько дольше.

„Поводы къ предостереженіямъ, постигшимъ „Москву" были довольно разнообразны. Мы встрѣчаемъ между ними и „неточное и одностороннее толкованіе полицейскихъ распоряженій", и „рѣзкое порицаніе правительственныхъ мѣропріятій по важному предмету государственнаго правосудія" (смертной казни), и „сопоставленіе нѣкоторыхъ тарифныхъ статей о привозимыхъ припасахъ, очевидно неимѣющихъ никакого отношенія къ продовольственнымъ нуждамъ рабочаго населенія, съ преувеличеннымъ изображеніемъ этихъ нуждъ, по случаю бывшаго въ нѣкоторыхъ губерніяхъ неурожая". Главныхъ причинъ строгаго отношенія къ „Москвѣ" было три: неуваженіе къ закону о печати и основаннымъ на немъ распоряженіямъ, — возбужденіе вражды въ одной части населенія противъ другой, — и рѣзкія или неправильныя сужденія о существующихъ у насъ отношеніяхъ между церковью и правительствомъ и между различными церквами. Но если „Москва" дѣйствительно отзывалась съ неуваженіемъ о законѣ или законныхъ распоряженіяхъ администраціи, то что же мѣшало начать противъ нея судебное преслѣдованіе по ст. 1035 Уложенія о наказаніяхъ? Это

[1]) И дѣйствительно, въ 1869 г. „Москва" была прекращена навсегда въ порядкѣ, установленномъ закономъ 6-го апрѣля 1865 года.

имѣло бы по крайней мѣрѣ ту хорошую сторону, что учрежденіе, завѣдующее примѣненіемъ закона о печати, не явилось бы судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ и отклонило бы отъ себя тяжелую обязанность самозащиты. Возбужденіе вражды въ одной части населенія противъ другой также составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное уголовнымъ закономъ (Улож. о Наказ. ст. 1036); и здѣсь, поэтому, трудно понять предпочтеніе, данное административному взысканію передъ судебнымъ.

По церковному вопросу требованія „Москвы“ касались преимущественно двухъ пунктовъ: бо̀льшей независимости православной церкви отъ свѣтской власти и бо̀льшей терпимости въ отношеніи къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ. Исходя изъ другого источника, эти требованія, не смотря на всю ихъ умѣренность и справедливость, могли бы, пожалуй, показаться направленными противъ господствующаго положенія православной церкви; но въ данномъ случаѣ за отсутствіе такихъ намѣреній ручалось все прошедшее редактора „Москвы“ (И. С. Аксакова) и его литературной партіи. Изъ рядовъ этой партіи вышли Кирѣевскій, Хомяковъ, Константинъ Аксаковъ, Новиковъ (авторъ изслѣдованія о Гусѣ и Лютерѣ); въ ея средѣ православная церковь всегда находила не только пассивную преданность, но и активную поддержку. Для людей этой партіи бо̀льшая независимость православной церкви отъ свѣтской власти означаетъ только устраненіе постороннихъ вліяній, мѣшающихъ иногда исполненію задачъ чисто религіозныхъ. Бо̀льшая терпимость въ отношеніи къ другимъ христіанскимъ исповѣданіямъ представляется для нихъ только средствомъ возвысить достоинство православной церкви, не нуждающейся, по ихъ мнѣнію, въ искусственныхъ, внѣшнихъ подпорахъ. Итакъ, въ статьяхъ „Москвы“ о церковномъ вопросѣ также не было ничего похожаго на вредное направленіе, если даже и понимать эти слова въ самомъ оффиціальномъ ихъ смыслѣ.

„Въ чемъ же заключаются, наконецъ, тѣ тяжкіе проступки

„Москвы“, за которые она такъ много пострадала, которые сдѣлали невозможнымъ ея дальнѣйшее существованіе и обрекли на безмолвіе цѣлую литературную партію, лучшую представительницу русскаго консерватизма? Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что „Москвѣ“ повредилъ всего больше *тонъ* ея статей. Господство предварительной цензуры пріучило нашу печать къ недомолвкамъ и намекамъ, пріучило ее выражать даже самыя смѣлыя мысли въ самой скромной формѣ, говорить шопотомъ даже тогда, когда это всего менѣе совмѣстно съ содержаніемъ рѣчи. Обычная осторожность печати нарушалась иногда при обсужденіи общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ—но почти никогда при разборѣ отдѣльныхъ правительственныхъ мѣръ. „Москва“ пошла съ самаго начачала другою дорогой; она заговорила громко, рѣшительно, называя вещи ихъ настоящими именами, не нарушая приличій, но и не останавливаясь на полусловѣ. Къ этому нужно прибавить, что она никогда не заботилась знать, какъ относится въ данную минуту къ тому или другому вопросу то или другое изъ высшихъ должностныхъ лицъ; она старалась смотрѣть на все и на всѣхъ съ точки зрѣнія постоянныхъ правительственныхъ интересовъ, такъ или иначе ею понятыхъ, а не случайныхъ, временныхъ административныхъ тенденцій. Эти двѣ черты встрѣчаются, хотя и въ измѣненномъ видѣ, и въ дѣятельности „Московскихъ Вѣдомостей“. И „Московскія Вѣдомости“ говорили иногда съ непривычною откровенностью о предметахъ, о лицахъ, еще недавно стоявшихъ внѣ сферы журнальной критики. Какъ и „Москвѣ“, это не прошло имъ даромъ; но гроза разразилась надъ ними только однажды и миновала очень скоро. Какъ бы то ни было, судьба „Московскихъ Вѣдомостей“ въ 1866, „Москвы“— въ 1867 и 68 гг., служитъ живымъ доказательствомъ того, что нѣтъ такой благонамѣренности, нѣтъ такого патріотизма, которые бы гарантировали журналъ, сколько-нибудь независимый, противъ карательныхъ мѣръ административной власти. Повторяемъ, это отсутствіе гарантій зависитъ не отъ лицъ,

стоящихъ во главѣ управленія по дѣламъ печати, а отъ самаго свойства системы административныхъ взысканій.

„Въ концѣ 1867 г. въ „Сѣверной Почтѣ“ появилась статья въ защиту закона 6 апрѣля. Доказывая справедливость и пользу административныхъ взысканій по дѣламъ печати, органъ министерства внутреннихъ дѣлъ утверждалъ, между прочимъ, что „ни одно изданіе не было пріостановлено, на основаніи закона 6-го апрѣля, безъ собственной и очевидно настойчивой на то рѣшимости издателей. Когда объявлено предостереженіе, всякому изданію предстоитъ выборъ между принятіемъ или непринятіемъ его къ соображенію и руководству на будущее время. Въ первомъ случаѣ, предостереженіе не повторяется; въ послѣднемъ — оно не можетъ не повториться. Незнаніемъ предѣловъ, гдѣ начинается рискъ предостереженія и гдѣ наступаетъ его достовѣрность, не могутъ отзываться опытные въ дѣлѣ печати издатели. Этому незнанію можетъ вѣрить только читающая публика, менѣе опытная въ этомъ дѣлѣ. Издатели вѣрно цѣнятъ свои статьи и знаютъ, что и управленіе по дѣламъ печати ихъ оцѣнитъ вѣрно. Если въ этомъ отношеніи возникаютъ сомнѣнія, то источникъ ихъ большею частью заключается не въ вопросѣ, заслуживаетъ ли статья предостереженія или нѣтъ, а въ другомъ вопросѣ: насколько подлежащая власть, предварительно взвѣшивающая, съ одной стороны, поводы къ предостереженію, съ другой—неудобства, сопряженныя съ принятіемъ этой мѣры и возбужденными ею толками, дастъ перевѣсъ, въ томъ или другомъ случаѣ, тому или другому ряду соображеній“. Итакъ, если вѣрить „Сѣверной Почтѣ“, всѣ невзгоды, которымъ подвергались наши періодическія изданія со времени введенія въ дѣйствіе закона 6 апрѣля, были чѣмъ-то въ родѣ самоубійства, заранѣе обдуманнаго и приготовленнаго. Газеты были пріостанавливаемы только потому, что сами того настойчиво хотѣли. Нашею печатью овладѣлъ внезапно духъ самоистребленія, подъ вліяніемъ котораго даже самые опытные издатели переставали думать о своихъ мате-

ріальныхъ интересахъ. Нужно ли доказывать, что эта странная картина не соотвѣтствуетъ дѣйствительности? Нужно ли доказывать, что ни одинъ журналъ, существованіе котораго хотя сколько нибудь обезпечено, не идетъ добровольно на встрѣчу карательнымъ мѣрамъ, за которыя онъ можетъ такъ дорого поплатиться? Безспорно, бываютъ случаи, когда редакторъ журнала, глубоко убѣжденный въ справедливости извѣстнаго мнѣнія, въ необходимости высказать его прямо и открыто, помѣщаетъ статью, за которою *неизбѣжно* должно слѣдовать предостереженіе; но это случаи рѣдкіе, исключительные, несовмѣстные съ тою осторожностью, къ которой издавна привыкли наши редакціи. *Возможность* предостереженія существуетъ для каждаго независимаго журнала, въ каждую данную минуту; *вѣроятность* его не поддается никакимъ опредѣленіемъ и расчетамъ. Къ произволу, господствующему при раздачѣ предостереженій, нельзя примѣниться; изъ прежнихъ примѣровъ нельзя вывести никакого положительнаго правила, потому что между ними нѣтъ внутренней логической связи. Доказательство этому можно найти въ словахъ самой „Сѣверной Почты". Она признаетъ, что рѣшеніе административной власти обусловливается не только содержаніемъ статьи, но и неудобствами, съ которыми можетъ быть сопряжено предостереженіе, толками, которые оно можетъ вызвать. Положимъ, что соображенія послѣдняго рода одержали верхъ надъ первыми, и что административная власть рѣшилась оставить напечатаніе извѣстной статьи безъ послѣдствій, хотя и находила, что за нее слѣдовало бы дать предостереженіе. Мотивы этого рѣшенія остаются, конечно, тайной не только для другихъ редакцій, но и для той, которой угрожало административное взысканіе. Черезъ нѣсколько дней появляется новая статья въ томъ же направленіи и тонѣ, вызванная именно безнаказанностью первой статьи. На этотъ разъ административная власть не встрѣчаетъ, почему бы то ни было, никакихъ препятствій къ принятію строгой карательной мѣры—и предостереженіе постигаетъ редакцію въ

ту минуту, когда она всего меньше его ожидала. Противъ подобныхъ сюрпризовъ безсильна всякая опытность, всякая осторожность. Есть еще другая причина, по которой самое внимательное изученіе предостереженій, прежде данныхъ, оказывается безполезнымъ для редакторовъ и издателей журналовъ: это — крайняя недостаточность и неопредѣленность мотивовъ, на которыхъ основываются предостереженія. Положимъ, что газета получила предостереженіе за „*рѣзкое* порицаніе правительственнаго мѣропріятія“ или за „*голословное* обвиненіе правительственныхъ властей въ произволѣ или неисполненіи закона“; развѣ это предостереженіе поможетъ ей отличать, на будущее время, рѣзкую критику отъ мягкой, голословное обвиненіе отъ доказательнаго? Она не повторитъ, конечно, тѣхъ выраженій, тѣхъ нападокъ, которыя были непосредственнымъ поводомъ предостереженія—если только въ немъ указанъ этотъ поводъ, т. е. приведены самыя слова, вызвавшія предостереженіе (что бываетъ далеко не всегда); но она останется по прежнему въ недоумѣніи на счетъ того, въ какой степени должно быть доказано обвиненіе, чтобы его не признали голословнымъ, стушевано порицаніе, чтобы его не признали рѣзкимъ. Полнота и ясность мотивовъ немыслима тамъ, гдѣ нѣтъ ни защиты, ни апелляціи; незачѣмъ заботиться о подкрѣпленіи того, чего опровергать никто не вправѣ.

„Въ статьѣ „Сѣверной Почты“, о которой мы упомянули выше, выражена, между прочимъ, мысль, что примѣненіе закона 6 апрѣля не нанесло ущерба нашей безцензурной печати, не пріостановило ея постепеннаго развитія. Число изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, возрасло въ теченіе двухъ лѣтъ съ 16 до 27. „Рядомъ съ бывшими случаями пріостановленія изданій на извѣстные сроки—прибавляетъ оффиціальная газета, — возникали ходатайства о разрѣшеніи новыхъ изданій. Въ этомъ простомъ фактѣ выражается убѣжденіе въ возможности періодической печати при законѣ 6-го апрѣля“. *Возможность* существованія пе-

ріодической печати при дѣйствіи системы административныхъ взысканій никто никогда и не отвергалъ; но всякій согласится съ тѣмъ, что одною возможностью существованія еще не исчерпываются законныя требованія печати и общества. Періодическая печать была возможна и при дѣйствіи предварительной цензуры; но мы не помнимъ, чтобы кто-нибудь ссылался на этотъ фактъ, какъ на доводъ противъ уничтоженія цензуры. Законъ о печати можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ только тогда, когда онъ обезпечиваетъ собою правильное, спокойное развитіе ея. Съ этой точки зрѣнія, увеличеніе числа періодическихъ изданій не служитъ еще, само по себѣ, доказательствомъ въ пользу закона 6-го апрѣля. Для общества важно не число газетъ и журналовъ, а содержаніе и направленіе ихъ, возможно-полное и свободное обсужденіе ими всѣхъ вопросовъ, занимающихъ общество въ данную минуту. При дѣйствіи системы административныхъ взысканій, осуществленіе этой задачи затрудняется гораздо больше препятствіями закулисными, незамѣтными для публики, чѣмъ явнымъ противодѣйствіемъ администраціи. О силѣ гнета, тяготѣющаго надъ журналистикой, нельзя судить ни по числу предостереженій, ни по числу журналовъ, пріостановленныхъ или вовсе запрещенныхъ. Ни та, ни другая цифра не даетъ даже приблизительнаго понятія о числѣ статей, оставшихся ненапечатанными, мыслей, оставшихся невысказанными, о массѣ труда, потраченнаго понапрасну, о всемъ томъ, что могла бы сдѣлать журналистика на пользу общества и чего она не сдѣлала изъ опасенія навлечь на себя гнѣвъ административной власти. Чтобы оцѣнить по достоинству эти невидимые, скрытые результаты системы административныхъ взысканій, стоитъ только припомнить, до чего она довела французскую журналистику въ періодъ времени между 1852 и 1867 годами.

„Система административныхъ взысканій, какъ она ни тяжела для печати, имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ предварительной цензурой. Несправедливо было бы утверж-

дать, что положеніе нашей періодической литературы не измѣнилось къ лучшему, благодаря закону 6 апрѣля 1865 г. Было время, когда наша литература, несмотря на господство цензуры, пользовалась, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, большею свободой, чѣмъ въ 1865—68 г.г.; но это была, во-первыхъ, свобода въ высшей степени непрочная и эфемерная, во-вторыхъ — ограниченная сферой общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ. Уничтоженіе предварительной цензуры уменьшило зависимость печати отъ случайныхъ обстоятельствъ, отъ личнаго произвола, сдѣлало возможнымъ обсужденіе такихъ предметовъ, которые прежде были недоступны для литературы. Такъ напримѣръ, русская исторія еще недавно останавливалась, для критики, на Екатеринѣ II или даже Петрѣ Великомъ; безпристрастное, научное изслѣдованіе позднѣйшихъ событій началось только послѣ изданія закона 6 апрѣля. Разборъ правительственныхъ распоряженій—и теперь задача нелегкая и небезопасная, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ печать не могла о немъ и думать. Опека надъ печатью существуетъ, конечно, и теперь, но она потеряла свой мелочной, придирчивый характеръ; продолжая тяготѣть надъ мыслью, она не отражается, какъ прежде, на каждомъ отдѣльномъ словѣ. Авторъ статьи не рискуетъ болѣе увидѣть ее въ печати съ измѣненіями и дополненіями вовсе не литературнаго свойства. Шагъ впередъ сдѣланъ, однимъ словомъ, довольно большой; но порядокъ вещей, сносный сравнительно съ прошедшимъ, представляется тѣмъ не менѣе крайне ненормальнымъ. Окончательно поставить на ноги русскую печать, уничтожить слѣды ея долговременнаго рабства, возвысить ее на то мѣсто, которое принадлежитъ ей по праву среди преобразованнаго русскаго общества, можетъ только подчиненіе ея исключительно общему закону и судебной власти. Мы знаемъ, что безусловно-исключительнымъ, по крайней мѣрѣ на первое время, это подчиненіе все-таки не будетъ, что случаи административныхъ взысканій будутъ встрѣчаться и послѣ уничтоженія, de jure, самой системы предостереженій. Но та-

кое переходное положеніе дѣлъ не можетъ быть слишкомъ продолжительно; законъ всегда вступаетъ, мало-по-малу, во всѣ права свои, отступленія отъ него становятся все рѣже и рѣже; появляется убѣжденіе, что для охраны правительственныхъ интересовъ и общественнаго спокойствія нѣтъ надобности въ средствахъ экстралегальныхъ. Вотъ почему мы думаемъ, что отмѣна системы административныхъ взысканій, оставляя въ рукахъ правительства болѣе чѣмъ достаточную власть надъ печатью, была бы для печати пріобрѣтеніемъ въ высшей степени драгоцѣннымъ. Принять на себя всѣ тяжелыя послѣдствія отвѣтственности передъ судомъ наша печать согласилась бы, конечно, съ такою же радостью, съ какою она отказалась отъ безнаказанности, обусловленной подчиненіемъ цензурѣ.

„О палліативныхъ мѣрахъ, которыми могли бы быть смягчена система административныхъ взысканій, мы не будемъ говорить подробно именно потому, что слишкомъ глубоко сознаемъ необходимость совершенной ея отмѣны; скажемъ только, что изъ числа этихъ мѣръ самою полезною и справедливою было бы *установленіе срока, по истеченіи котораго предостереженія теряли бы свою силу*. Въ настоящее время два предостереженія, данныя журналу, могутъ повлечь за собою временное запрещеніе его, хотя бы между вторымъ и третьимъ предостереженіемъ прошло два, три, четыре года. Не менѣе полезно было бы установить для временнаго запрещенія журнала тотъ же порядокъ, какой существуетъ для совершеннаго прекращенія изданія, т. е. предоставить какъ то, такъ и другое первому департаменту правительствующаго сената.

„Другая сторона административной власти надъ періодическою печатью — предварительное административное разрѣшеніе, какъ непремѣнное условіе для основанія журнала или газеты. Соединеніе въ однѣхъ рукахъ двухъ орудій власти, до такой степени сильныхъ, кажется намъ прежде всего, если можно такъ выразиться, *политическимъ плеоназ-*

момъ. Если отъ администраціи зависитъ остановить, во всякое время, выходъ въ свѣтъ журнала или газеты, то къ чему затруднять основаніе новыхъ періодическихъ изданій? И наоборотъ, если изданіе журнала разрѣшается только лицамъ, представившимъ достаточныя доказательства своей благонадежности, то къ чему подвергать такихъ благонадежныхъ людей всей строгости системы административныхъ взысканій? Даже допустивъ на минуту оспариваемую нами необходимость чрезвычайныхъ мѣръ противъ злоупотребленій печатнаго слова, все-таки нельзя не признать, что нѣтъ причины подкрѣплять одну мѣру предосторожности другою, что избытокъ гарантій не менѣе вреденъ, чѣмъ полное ихъ отсутствіе. Правда, французы говорятъ, что „abondance de biens ne nuit pas“; но вѣдь въ стѣсненіяхъ печатнаго слова даже защитники ихъ видятъ скорѣе неизбѣжное зло, чѣмъ абсолютное благо—а неизбѣжное зло законно только подъ условіемъ доведенія его до возможно-меньшихъ размѣровъ. Повторяемъ, логическая послѣдовательность требовала бы полной свободы въ основаніи журналовъ, если они подчинены системѣ административныхъ взысканій, или уничтоженія системы административныхъ взысканій, если для основанія журнала необходимо предварительное согласіе администраціи. Почему же мы видимъ на практикѣ явленіе совершенно противуположное? Почему, напримѣръ, во Франціи система предварительнаго разрѣшенія была и установлена, и отмѣнена одновременно съ системой административныхъ взысканій? Откуда эта тѣсная связь между мѣрами, взаимно исключающими одна другую? Дѣло въ томъ, что онѣ обѣ—произведеніе одного и того же духа недовѣрія и нерасположенія къ печати. Когда, напримѣръ, во Франціи законодатель, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ случайныхъ причинъ, боится печати и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ себя достаточно сильнымъ, чтобы идти на-перекоръ потребности общества въ свободномъ печатномъ словѣ, онъ не останавливается на полъдорогѣ и налагаетъ на печать столько оковъ, сколько она въ

состояніи вынести въ данную минуту. Ему мало одного средства вліянія на печать; его можетъ успокоить только полная зависимость ея отъ администраціи. Такова была цѣль Наполеона III при изданіи февральскаго декрета 1852-го г. Наше законодательство пришло къ тому же результату нѣсколько другимъ путемъ. Опасаться печати, какъ опасалось ея французское правительство послѣ декабрьскаго переворота, оно не имѣло никакихъ основаній; но оно не довѣряло ей, не довѣряло ни ея зрѣлости, ни ея направленію, и потому рѣшилось предоставить ей только minimum свободы, которой она до тѣхъ поръ была (de jure) лишена совершенно.

Что система предварительнаго административнаго разрѣшенія несправедлива и обременительна для печати—объ этомъ не можетъ быть никакого спора. Въ дѣлахъ печати, какъ и во всѣхъ другихъ, не должно быть осужденій, основанныхъ только на подозрѣніи, не должно быть стѣснительныхъ мѣръ, оправдываемыхъ только отдаленною возможностью вреда. Выборъ занятія или ремесла долженъ быть свободенъ для каждаго; запрещеніе заниматься извѣстнымъ дѣломъ есть важное ограниченіе гражданскихъ правъ—а для ограниченія правъ необходимъ судебный приговоръ, въ основаніи котораго долженъ, въ свою очередь, лежать установленный судомъ проступокъ. Не странно ли, что судъ, по нашимъ законамъ, имѣетъ право запретить лицу, обвиненному за проступокъ печати, исправленіе обязанностей издателя или редактора на срокъ не свыше пяти лѣтъ (Улож. о наказ., ст. 1046 п. 2), а администрація можетъ подвергнуть лицо, ни въ чемъ еще не оказавшееся виновнымъ, такому же запрещенію на неопредѣленное время, т. е. хоть навсегда? Съ перваго взгляда можетъ даже показаться, что система предварительнаго административнаго разрѣшенія еще болѣе неблагопріятна для правильнаго развитія періодической печати, нежели система административныхъ взысканій. Вооруженная правомъ предварительнаго разрѣшенія, администрація можетъ сдѣлать немыслимой всякую сколько-нибудь независимую прессу, уни-

чтожить въ самомъ корнѣ все сколько-нибудь похожее на оппозицію, создать и поддержать въ журнальномъ хорѣ полный униссонъ, не знающій диссонансовъ. Въ теоріи все это не подлежитъ сомнѣнію; но въ дѣйствительности, къ счастью, теорія осуществляется не всегда. Администрація— за исключеніемъ только самыхъ тяжелыхъ, мрачныхъ моментовъ народной жизни—пользуется своимъ правомъ съ большею или меньшею умѣренностью; враговъ своихъ—или лучше сказать, тѣхъ, кого она считаетъ своими врагами— она, конечно, не допускаетъ въ журнальную сферу, но не ограничиваетъ ее и одними признанными своими друзьями, не требуетъ безусловно отъ своихъ избранниковъ оффиціальнаго или оффиціознаго взгляда на вещи. Она понимаетъ, что если пресса, окрашенная въ одинъ казенный цвѣтъ, безсильна какъ орудіе оппозиціи, то столь же напрасно было бы ожидать отъ нея содѣйствія правительственнымъ цѣлямъ; она понимаетъ, что безъ извѣстной свободы мнѣній смѣшны и странны изліянія самаго благонамѣреннаго консерватизма. Съ другой стороны, соображенія, которыми руководствуется администрація при разрѣшеніи журнала, могутъ оказаться— и часто оказываются—отчасти ошибочными. Редакторъ, сегодня совершенно благонадежный, завтра можетъ измѣнить свой образъ мыслей или по крайней мѣрѣ свой образъ дѣйствій, подпасть подъ чье-нибудь постороннее вліяніе или просто разсчитать, что выгоднѣе окружить себя сотрудниками изъ среды другой литературной партіи. Благодаря этимъ различнымъ причинамъ, система предварительнаго административнаго разрѣшенія не препятствуетъ, на практикѣ, довольно большому разнообразію въ направленіи періодическихъ изданій. Мы не хотимъ называть ничьихъ именъ, но стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на періодическую прессу послѣднихъ 3—4 лѣтъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что при дѣйствіи закона 6 апрѣля основано нѣсколько вполнѣ независимыхъ изданій, а нѣкоторыя другія сдѣлались независимыми, хотя редакторъ у нихъ остался прежній. Это при-

водитъ насъ къ убѣжденію, что система предварительнаго разрѣшенія—меньшее изъ двухъ золъ, сравнительно съ системой административныхъ взысканій, и что отмѣнить первую, не уничтоживъ послѣдней, не значило бы произвести существенную перемѣну къ лучшему въ положеніи русской печати.

„Само собою разумѣется, что все сказанное нами о необходимости административнаго разрѣшенія для основанія журнала примѣняется, можетъ быть съ большей еще силой, и къ необходимости административнаго разрѣшенія для замѣны одного отвѣтственнаго редактора другимъ. Съ помощью этого послѣдняго права администрація можетъ остановить на неопредѣленное время изданіе любого журнала, если онъ имѣлъ несчастье потерять своего редактора; ей стоитъ только отказывать въ своемъ утвержденіи всѣмъ тѣмъ, кто изъявитъ желаніе занять вакантное мѣсто. А между тѣмъ, остановка изданія уже существующаго и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи гораздо вреднѣе, чѣмъ противудѣйствіе основанію новаго журнала. Въ частомъ злоупотребленіи своимъ правомъ администрацію обвинять нельзя, благодаря тѣмъ же причинамъ, по которымъ она разрѣшаетъ иногда основаніе независимыхъ журналовъ; но для осужденія системы достаточно и того, что изъ нея проистекаетъ *возможность злоупотребленій*.

„Положеніе періодическихъ изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, не можетъ быть названо ни обезпеченнымъ, ни легкимъ, вслѣдствіе тяготѣющей надъ ними системы административныхъ взысканій; но еще менѣе завидно положеніе изданій, подчиненныхъ, на прежнемъ основаніи, предварительной цензурѣ. Если бы выборъ между тѣмъ и другимъ порядкомъ вещей зависѣлъ отъ самого издателя или редактора, если бы предварительная цензура служила только убѣжищемъ для тѣхъ, кто не можетъ внести залога или не хочетъ рисковать своею собственностью,—тогда существованіе цензуры, оставаясь, конечно, явленіемъ весьма ненормальнымъ,

не нарушало бы, по крайней мѣрѣ, равноправности между журналами. Но освобожденіе или неосвобожденіе періодическаго изданія, вновь основываемаго, отъ предварительной цензуры предоставлено закономъ усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. Итакъ, даже система административныхъ взысканій, облекающая администрацію правомъ жизни и смерти надъ повременными изданіями, оказывается орудіемъ недостаточно сильнымъ для обузданія прессы! Существуютъ изданія, которыя, еще до выхода ихъ въ свѣтъ, признаются настолько опасными для правительства, что чувствуется потребность установить контроль надъ каждымъ отдѣльнымъ ихъ словомъ! Порядокъ вещей, несвоевременность котораго послужила поводомъ къ изданію закона 6-го апрѣля, остается въ силѣ для цѣлой категоріи журналовъ, причисленіе къ которой зависитъ исключительно отъ усмотрѣнія администраціи. Если это было сдѣлано въ видѣ опыта, если правительство не хотѣло окончательно разстаться съ прежней системой, пока не испытана новая, то испытаніе продолжается, кажется, уже довольно долго, и результатомъ его является скорѣе необходимость подвинуться впередъ, чѣмъ возвратиться назадъ, къ патріархальной опекѣ надъ печатью. Нельзя представить себѣ ни одного случая, когда система административныхъ взысканій оставляла бы правительство безоружнымъ противъ журнала или газеты, и былъ бы поводъ сожалѣть (съ административной точки зрѣнія) о несуществованіи предварительной цензуры... Въ отношеніяхъ читающей публики къ журналу, издаваемому подъ цензурой, неизбѣжно проявляется одно изъ двухъ: или неудовольствіе на сдержанность и неполноту журнала сравнительно съ другими — или особенный интересъ ко всему тому, что остается въ журналѣ невысказаннымъ или недосказаннымъ. Въ первомъ случаѣ совершенно безвинно страдаетъ журналъ, во второмъ случаѣ происходитъ именно то, противъ чего былъ, между прочимъ, направленъ законъ 6-го апрѣля: цензура не только не противодѣйствуетъ, но, наобо-

ротъ, способствуетъ распространенію нецензурнаго образа мыслей. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы въ настоящую минуту правительство было слабѣе, чѣмъ до введенія въ дѣйствіе закона 6-го апрѣля; а между тѣмъ всѣ главные органы печати освобождены уже съ тѣхъ поръ отъ предварительной цензуры. Совершенная ея отмѣна пройдетъ, въ этомъ отношеніи, такъ же безслѣдно, какъ и первый опытъ ограничить ея господство.

„Дѣйствіе закона 6-го апрѣля распространяется, за немногими и неважными исключеніями, только на С.-Петербургъ и Москву. Столичная литература, безъ того уже поставленная въ положеніе особенно выгодное, пріобрѣла, такимъ образомъ, новое преимущество предъ провинціальной. Преимущество это не имѣетъ правильнаго основанія. Для администраціи подчиненіе провинціи закону 6 апрѣля не представляетъ никакихъ серьезныхъ затрудненій. Внѣ губернскихъ городовъ у насъ еще почти немыслима періодическая пресса, а въ губернскихъ городахъ есть всѣ необходимыя средства для установленія постояннаго контроля надъ печатью. Каждый разъ, когда губернаторъ признаетъ нужнымъ принять противъ газеты какую-нибудь административную мѣру взысканія или возбудить судебное преслѣдованіе, разрѣшеніе центральной власти могло бы быть испрошено и получено, съ помощью телеграфа, въ два—три дня или еще скорѣе. Что же касается до интересовъ самой литературы, то для провинціальной прессы извѣстная доля свободы необходима, можетъ быть, еще больше, чѣмъ для столичной. Столичная пресса никогда не испытываетъ такой мелкой тираніи, какой слишкомъ легко можетъ подвергнуться провинціальная пресса. По характеру вопросовъ, обсужденіе которыхъ сосредоточивается въ столицахъ, по степени вліянія, которымъ пользуются нѣкоторые столичные журналы, по свойству организаціи центральнаго управленія дѣлами печати, по самой многочисленности своихъ органовъ, столичная пресса не можетъ подпасть безусловно подъ власть одного лица, не можетъ быть принуждена

ни къ молчанію о всѣхъ предметахъ, занимающихъ въ данную минуту общественное мнѣніе, ни къ постоянно-хвалебнымъ отзывамъ о каждомъ дѣйствіи начальства. Въ провинціи, напротивъ того, такая зависимость періодической прессы возможна, даже вѣроятна, пока существуетъ предварительная цензура. Умственное господство столицъ надъ провинціей— господство, вредное не только для послѣдней, но и для первыхъ—прекратится лишь тогда, когда провинціальная пресса пріобрѣтетъ, по крайней мѣрѣ de jure, равноправность съ столичною (фактическая ихъ равноправность долго еще останется мечтою). Только тогда сдѣлается возможнымъ такое знакомство съ бытомъ, съ потребностями провинціи, безъ котораго гадательна и шатка большая часть обобщеній столичной прессы. Конечно, правильному развитію провинціальной прессы противодѣйствуетъ, независимо отъ закона, провинціальное общество, непривыкшее къ гласности и часто враждебное ея органамъ; но эта привычка, эта вражда обусловливается именно жалкимъ положеніемъ, въ которомъ находилась и находится до сихъ поръ провинціальная періодическая пресса. Дайте ей окрѣпнуть, оживиться, пріобрѣсти значеніе для мѣстностей, среди которыхъ она существуетъ— и предубѣжденіе противъ нея исчезнетъ само собою.

„Есть еще двѣ законодательныя мѣры, относящіяся спеціально къ повременнымъ изданіямъ: постановленіе о залогахъ и правила о розничной продажѣ газетъ на улицахъ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ. Взносъ залога обязателенъ для повременныхъ изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры (за исключеніемъ изданій чисто ученыхъ, техническихъ и хозяйственныхъ). Залогъ отвѣтствуетъ за денежныя взысканія, налагаемыя на повременныя изданія; каждый разъ, когда часть его обращена на этотъ предметъ, онъ долженъ быть пополненъ въ опредѣленный срокъ. Постановленія о залогахъ перешли къ намъ изъ западной Европы, гдѣ они, въ свою очередь, появились не раньше конца XVIII или начала XIX столѣтія; прежняя административ-

ная практика не знала такихъ замысловатыхъ учрежденій, да и не имѣла надобности въ нихъ. Назначеніе залога ограничивается, повидимому, пополненіемъ взысканій, могущихъ пасть на изданіе; но на самомъ дѣлѣ оно заключается въ томъ, чтобы затруднить основаніе новыхъ періодическихъ изданій. Убѣдиться въ этомъ нетрудно: стоитъ только припомнить, что съ каждымъ почти ремесломъ, съ каждой почти профессіей сопряжена возможность денежныхъ взысканій—а представленіе залога требуется только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, отъ лицъ, которыя, по самому положенію своему, постоянно хранятъ или получаютъ и передаютъ чужія денежныя суммы (напр. нотаріусы, судебные пристава). Издатели и редакторы повременныхъ изданій не находятся въ такомъ исключительномъ положеніи, и для обезпеченія взысканій, которыя могутъ быть на нихъ наложены, нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Въ случаѣ неплатежа наложеннаго судомъ штрафа, осужденное лицо подвергается, по нашимъ законамъ, личному задержанію: неужели это недостаточно сильное побужденіе къ уплатѣ штрафа? Много ли найдется журналистовъ, которые предпочтутъ просидѣть подъ арестомъ три мѣсяца, нежели заплатить шрафъ въ триста рублей? Самымъ лучшимъ доказательствомъ тому, что главное назначеніе залога — вовсе не пополненіе взысканій, можетъ служить слѣдующее простое соображеніе. По дѣйствующимъ законамъ maximum штрафа за проступокъ печати—пятьсотъ рублей. Въ случаѣ совокупности преступленій, наказанія не складываются, не присоединяются одно къ другому, а назначается только строжайшее изъ нихъ, въ высшей мѣрѣ. Отсюда слѣдуетъ, что сколько бы проступковъ печати ни совершилъ редакторъ журнала, онъ не можетъ быть приговоренъ за одинъ разъ къ денежному взысканію въ размѣрѣ болѣе пятисотъ рублей. Положимъ, что въ продолженіе срока, предоставленнаго ему для пополненія залога, онъ успѣетъ совершить еще одинъ или нѣсколько проступковъ; и тогда оба штрафа, вмѣстѣ взятые, составятъ не болѣе тысячи руб-

лей [1]). Между тѣмъ, размѣръ залога для ежедневныхъ изданій составляетъ сумму впятеро бо̀льшую, для остальныхъ—сумму бо̀льшую въ два съ половиною раза. Очевидно, что для пополненія взысканій—еслибы законъ заботился только объ этомъ—можно было бы ограничиться залогомъ несравненно меньшимъ, не превышающимъ 1,000—1,500 рублей.

„Установленіе высокаго залога можетъ быть оправдываемо аргументами другого рода. Можно утверждать, что оно служитъ гарантіею серьезности журнальнаго предпріятія, что оно предохраняетъ журнальный міръ отъ наплыва людей, ничего не имѣющихъ и потому ничѣмъ не дорожащихъ—однимъ словомъ, можно видѣть въ немъ нѣчто въ родѣ *имущественнаго ценза* для журналистовъ. Такой взглядъ на систему залоговъ, высказанный, между прочимъ, при введеніи этой системы въ Пруссіи, въ 1850-мъ г., кажется намъ вполнѣ ошибочнымъ и даже не вполнѣ искреннимъ. Между имущественнымъ цензомъ и системой залоговъ нѣтъ ничего общаго уже потому, что внесеніе залога вовсе не доказываетъ личную состоятельность того, кѣмъ онъ внесенъ. Законъ не требуетъ и не можетъ требовать, чтобы вносимая въ качествѣ залога сумма принадлежала непремѣнно самому издателю журнала. Онъ можетъ взять ее въ долгъ на какихъ угодно условіяхъ и приступить къ изданію журнала съ чужими средствами, не имѣя никакого собственнаго имущества, не питая, слѣдовательно, и тѣхъ чувствъ, которыя обыкновенно приписываются собственникамъ. Предположимъ, однако что вне-

---

[1]) Взысканіе болѣе значительное возможно только въ одномъ случаѣ, крайне рѣдкомъ—въ случаѣ ненапечатанія періодическимъ изданіемъ предостереженія, сообщенія, опроверженія или судебнаго опредѣленія, подлежащаго напечатанію въ назначенный закономъ срокъ. За каждый день просрочки взыскивается двадцать пять рублей, но просрочка не можетъ продолжаться долѣе трехъ мѣсяцевъ, такъ какъ по истеченіи этого срока изданіе, неисполнившее законнаго требованія, прекращается; слѣдовательно сумма взысканія не можетъ превышать, даже для ежедневнаго изданія, 2300 рублей, т. е. не можетъ дойти и до половины требуемаго отъ него залога.

сенный залогъ составляетъ собственность самого издателя [1]. Какъ человѣкъ преимущественно - коммерческій, издатель, конечно, заинтересованъ въ томъ, чтобы журналъ его не подвергался запрещенію, но не менѣе заинтересованъ и въ томъ, чтобы у журнала было побольше подписчиковъ. Если для привлеченія подписчиковъ нужна извѣстная доза оппозиціи, то издатель, въ большей части случаевъ, не задумается отпустить эту дозу, хотя бы она и не была вполнѣ согласна съ тенденціями его, какъ приверженца охранительныхъ началъ. Еще чаще встрѣчается на практикѣ другой случай: издатель не принимаетъ никакого участія въ веденіи журнала, которое сосредоточено вполнѣ въ рукахъ редактора и его постоянныхъ сотрудниковъ. Здѣсь, очевидно, не можетъ быть и рѣчи о какомъ-то сдерживающемъ, умѣряющемъ вліяніи залога, внесеннаго издателемъ. Чтобы быть послѣдовательнымъ, слѣдовало бы брать залогъ и съ редактора, и съ сотрудниковъ журнала; а къ какимъ результатамъ привела бы такая система—это не требуетъ объясненій.

„Всѣ соображенія, приведенныя нами противъ системы административныхъ взысканій, вполнѣ примѣнимы и къ праву администраціи запрещать, по своему усмотрѣнію, розничную продажу періодическаго изданія. И здѣсь администрація является судьею въ собственномъ дѣлѣ, судьею безапелляціоннымъ, и безотчетнымъ; и здѣсь карательная мѣра падаетъ не только на виновнаго, но и на невинныхъ; и здѣсь суду и наказанію не предшествуетъ защита. По матеріальному вреду, имъ приносимому, запрещеніе розничной продажи должно быть названо мѣрою болѣе легкою, чѣмъ предостереженія, если за ними слѣдуетъ временная пріостановка журнала; но съ другой стороны, предостереженія имѣютъ передъ запрещеніемъ розничной продажи нѣкоторыя довольно важныя преимущества. Въ предостереженіи объясняются мотивы, ко-

[1] Обязанность внести залогъ возложена нашимъ закономъ именно на издателя, а не на редактора,—что, впрочемъ, и вполнѣ естественно.

торыми оно вызвано, или, по крайней мѣрѣ, указывается статья, противъ которой оно направлено. Отсюда возможность критики, конечно, весьма ограниченная, но все-таки существующая; отюда, хоть иногда, возможность догадаться, о какихъ вопросахъ слѣдуетъ говорить съ особою осторожностью. Запрещеніе розничной продажи объявляется безъ указанія причинъ: ни періодическое изданіе, ему подвергшееся, ни другіе журналы, ни публика не знаютъ, чему приписать строгость администраціи. Первое, даже второе предостереженіе, само по себѣ взятое, можетъ обойтись для журнала безъ особенно вредныхъ послѣдствій; запрещеніе розничной продажи не имѣетъ приготовительныхъ степеней, постигаетъ журналъ внезапно, неожиданно, и сразу наноситъ тяжелый ударъ его интересамъ. Розничная продажа газетъ появилась у насъ весьма недавно, но пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры; запрещеніе ея, слѣдотельно, становится и будетъ становиться все болѣе и болѣе чувствительнымъ для журнала. Съ теченіемъ времени оно можетъ обратиться изъ карательной мѣры въ мѣру поощренія и поддержки *благонамѣренныхъ* періодическихъ изданій. Такою опасностью не угрожаетъ, или угрожаетъ въ гораздо меньшей степени, даже система административныхъ предостереженій.

„Такова общая картина, представляемая современнымъ положеніемъ нашей періодической печати. Утѣшительныхъ сторонъ въ ней меньше, чѣмъ печальныхъ. Незавидна участь того, кто задумалъ основать періодическое изданіе. Кромѣ значительныхъ денежныхъ средствъ, которыхъ требуетъ всякое подобное предпріятіе, онъ долженъ добыть нѣсколько тысячъ рублей, для обращенія ихъ въ непроизводительный и никому не нужный залогъ, и платить за нихъ болѣе или менѣе обременительные проценты. Можетъ быть, всѣ его хлопоты останутся тщетными; можетъ быть, его просьба о разрѣшеніи журнала будетъ отклонена министерствомъ, и онъ не будетъ даже имѣть утѣшенія знать, чтò послужило осно-

ваніемъ отказа. Но положимъ, что первый фазисъ дѣла окончился для него благополучно: онъ получилъ разрѣшеніе издавать журналъ, и притомъ безъ предварительной цензуры. Здѣсь начинается рядъ нескончаемыхъ тревогъ и затрудненій, отъ которыхъ свободны только счастливцы, плывущіе по теченію, съ постояннымъ попутнымъ вѣтромъ. Не говоримъ уже о разныхъ скрытыхъ подводныхъ камняхъ, хотя обходъ ихъ требуетъ большого искусства: и лицевая сторона дѣла далеко не розоваго цвѣта. Кто изъ редакторовъ, прочитавъ корректуру своей газеты, можетъ заснуть съ увѣренностью въ томъ, что завтрашнее утро не принесетъ ему грозной вѣсти о предостереженіи? Кто изъ нихъ, составляя смѣту своихъ доходовъ, можетъ ручаться за то, что изъ нея не исчезнетъ статья розничной продажи? При полной зависимости отъ администраціи, въ журнальномъ дѣлѣ нѣтъ вѣрныхъ расчетовъ, нѣтъ прочнаго будущаго; вездѣ и во всемъ неизвѣстность, столь вредная для всякаго предпріятія. „Служенье Музъ не терпитъ суеты", сказалъ поэтъ; служеніе обществу путемъ печатнаго слова не терпитъ постояннаго ожиданія какихъ-то непредвидѣнныхъ и неотвратимыхъ бѣдствій, постоянной заботы о формѣ, когда нужно думать о сущности дѣла.

„Неперіодическая литература раздѣлена закономъ 6 апрѣля на два отдѣла, изъ которыхъ одинъ освобожденъ и отъ предварительной цензуры, и отъ административныхъ взысканій, а другой безусловно подчиненъ предварительно цензурѣ. Къ первому отдѣлу принадлежатъ издаваемыя въ столицахъ оригинальныя сочиненія, объемъ которыхъ не менѣе десяти, и переводныя сочиненія, объемъ которыхъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ; ко второму отдѣлу—всѣ остальныя сочиненія. Въ сравненіи съ прежнимъ, новый порядокъ вещей представляетъ огромныя достоинства и удобства: еслибы законъ 6-го апрѣля ограничился одною этою реформою, онъ все-таки послужилъ бы началомъ новой, болѣе счастливой эпохи въ исторіи нашей литературы. Множество сочиненій (въ особенности переводныхъ), составляющихъ драгоцѣнное пріобрѣте-

ніе для нашего общества, могли появиться въ свѣтъ только благодаря закону 6-го апрѣля. Но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы новое положеніе дѣлъ, созданное этимъ закономъ для непеpіодической литературы, было вполнѣ удовлетворительно и нормально. Разсмотримъ сначала самую характеристическую черту его—раздѣленіе литературы на два разряда: полноправный (сравнительно) и безправный. Въ основаніи этого раздѣленія лежитъ явное недовѣріе къ сочиненіямъ небольшого объема—недовѣріе, проявлявшееся не въ одной Россіи. Въ Пруссіи, напримѣръ, когда Фридрихъ-Вильгельмъ IV-й, въ первые годы своего царствованія, задумалъ облегчить положеніе литературы, онъ освободилъ отъ предварительной цензуры только тѣ сочиненія, объемъ которыхъ превышалъ двадцать печатныхъ листовъ. Чѣмъ меньше сочиненіе по объему, тѣмъ оно доступнѣе по цѣнѣ, въ большей части случаевъ— и по содержанію; чѣмъ доступнѣе сочиненіе, тѣмъ обширнѣе его вліяніе—а обширность вліянія, съ точки зрѣнія извѣстной политической доктрины, прямо пропорціональна опасности, которою угрожаетъ сочиненіе. Въ особенности опасными представляются, для послѣдователей этой доктрины, сочиненія, предназначенныя для народа. Кто считаетъ народъ, съ одной стороны, взрослымъ ребенкомъ, требующимъ строгой и бдительной опеки, съ другой стороны — громадной силой, одинаково легко подвигаемой къ самымъ противоположнымъ цѣлямъ, тотъ конечно не можетъ помириться съ мыслью о сколько-нибудь независимой народной литературѣ. Мы не раздѣляемъ этого взгляда: мы убѣждены, что для предупрежденія того вреда, который можетъ принести дурно направленная народная литература, вполнѣ достаточно подчиненіе ея суду, на общемъ основаніи; мы думаемъ, что при разсмотрѣніи каждаго отдѣльнаго сочиненія судъ можетъ обращать вниманіе, между прочимъ, и на то, для какой части общества оно предназначено, и сообразоваться съ этимъ при произнесеніи приговора. Народъ читаетъ у насъ очень мало, тратитъ на покупку книгъ ничтожныя суммы. Можно сказать

утвердительно, что книга въ 50, 40, даже 25 или 20 копѣекъ по цѣнѣ недоступна для народа. При тѣхъ цѣнахъ, которыя существуютъ въ нашей книжной торговлѣ, оригинальное сочиненіе въ 5—10 печатныхъ листовъ рѣдко стоитъ дешевле 50 коп.—1 рубля, переводное сочиненіе въ двадцать листовъ—конечно не менѣе 1 р. 25 коп. или 1 р. 50 коп. Можно ли, послѣ того, утверждать, что подобныя сочиненія издаются для народа и расходятся въ его средѣ? Неужели недостаточно было бы ограничить дѣйствіе ограничительныхъ мѣръ—если и признать, въ принципѣ, ихъ необходимость—сочиненіями, стоющими не болѣе 20-25 копѣекъ, или заключающими въ себѣ не болѣе двухъ-трехъ печатныхъ листовъ? При такомъ положеніи дѣлъ народная литература осталась бы въ тѣсной зависимости отъ администраціи, но изъ-за нея не приходилось бы, по крайней мѣрѣ, страдать другимъ отдѣламъ литературы, предназначаемымъ для другихъ классовъ общества. Сочинителю, желающему познакомить публику съ результатомъ своихъ изслѣдованій по какому-нибудь отдѣльному вопросу науки, незачѣмъ было бы наполнять свое разсужденіе безполезными фразами, чтобы только растянуть его на желанное количество печатныхъ листовъ. Между иностранными сочиненіями объ одномъ и томъ же предметѣ можно было бы выбирать для перевода болѣе удовлетворительное, а не болѣе длинное. Замѣтимъ, въ заключеніе, что для насъ не совсѣмъ ясны причины различія, установленнаго закономъ между сочиненіями оригинальными и переводными. Если оно было вызвано желаніемъ поощрить оригинальные ученые труды, то нельзя не сочувствовать цѣли законодателя; но вѣдь и переводная литература заслуживаетъ поощренія, въ виду сравнительной бѣдности нашей отечественной литературы по многимъ отдѣламъ науки. Если оно было вызвано убѣжденіемъ, что между иностранными сочиненіями больше сочиненій *опасныхъ*, то съ этой точки зрѣнія нѣтъ, кажется, существенной разницы между сочиненіемъ въ пятнадцать и сочиненіемъ въ двадцать пять листовъ; репрессив-

ныя мѣры, которыми располагаетъ правительство, въ обоихъ случаяхъ, одинаково легко могутъ привести къ желанной цѣли.

„Законъ 6 апрѣля 1865 года, ограничивъ кругъ дѣйствій предварительной цензуры, оставилъ въ силѣ постановленія о духовной цензурѣ, сохранилъ театральную цензуру и вовсе не коснулся цензуры иностранной. Разсмотрѣнію духовной цензуры подлежатъ, по закону, сочиненія и статьи собственно духовнаго содержанія, т. е. заключающія въ себѣ изложеніе догматовъ вѣры, толкованіе священнаго писанія, проповѣди и т. п. Книги, относящіяся къ нравственности вообще,—сказано дальше въ цензурномъ уставѣ,—даже и тѣ, въ которыхъ разсужденія будутъ подкрѣпляемы ссылками на священное писаніе или приведеніемъ изъ него словъ, подлежатъ разсмотрѣнію свѣтской цензуры; но если въ сочиненіи нравственномъ встрѣчаются мѣста совершенно духовнаго содержанія, относящіяся или къ догматамъ вѣры, или къ священной исторіи, то свѣтская цензура передаетъ ихъ, отдѣльно отъ прочаго, на разсмотрѣніе духовной цензуры. Свѣтской цензурѣ предоставлено было входить въ сношеніе съ духовною цензурою всякій разъ, когда могло возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ ли книга, въ цѣлости или отчасти, разсмотрѣнію духовной цензуры, хотя бы по прямому закону она и должна была поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры. Пока предварительная цензура распространялась на всѣ сочиненія безразлично, примѣненіе этого закона не могло возбуждать никакихъ серьезныхъ затрудненій; разрѣшеніе вопроса о томъ, что̀ именно подлежитъ вѣдомству духовной цензуры, зависѣло отъ усмотрѣнія цензора, и малѣйшее сомнѣніе по этому предмету было достаточнымъ поводомъ къ отсылкѣ сомнительныхъ мѣстъ или книгъ въ духовную цензуру. Чтобы судить о томъ, какъ легко возникали подобныя сомнѣнія, достаточно припомнить, что значительная часть второго тома „Исторіи цивилизаціи въ Англіи“ Бокля,—въ которой огромное большинство читателей конечно не замѣ-

тило ни одного мѣста „совершенно духовнаго содержанія",— была разсмотрѣна духовною цензурою. Съ изданіемъ закона 6-го апрѣля, въ этомъ положеніи дѣлъ неизбѣжно должна была произойти существенная перемѣна; неизбѣжно долженъ былъ возникнуть вопросъ, на комъ же лежитъ обязанность выдѣлять изъ сочиненій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, мѣста сомнительныя, могущія подлежать духовной цензурѣ? Рѣшеніемъ с.-петербургскаго окружнаго суда по дѣлу объ изданіи П. А. Гайдебуровымъ книги Вундта: „Душа человѣка и животныхъ" была сдѣлана попытка возложить эту обязанность на сочинителя или издателя книги; судебная палата пошла еще дальше и признала, что въ подобныхъ случаяхъ разсмотрѣнію духовной цензуры подлежатъ не отдѣльныя мѣста книги, а вся книга, въ цѣломъ ея объемѣ. Но правительствующій сенатъ, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, взглянулъ на дѣло совершенно иначе. „Съ освобожденіемъ отъ предварительной цензуры сочиненій и переводовъ извѣстнаго объема,—сказано въ рѣшеніи сената по дѣлу Гайдебурова, одинаково образцовомъ и по содержанію, и по формѣ, — указъ 6 апрѣля 1865 г. возложилъ на отвѣтственность сочинителей и переводчиковъ представленіе ихъ изданій въ цензуру въ томъ случаѣ, когда книга, независимо отъ ея объема, подлежитъ по содержанію своему духовной цензурѣ—и эта отвѣтственность понятна, когда книга заключаетъ въ себѣ мѣста совершенно духовнаго содержанія, относящіяся къ догматамъ христіанской вѣры или къ священной исторіи, такъ какъ въ опредѣленіи этого значенія книги не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Но нельзя подвергать сочинителя или переводчика отвѣтственности за непредставленіе въ цензуру такой книги, которая могла лишь возбудить сомнѣніе на счетъ болѣе или менѣе прямого отношенія ея къ предметамъ, подлежащимъ духовной цензурѣ, такъ какъ сомнѣніе зависитъ отъ личнаго воззрѣнія на предметъ и внутренняго убѣжденія судящаго лица. Еслибы указъ 6 апрѣля 1865-го г., опредѣляя

сочиненія, переводы *и мѣста въ нихъ*, изъятыя изъ его дѣйствія, подразумѣвалъ подъ послѣдними словами не только мѣста совершенно духовнаго содержанія, подлежавшія и прежде безусловно духовной цензурѣ, но даже и такія мѣста, которыя, по болѣе или менѣе прямому отношенію ихъ къ предметамъ духовнымъ, могли возбудить сомнѣніе на счетъ ихъ зависимости отъ духовной цензуры,—въ такомъ случаѣ тѣ облегченія и удобства, которыя дарованы отечественной печати общимъ правиломъ означеннаго указа, были бы парализованы изъятіемъ изъ этого правила. Нѣтъ почти научнаго сочиненія, которое не имѣло бы прямого или косвеннаго отношенія къ предметамъ духовнымъ, а вслѣдствіе того ни одинъ сочинитель или переводчикъ не могъ бы имѣть полной увѣренности, что онъ не будетъ привлеченъ къ отвѣтственности за непредставленіе его сочиненія или перевода въ цензуру. Поэтому, такое толкованіе закона привело бы неминуемо издателей научныхъ сочиненій къ представленію ихъ изданій на разсмотрѣніе предварительной цензуры, во избѣжаніе грозящей имъ отвѣтственности за нарушеніе обязанностей, нигдѣ съ точностью не опредѣленныхъ. Такимъ образомъ, указъ 6 апрѣля 1865-го года какъ бы не существовалъ для научныхъ сочиненій, въ которыхъ вездѣ, гдѣ дѣйствуетъ цензура, свобода мысли подвергается обыкновенно наименьшимъ ограниченіямъ. Очевидно, что не таковъ истинный разумъ указа 6 апрѣля 1865-го года... Одно изъ главныхъ правилъ толкованія закона, возбуждающаго какія-либо недоразумѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы не приписывать закону никакихъ неудобоисполнимыхъ требованій; а можно ли считать удобоисполнимымъ требованіе, чтобы сочинители и переводчики предугадывали цензурныя сомнѣнія, какія ихъ книга можетъ возбудить... При существованіи двойной гарантіи: 1) судебнаго преслѣдованія за дерзкія сужденія, заключающія въ себѣ преступленія противъ вѣры, и 2) отсылки каждаго сочиненія, напечатаннаго безъ предварительной цензуры, въ цензурный комитетъ, и удержанія его въ типографіи въ теченіе трехъ

сутокъ, съ правомъ цензурнаго управленія остановить немедленно выпускъ въ свѣтъ вреднаго сочиненія и начать судебное преслѣдованіе, — законъ не имѣлъ никакой надобности прибѣгать къ неудобоисполнимому требованію, чтобы сочинители и переводчики предугадывали возможность сомнѣнія цензуры относительно дозволительности какихъ-либо сужденій по предметамъ вѣры. Слѣдовательно, при отсутствіи въ законѣ положительнаго указанія на такое требованіе, не представляется никакого основанія его предполагать". По всѣмъ этимъ соображеніямъ правительствующій сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе уголовнаго департамента с.-петербургской судебной палаты, и передалъ дѣло на разсмотрѣніе другого департамента этой же палаты, рѣшеніемъ котораго Гайдебуровъ былъ оправданъ, и книга Вундта освобождена отъ наложеннаго на нее ареста.

„Рѣшеніе правительствующаго сената по дѣлу Гайдебурова устранило одно изъ самыхъ важныхъ затрудненій, къ которымъ могло привести одновременное дѣйствіе закона 6 апрѣля и постановленій о духовной цензурѣ; но оно не устранило и не могло устранить другихъ неудобствъ, неизбѣжныхъ при этой двойственной системѣ. При существованіи прежняго порядка, издателямъ незачѣмъ было заботиться о разграниченіи областей духовной и свѣтской цензуры: это было дѣломъ самой цензуры, разрѣшавшей всѣ вопросы, которые могли возникать относительно ея компетентности. Представленіе въ духовную цензуру книги, ей неподвѣдомственной, имѣло послѣдствіемъ только отсылку книги въ свѣтскую цензуру, и наоборотъ. Теперь обязанность опредѣлять, что именно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, должно признавать книгой или мѣстомъ совершенно духовнаго содержанія, лежитъ на самомъ издателѣ книги. Съ одной стороны, это совершенно естественно и даже выгодно для печати; предоставить сужденіе о характерѣ книги цензурному комитету значило бы возстановить, косвенно, дѣйствіе предварительной цензуры, потому что комитетъ почти всегда могъ бы найти въ книгѣ

что-нибудь, подлежащее разсмотрѣнію духовной цензуры. Но, съ другой стороны, положеніе издателя, поставленнаго судьею надъ характеромъ издаваемой имъ книги, довольно затруднительно. Что слѣдуетъ понимать подъ книгой или мѣстомъ совершенно духовнаго содержанія — это вопросъ далеко не простой и не легкій, и въ этомъ отношеніи мы позволяемъ себѣ не соглашаться съ мнѣніемъ правительствующаго сената, признающаго, что въ опредѣленіи значенія книги (именно съ точки зрѣнія, о которой теперь идетъ рѣчь) не можетъ быть никакихъ недоразумѣній. Въ цензурномъ уставѣ мы находимъ опредѣленіе сочиненій и статей *собственно* (или *совершенно*) *духовнаго содержанія*, но опредѣленіе весьма неполное и неточное (*изложеніе догматовъ вѣры*, *толкованія священнаго писанія, проповѣди*), не исчерпывающее предмета, а имѣющее скорѣе характеръ разъясненія, примѣра, на что указываютъ и прибавленныя къ нему слова: и *тому подобное*. Въ другой статьѣ цензурнаго устава мѣстами совершенно духовнаго содержанія называются мѣста, относящіяся къ догматамъ вѣры или къ священной исторіи. И это опредѣленіе не точнѣе предыдущаго. Положимъ, что въ серьезномъ историческомъ сочиненіи обсуждается законодательство Моисея сравнительно съ другими, ему современными; считать такое разсужденіе мѣстомъ *совершенно духовнаго содержанія* конечно нѣтъ ни малѣйшаго повода,—а между тѣмъ оно касается событій, о которыхъ повѣствуетъ священная исторія. Въ другомъ историческомъ сочиненіи излагается подробно ученіе Лютера о благодати, съ чисто-научной точки зрѣнія, т. е. съ цѣлью показать, какія обстоятельства способствовали его появленію и успѣху, какія точки опоры оно нашло для себя въ прошедшемъ Германіи, въ какой степени оно удовлетворяло потребностямъ нѣмецкаго общества; будетъ ли это изложеніе мѣстомъ совершенно духовнаго содержанія, потому только, что въ немъ говорится о догматахъ, образующихъ часть ученія православной церкви?... Мы думаемъ, что постановленія о духовной цензурѣ—если не будетъ признано возможнымъ

приступить къ совершенной ихъ отмѣнѣ, по примѣру всѣхъ западно-европейскихъ государствъ—требовали бы пересмотра и согласованія съ закономъ 6 апрѣля. Кругъ дѣйствій духовной цензуры слѣдовало бы опредѣлить точнѣе и ограничить болѣе тѣсными предѣлами. Проповѣди, молитвенники, богослужебныя книги, изложенія и парафразы св. писанія—вотъ *совершенно* духовная сфера, которой можетъ соотвѣтствовать и исключительно-духовное учрежденіе. Разрѣшеніе споровъ о духовномъ или свѣтскомъ характерѣ сочиненія слѣдовало бы предоставить судебной власти.

„О театральной цензурѣ мы говорить не будемъ, потому что возможность ея отмѣны представляется намъ чѣмъ-то еще слишкомъ отдаленнымъ; она существуетъ еще почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ. Что касается до цензуры иностранной, то необходимость преобразованія ея чувствуется всѣми и признана, кажется, самимъ правительствомъ. Мы укажемъ только на порядокъ, существующій въ Пруссіи—порядокъ, примѣненіе котораго если не ко всѣмъ иностраннымъ изданіямъ, то по крайней мѣрѣ къ большей ихъ части, было бы вполнѣ возможно и у насъ, въ Россіи. По прусскому закону, иностранныя сочиненія, признаваемыя вредными, подвергаются аресту на общемъ основаніи, и окончательное уничтоженіе ихъ можетъ воспослѣдовать только въ силу судебнаго приговора. Если судебный приговоръ состоялся противъ повременнаго изданія, то министерство внутреннихъ дѣлъ можетъ запретить дальнѣйшій ввозъ его въ Пруссію. Примѣру Пруссіи послѣдовали многія другія нѣмецкія государства“.

Подробно разобравъ постановленія объ уголовно-наказуемыхъ проступкахъ печати, теперь не представляющія интереса за обнародованіемъ новаго уголовнаго уложенія, мы остановились съ особымъ вниманіемъ на одномъ существенно важномъ юридическомъ вопросѣ, возникавшемъ въ виду предоставленнаго администраціи права налагать арестъ на книгу прежде выпуска ея въ свѣтъ. „Въ чемъ“—спрашивали мы—„можетъ быть признанъ виновнымъ авторъ или издатель книги, такимъ

5

образомъ арестованной—въ совершеніи ли преступленія, или въ покушеніи на преступленіе, или же только въ приготовленіи къ нему? Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ первый разъ по дѣлу А. С. Суворина и вызвалъ три различныя мнѣнія. Обвинительная власть, какъ въ окружномъ судѣ, такъ и въ судебной палатѣ, признавала г. Суворина виновнымъ въ преступленіи совершившемся, оконченномъ, хотя книга его „Всякіе" и не была выпущена въ свѣтъ; защита утверждала, что въ дѣйствіяхъ г. Суворина—если и допустить его виновность—заключается только приготовленіе къ преступленію; судебная палата избрала среднее мнѣніе и осудила г. Суворина за покушеніе на преступленіе, остановленное независимо отъ его воли. Въ дѣлѣ Соколова, преданнаго суду за напечатаніе книги „Отщепенцы" (также арестованной до выпуска въ свѣтъ), судебная палата (въ другомъ составѣ присутствія) пришла къ другому заключенію; она нашла, что *напечатаніе* книги преступнаго содержанія есть только приготовленіе къ преступленію, которое заключается собственно въ *распубликованіи* книги". Высказываясь за это послѣднее мнѣніе, мы мотивировали его слѣдующими доводами. „Необходимая составная часть каждаго преступленія есть вредъ, имъ приносимый, или, по крайней мѣрѣ, возможность такого вреда. Вредное дѣйствіе журнала или книги можетъ начаться не раньше, какъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ. Пока извѣстная мысль не пущена въ обращеніе, она не подлежитъ никакой отвѣтственности, никакому преслѣдованію, въ какой бы формѣ она ни была выражена—въ формѣ ли письма, или рисунка, или печатнаго сочиненія. Исключеніе изъ этого общаго правила можетъ быть допущено только тогда, когда оно прямо установлено закономъ. Если совершившимся преступленіемъ, въ дѣлахъ печати, можетъ считаться только *распубликованіе*, то покушеніемъ на преступленіе, очевидно, слѣдуетъ признавать только попытку распубликованія, дѣйствіе, непосредственно входящее въ составъ этого понятія. Такъ напримѣръ, книги посланы къ книгопродавцу, но ни одна еще не продана имъ; это будетъ

покушеніе на преступленіе. Всѣ остальныя, предшествовавшія дѣйствія могутъ быть признаваемы не болѣе, какъ приготовленіемъ къ преступленію. Защитники противнаго мнѣнія считаютъ покушеніемъ начало *печатанія*; но именно этотъ выводъ доказываетъ всего лучше несостоятельность системы, изъ которой онъ исходитъ. Ставъ на эту точку зрѣнія, нужно будетъ признать, что административная власть имѣетъ право и даже обязана читать все печатаемое въ типографіи и останавливать печатаніе, какъ скоро замѣтитъ въ сочиненіи что-нибудь противузаконное. Это было бы равносильно возстановленію цензуры, съ прибавленіемъ къ ней личной отвѣтственности издателя или автора. Судить о характерѣ сочиненія можно только тогда, когда оно окончено; всякое преждевременное заключеніе слишкомъ легко можетъ подать поводъ къ ошибкѣ. Наконецъ, издатель или авторъ можетъ измѣнить свое намѣреніе, отказаться отъ выпуска въ свѣтъ печатаемаго или напечатаннаго уже сочиненія. Все это приводитъ къ убѣжденію, что проступокъ печати становится наказуемымъ лишь послѣ распубликованія или попытки распубликовать статью или сочиненіе. Напечатаніе, само по себѣ взятое, есть только приготовленіе къ преступленію—а за приготовленіе къ преступленію наказаніе опредѣляется лишь въ особыхъ, именно законами означенныхъ случаяхъ". Въ этомъ именно смыслѣ спорный вопросъ былъ разрѣшенъ, лѣтомъ 1869 г., уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ Прав. Сената, въ опредѣленіи по дѣлу о сочиненіяхъ Писарева, изданныхъ Павленковымъ.

„Вопросъ о лицахъ, отвѣтствующихъ за проступки печати",—говорили мы дальше,—„разрѣшенъ нашимъ закономъ въ смыслѣ гораздо болѣе либеральномъ, чѣмъ нѣкоторыми другими законодательствами западной Европы. Во Франціи, напримѣръ, за каждый почти проступокъ печати отвѣчаютъ три лица: авторъ, издатель (или редакторъ) и типографщикъ. У насъ принято за общее правило преслѣдованіе только одного лица, причемъ установлена слѣдующая постепенность. Сочинитель

призывается къ суду во всѣхъ случаяхъ, когда онъ не докажетъ, что публикація его сочиненія произведена безъ его вѣдома и согласія; издатель—въ томъ случаѣ, если имя и мѣсто жительства сочинителя неизвѣстны, или послѣдній находится за границей; типографщикъ или литографщикъ—когда ни сочинитель, ни издатель неизвѣстны, или когда мѣстопребываніе ихъ не открыто, или когда они находятся за границей; книгопродавецъ—въ томъ случаѣ, если на продаваемомъ экземплярѣ сочиненія не выставлено имени и мѣста жительства типографщика или литографщика (улож. о наказ. ст. 1,041). Изъ общаго правила объ отвѣтственности одного лица сдѣлано два исключенія. Отвѣтственность за содержаніе помѣщенныхъ въ повременномъ изданіи статей обращается, во всякомъ случаѣ, какъ на главнаго виновника, на редактора изданія (ст. 1,044). Издатели, типографщики и книгопродавцы, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не подлежатъ прямой отвѣтственности, могутъ быть, по обстоятельствамъ дѣла, преслѣдуемы какъ участники въ преступленіяхъ и проступкахъ печати, *если будетъ доказано, что они, зная преступный умыселъ главнаго виновника, завѣдомо* содѣйствовали публикаціи и распространенію изданія (ст. 1,043).

„Правило объ отвѣтственности одного лица, принятое нашимъ закономъ для большинства проступковъ печати, можетъ показаться, съ перваго взгляда, несогласнымъ съ общими началами уголовнаго права, по которымъ отвѣтственность за преступное дѣяніе распространяется на всѣхъ участниковъ его. Но къ проступкамъ печати общія понятія о преступленіи примѣнимы далеко не вполнѣ и не во всѣхъ отношеніяхъ. Преступленіе, совершаемое печатнымъ словомъ, не всегда содержитъ въ себѣ матеріальное зло; лицо, его совершающее, не всегда дѣйствуетъ съ злою волей, съ преступнымъ умысломъ. Наказуемость подобныхъ преступленій не можетъ быть выводима ни изъ теоріи возмездія, ни изъ теоріи исправленія, ни изъ соединенія этихъ теорій, на которыхъ обыкновенно зиждутся уголовные законы. Основываясь

не столько на справедливости, сколько на государственной пользѣ, она имѣетъ характеръ преимущественно *предупредительный*, превентивный; главная, если не единственная цѣль ея—предупредить публичное (печатное) выраженіе мнѣній, которыя правительство почему-либо признаетъ для себя опасными и вредными. Для достиженія этой цѣли вполнѣ достаточно ограничить отвѣтственность за каждый проступокъ печати *однимъ лицомъ*. Наказаніе сообщниковъ и пособниковъ преступленія, неизбѣжное съ строго-юридической точки зрѣнія, становится излишнимъ и ненужнымъ, коль скоро идетъ рѣчь не объ удовлетвореніи требованіямъ правды, а о сохраненіи общественнаго порядка. Средства не должны превышать цѣли, предупрежденіе не должно переходить въ притѣсненіе; оно можетъ быть оправдано лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно необходимо. *Кто-нибудь* долженъ отвѣчать за каждую строку, появляющуюся въ печати; но одновременное привлеченіе къ суду автора, издателя (или редактора) и типографщика безполезно, а слѣдовательно и несправедливо. Исходя изъ этой точки зрѣнія, мы вполнѣ сочувствуемъ общему правилу, выраженному въ законѣ, но не можемъ не возразить противъ сдѣланныхъ изъ него исключеній. При отвѣтственности автора отвѣтственность издателя, типографщика и книгопродавца кажется намъ совершенно излишней, хотя бы они и знали о намѣреніи автора. Хорошо, по крайней мѣрѣ, что это знаніе не предполагается само собою, а должно быть *доказано* обвинительною властью [1]). Что касается до отвѣтственности редактора вмѣстѣ съ авторомъ, то въ оправданіе ея приводятся обыкновенно слѣдующія соображенія: редакторъ не можетъ не знать содержанія статей, печатаемыхъ въ его журналѣ, не можетъ не понимать ихъ на-

---

[1]) Случай преслѣдованія типографщика вмѣстѣ съ авторомъ извѣстенъ намъ только одинъ (дѣло о книгѣ „Отщепенцы“, по которому авторъ, Соколовъ, былъ преданъ суду вмѣстѣ съ типографщикомъ, Головинымъ); но и въ этомъ случаѣ типографщикъ былъ оправданъ.

правленія и смысла; безъ согласія редактора, статья не могла бы появиться въ журналѣ, а слѣдовательно не могло бы и произойти вреда, ею принесеннаго; участіе автора въ *распубликованіи* статьи гораздо менѣе существенно, чѣмъ участіе редактора. Противъ двухъ послѣднихъ доводовъ нельзя не замѣтить, что они примѣняются и къ *издателю*, который, однако, по нашимъ законамъ не привлекается къ суду вмѣстѣ съ авторомъ. Первый доводъ справедливъ въ большей части случаевъ, но не всегда. Есть статьи, которыя редакторъ ежедневной газеты печатаетъ почти не читая, потому что онѣ написаны постоянными его сотрудниками, пользующимися полнымъ его довѣріемъ. Есть статьи, за фактическое содержаніе которыхъ редакторъ отвѣчать не можетъ, потому что у него нѣтъ средствъ провѣрить правильность сообщаемыхъ ими данныхъ: такова, напримѣръ, бóльшая часть корреспонденцій изъ губерній. Отвѣтственность редактора имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, еще одно важное неудобство: она располагаетъ редактора къ излишней осторожности въ выборѣ статей, заставляетъ его иногда обращать вниманіе не столько на литературное ихъ достоинство и дѣльность, сколько на безопасность ихъ въ цензурномъ отношеніи. Мы понимаемъ, что для редактора, преданнаго своему дѣлу, безотвѣтственность передъ судомъ была бы часто тяжелѣе всякой отвѣтственности; но не слѣдуетъ забывать и того, какъ тяжело положеніе автора, статья котораго подвергаетъ редактора судебному преслѣдованію".

Разсмотрѣвъ, въ заключеніе, порядокъ производства процессовъ по дѣламъ печати, мы заканчивали нашу статью слѣдующимъ вопросомъ: „если система административныхъ взысканій несовмѣстна съ правильнымъ развитіемъ печати и не вызывается ни волненіемъ умовъ въ средѣ общества, ни опаснымъ направленіемъ литературы; если отдѣлы литературы, освобожденные отъ предварительной цензуры, дали поводъ, въ продолженіе трехъ съ половиною лѣтъ, къ весьма немногимъ судебнымъ преслѣдованіямъ политическаго свойства;

если уголовные законы о печати, неопредѣленные по редакціи, строгіе по установленнымъ въ нихъ наказаніямъ, угрожаютъ неминуемою и тяжкою отвѣтственностью всякому сколько нибудь серьезному нарушенію постановленій о печати; если судопроизводство по дѣламъ печати представляетъ по крайней мѣрѣ столько же гарантій для правительства, какъ и для печати, — то не вправѣ ли мы придти къ тому общему выводу, что полное освобожденіе печати (за исключеніемъ развѣ сочиненій самыхъ небольшихъ по объему и самыхъ недорогихъ по цѣнѣ) отъ предварительной цензуры и отъ карательной власти администраціи, подчиненіе ея исключительно суду, соотвѣтствуетъ одинаково интересамъ правительства, общества и литературы?“

III.

Пересмотръ законовъ о печати (ноябрь 1869—ноябрь 1871).

Убѣжденіе въ необходимости положить конецъ временному, переходному порядку проникло, къ концу 1869-го года, и въ высшія правительственныя сферы. 2 ноября учреждена была, по Высочайшему повелѣнію, особая коммиссія для пересмотра дѣйствующихъ постановленій о цензурѣ и печати и для приведенія ихъ въ надлежащую систему, ясность и полноту. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ назначенъ главноуправляющій вторымъ отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи, кн. С. Н. Урусовъ; членами: со стороны второго отдѣленія—сенаторы Бревернъ и Брунъ, со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ—начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Похвисневъ, членъ совѣта главнаго управленія Еленевъ и членъ совѣта министра Китицынъ, со стороны министерства юстиціи—сенаторы Любощинскій, Туруновъ и Полнеръ [1]). Засѣданія коммиссіи были открыты 8 ноября чтеніемъ Высочайшаго рескрипта на имя ея предсѣдателя. „Правила о цензурѣ и печати—гласилъ рескриптъ, изданныя на основаніи указа 6 апрѣля 1865 года, были установлены, при переходномъ тогда положеніи судебной части, впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта. Нынѣ, по введеніи въ дѣйствіе въ значительной части имперіи судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г., опытъ показалъ, что временныя правила 6 апрѣля 1865 г., во многихъ случаяхъ возбуждали недо-

[1]) Впослѣдствіи въ составъ коммиссіи вошли вновь назначенный начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Шидловскій и членъ со стороны св. синода Ненарокомовъ, а въ нѣкоторыхъ засѣданіяхъ участвовалъ и представитель военнаго министерства, генералъ Штюрмеръ.

разумѣнія и не всегда могли служить достаточно положительнымъ руководствомъ при судебномъ преслѣдованіи. Предоставляя отечественной печати возможныя облегченія и удобства, законъ долженъ, вмѣстѣ съ симъ, вооружить какъ административную, такъ и судебную власть надлежащею силою для отвращенія вреднаго вліянія, могущаго произойти отъ необузданности и неумѣренности печатнаго слова". Задача коммиссіи оказывалась, такимъ образомъ, предрѣшенной только въ самыхъ общихъ чертахъ. Она должна была установить такой порядокъ, при которомъ воздѣйствіе власти оставляло бы достаточный просторъ для свободы печати и дѣятельность послѣдней регулировалась бы преимущественно судомъ, т. е. закономъ. Постановленія, изданныя въ разное время, при различныхъ условіяхъ, подъ противоположными вліяніями должны были быть согласованы между собою и образовать одно стройное цѣлое. Другими словами, опять было поставлено на очередь дѣло, не удавшееся въ 1865-мъ году—составленіе такого законодательнаго акта, который, отмѣняя всѣ дѣйствовавшія до тѣхъ поръ въ данной области правила, обнималъ бы собою все касающееся произведеній печати, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова. И дѣйствительно, плодомъ двухлѣтнихъ усердныхъ работъ коммиссіи явился проектъ устава о печати и цензурѣ, заключавшій въ себѣ 361 статью и разъясненный подробными журналами коммиссіи. Перечислимъ главнѣйшія нововведенія, проектированныя коммиссіей, указавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, почему она не рѣшилась пойти еще дальше въ предоставленіи „облегченій и удобствъ" печатному слову.

Кругъ изданій, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, коммиссія полагала расширить въ одномъ только отношеніи, уравнявъ переводныя сочиненія съ оригинальными, т. е. установивъ для тѣхъ и другихъ одно и то же условіе безцензурности—минимальный объемъ въ *десять* печатныхъ листовъ. Коммиссія находила, что какъ скоро иностранное сочиненіе переведено на русскій языкъ, то относительно доступности и вліянія на читателей оно ничѣмъ не отличается

отъ сочиненія оригинальнаго; говоря вообще, иностранныя сочиненія, переводимыя на русскій языкъ, имѣютъ даже болѣе серьезное содержаніе и слѣдовательно менѣе доступны для массы читателей, чѣмъ равныя имъ по объему произведенія русскихъ авторовъ. Первоначально предполагалось допустить изъятія для сочиненій спеціально ученыхъ и для учебниковъ, освободивъ ихъ отъ цензуры уже при достиженіи ими *пяти* листовъ; но противъ этого предположенія возсталъ начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, и оно не было принято коммиссіею. По закону 6 апрѣля, до сихъ поръ въ этомъ отношеніи сохраняющему силу, безцензурностью пользуются только сочиненія, выходящія въ обѣихъ столицахъ проектъ коммиссіи присоединялъ къ столицамъ города, на которые будетъ распространено дѣйствіе этого правила. По вопросу о томъ, слѣдуетъ-ли сохранять порядокъ, въ силу котораго освобожденіе или неосвобожденіе отъ предварительной цензуры вновь разрѣшаемыхъ въ столицахъ повременныхъ изданій зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, или же слѣдуетъ признать, что всякое вновь разрѣшаемое изданіе этимъ самымъ освобождается отъ предварительной цензуры,—въ средѣ коммиссіи произошло разногласіе. По мнѣнію пяти членовъ (всѣхъ представителей министерства юстиціи и второго отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи), разъ что изданіе разрѣшено, нѣтъ причины отказывать ему въ безцензурности, тѣмъ болѣе что администрація и судъ облечены по отношенію къ печати достаточно широкою карательною властью. Изъятіе изъ общаго правила пять членовъ полагали установить только для изданій сатирическихъ, которыя во всякомъ случаѣ должны подлежать предварительной цензурѣ. Предсѣдатель коммиссіи и два члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ высказались за сохраненіе, дѣйствующаго порядка, преимущественно потому, что онъ установленъ еще недавно. Третій представитель министерства внутреннихъ дѣлъ, раздѣляя мнѣніе пяти членовъ, не счелъ возможнымъ примкнуть къ нему, потому, что установленіе

безцензурности для всѣхъ столичныхъ повременныхъ изданій хотя и не составляло бы, de facto, новой льготы для печати, но было бы понято ею въ этомъ смыслѣ, а предоставлять печати новую льготу коммиссія не уполномочена. Такой взглядъ кажется намъ тѣмъ болѣе страннымъ, что въ Высочайшемъ рескриптѣ на имя предсѣдателя коммиссіи прямо шла рѣчь о „возможныхъ *облегченіяхъ* и удобствахъ“ для печати. Въ концѣ концовъ восторжествовало меньшинство: въ окончательную редакцію проекта не было внесено и той незначительной перемѣны [1]), за которую стояли первоначально пять членовъ коммиссіи.

Обсудивъ вопросъ о томъ, наступила ли пора отмѣнить систему административныхъ каръ, установленную лишь въ видѣ временной мѣры, коммиссія единогласно разрѣшила его въ отрицательномъ смыслѣ. Побудили ее къ тому преимущественно три соображенія: 1) невозможно ослаблять силу администраціи тамъ, гдѣ новая система суда не успѣла еще повсемѣстно установиться; 2) печатное слово, въ своихъ тонкихъ, такъ сказать, междустрочныхъ и часто неуловимыхъ проявленіяхъ, приноситъ вредъ общій—тенденціознымъ направленіемъ, и частный—диффамаціей, нерѣдко составляющей промыселъ спекулянта; 3) постоянно повторяющіяся ходатайства объ освобожденіи отъ предварительной цензуры удостовѣряютъ, что система административныхъ взысканій не слишкомъ тяжела для печати. Мысль о замѣнѣ предостереженій возвращеніемъ подъ предварительную цензуру коммиссія отклонила въ виду развитія, совершившагося какъ въ литературной, такъ и въ общественной средѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она не нашла возможнымъ замѣнить терминъ *вредное направленіе* (служащее поводомъ къ административнымъ взысканіямъ) другимъ, болѣе опредѣленнымъ выраженіемъ. Нѣкоторыми членами коммиссіи было предложено объявлять предостереже-

---

[1]) Мы называемъ эту перемѣну незначительною потому, что за министромъ оставлялось дискреціонное право отказать въ разрѣшеніи новаго изданія.

нія негласно, чтобы они не могли служить *рекламой* въ пользу постигаемаго ими изданія; но съ этимъ не согласилось большинство, опасаясь, что въ негласности предостереженій будетъ усмотрѣно косвенное осужденіе самимъ правительствомъ всей системы административныхъ взысканій. Одинъ изъ членовъ большинства (членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати) выразилъ, притомъ опасеніе, что безгласность предостереженій приведетъ къ слишкомъ частому принятію этой мѣры и совершенно положитъ конецъ судебнымъ преслѣдованіямъ, которыя, по намѣренію законодателя, должны существовать рядомъ съ административными взысканіями. Удержанъ, наконецъ, большинствомъ коммиссіи и установленный закономъ 6-го апрѣля порядокъ прекращенія повременныхъ изданій (опредѣленіемъ перваго департамента прав. сената). Меньшинство, находя, что сенатъ, какъ судебно-административное учрежденіе, не компетентенъ въ оцѣнкѣ политическихъ мотивовъ, заставляющихъ министра внутреннихъ дѣлъ домогаться прекращенія изданія, полагало возложить эту функцію на комитетъ министровъ. Въ концѣ концовъ, коммиссія, сохранивъ только что предоставленное министру внутреннихъ дѣлъ право запрещать розничную продажу повременныхъ изданій [1]) (но не право запрещать печатаніе объявленій, въ то время, впрочемъ, вовсе не примѣнявшееся на практикѣ), внесла въ систему административныхъ взысканій только одно существенное измѣненіе: она ограничила срокъ дѣйствія предостереженій пятнадцатью мѣсяцами, постановивъ, что если въ теченіе этого промежутка времени періодическое изданіе не подвергалось предостереженіямъ, то данное ему затѣмъ предостереженіе во всякомъ случаѣ считается первымъ. Необходимость давности для предостереженій была, такимъ образомъ, признана оффиціально еще за *тридцать* лѣтъ до зако-

---

[1]) Три члена коммиссіи полагали допускать примѣненіе этой мѣры лишь послѣ полученія изданіемъ перваго предостереженія, но съ ними не согласилось большинство; отклонено было также предложеніе одного члена ограничить дѣйствіе запрещенія мѣсячнымъ срокомъ.

на 1901 года, осуществившаго, наконецъ, эту скромную льготу. Промежутокъ времени между представленіемъ въ цензуру и выпускомъ въ свѣтъ коммиссія хотя и предполагала увеличить (съ 3 до 4 дней для книгъ и съ 2 до 3 для повременныхъ изданій), но не въ такой степени, въ какой онъ былъ увеличенъ два года спустя (до 7 дней для книгъ и до 4 для повременныхъ изданій).

Если положеніе безцензурныхъ изданій, въ случаѣ принятія проекта коммиссіи, осталось бы, de jure, почти безъ измѣненій, то нельзя сказать того же самаго объ изданіяхъ подцензурныхъ. Сознавая, очевидно, несовмѣстимость предварительной цензуры и системы административныхъ взысканій, коммиссія не внесла въ свой проектъ постановленія 1862-го года, предоставлявшаго министру внутреннихъ дѣлъ запрещать подцензурнымъ изданіямъ печатаніе разсужденій о несовершенствѣ законовъ и о недостаткахъ администраціи, а также пріостанавливать изданіе на срокъ до восьми мѣсяцевъ. Не были усвоены коммиссіей и тѣ многочисленныя, въ разное время состоявшіяся „правила въ руководство цензурѣ“, которыя до сихъ поръ, какъ явный анахронизмъ, сохраняются въ дѣйствующемъ законодательствѣ и, по временамъ, обращаются въ орудіе противъ печати не только подцензурной, но и безцензурной. Задачи цензуры были опредѣлены коммиссіей въ одной статьѣ, обязывавшей цензуру „главнѣйше обращать вниманіе на направленіе и видимую цѣль сочиненій, не дозволяя себѣ произвольнаго толкованія ихъ смысла въ другую сторону и не входя въ сужденіе о томъ, справедливы или не справедливы мнѣнія писателя, полезны или безполезны разсматриваемыя сочиненія, если только они не противны существующимъ узаконеніямъ и установленнымъ правиламъ“.

Всего больше проектъ коммиссіи расходился съ дѣйствовавшимъ тогда (и дѣйствующимъ до сихъ поръ) законодательствомъ по вопросу о духовной цензурѣ. Въ основаніе предположеній коммиссіи легло опредѣленіе св. синода, состоявшееся 20—30 января 1871 года. Сущность его заключается въ слѣ-

дующемъ: духовная цензура должна основываться какъ нынѣ, такъ и на будущее время, на тѣхъ самыхъ началахъ, на какихъ существуетъ или имѣетъ существовать цензура свѣтская. Сообразно съ этимъ слѣдуетъ освободить отъ предварительной цензуры въ обѣихъ столицахъ: 1) всѣ духовныя періодическія изданія, выходящія донынѣ въ свѣтъ, если издатели сами того пожелаютъ (и притомъ безъ внесенія залога) и 2) всѣ оригинальныя духовныя сочиненія объемомъ не менѣе 10, а переводныя—не менѣе 20 печатныхъ листовъ. Не иначе какъ съ благословенія св. синода (или непосредственно имъ самимъ) могутъ быть издаваемы: 1) переводы книгъ Св. Писанія на русскій языкъ, а также толкованія на все Св. Писаніе, или на нѣсколько его книгъ, или даже на одну книгу, 2) изложеніе догматовъ вѣры въ видѣ богословскихъ системъ, и 3) всѣ церковныя службы, вновь составляемыя: чинопослѣдованія, каноны, акаѳисты, пѣснопѣнія, молитвы, духовныя ноты со словами изъ церковныхъ пѣсней и молитвъ и другія сочиненія, назначаемыя для церковнаго богослуженія. Духовная цензура должна быть соединена съ свѣтскою въ одну общую цензуру, состоящую въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ, но съ тѣмъ, чтобы въ составѣ цензурныхъ комитетовъ и главнаго управленія по дѣламъ печати находились лица спеціально-богословскаго образованія, имѣющіа высшія ученыя степени православныхъ духовныхъ академій, и чтобы предварительной цензурой не дозволялись къ печати, а при безцензурности—подвергались судебному преслѣдованію сочиненія, въ которыхъ допущено богохуленіе, или поношеніе Святыхъ Господнихъ, или порицаніе православной вѣры или церкви, или ругательство надъ Св. Писаніемъ, или кощунство, или отрицаніе авторитета Св. Писанія, или опроверженіе истинъ и догматовъ православія, или намѣренное ихъ искаженіе, или возбужденіе къ отступленію отъ православія. Коммиссія приняла, съ небольшими измѣненіями, всѣ предначертанія св. синода, и въ составленномъ ею проектѣ вовсе нѣтъ рѣчи объ особой духовной цензурѣ.

Чрезвычайно подробны отдѣлы проекта, касающіеся вопросовъ уголовнаго права и уголовнаго процесса. Коммиссія была, очевидно, убѣждена, что судебная отвѣтственность органовъ печати должна быть и будетъ не рѣдкимъ исключеніемъ, а такимъ же общимъ правиломъ, какъ и отвѣтственность въ порядкѣ административномъ. На вопросъ о томъ, къ какой степени исполненія умысла слѣдуетъ отнести напечатаніе книги и представленіе ея въ цензуру, мы находимъ въ проектѣ коммиссіи два различныхъ отвѣта, изъ которыхъ одинъ, согласно съ разъясненіемъ сената, видитъ въ вышеозначенныхъ дѣйствіяхъ *приготовленіе*, наказуемое лишь въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, а другой считаетъ ихъ *покушеніемъ*, всегда наказуемымъ (развѣ еслибы оно было остановлено по собственной волѣ покушавшагося). Судя по журналамъ коммиссіи, первый отвѣтъ выражалъ собою мнѣніе меньшинства (четырехъ членовъ), второй—мнѣніе большинства (предсѣдателя и пяти членовъ). По вопросу о лицахъ отвѣтственныхъ за преступленія и проступки печати, коммиссія сдѣлала шагъ назадъ сравнительно съ закономъ 6-го апрѣля 1865-го года; она предположила привлекать къ отвѣтственности за отдѣльно появляющееся (не періодическое) безцензурное изданіе не только автора или переводчика, но, во всякомъ случаѣ, и *издателя*, что, конечно, значительно усилило бы строгость издательской цензуры. Относительно судебной отвѣтственности за произведенія подцензурныя голоса въ коммиссіи раздѣлились: одни полагали привлекать къ отвѣтственности только цензоровъ, другіе,—всегда или въ нѣкоторыхъ случаяхъ (государственныя преступленія, оскорбленіе частныхъ лицъ)—и авторовъ издателей и редакторовъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какія установляются для изданій безцензурныхъ. Къ постановленіямъ проекта, касающимся отдѣльныхъ преступленій печати, мы будемъ еще имѣть случай возвратиться въ заключительной главѣ нашей книги.

Въ отдѣлѣ о судопроизводствѣ по дѣламъ печати коммиссія, сохраняя за цензурными комитетами право возбужденія судеб-

наго преслѣдованія, а также право наложенія предварительнаго ареста на преслѣдуемое изданіе, оставляла въ силѣ подсудность важнѣйшихъ дѣлъ судебной палатѣ, но присоединяла, въ этихъ случаяхъ, къ ея составу, въ качествѣ сословныхъ представителей, предводителей дворянства—губернскаго и уѣзднаго и городского голову. Подсудными палатѣ признавались и военно-служащіе, если совершенные ими путемъ печати проступки не были сопряжены съ нарушеніемъ обязанностей военной службы; но въ такихъ случаяхъ къ составу палаты предполагалось присоединять одного изъ мѣстныхъ военныхъ начальниковъ или одного изъ чиновъ морского вѣдомства. Цензурнымъ установленіямъ предоставлялось право назначать особыхъ уполномоченныхъ для представленія объясненій во время судебнаго разбирательства. Значительная часть дѣлъ о преступленіяхъ печати должна была производиться при закрытыхъ дверяхъ.

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе проекта, составленнаго коммиссіею кн. Урусова. Послѣднее засѣданіе ея состоялось 6-го ноября 1871-го года. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ Государь, въ надписи на докладѣ предсѣдателя коммиссіи, выразилъ увѣренность, что „коммиссія приметъ зависящія отъ нея мѣры къ скорѣйшему окончанію возложеннаго на нее труда“. Въ это время, слѣдовательно, работѣ коммиссіи предполагалось еще дать дальнѣйшій ходъ въ законодательномъ порядкѣ. Почему это предположеніе не осуществилось, почему, вмѣсто „облегченій и удобствъ“, печать вскорѣ подверглась новымъ стѣсненіямъ, о которыхъ въ коммиссіи не было и рѣчи—мы не знаемъ. Можно только догадываться, что поворотъ назадъ совершился въ связи съ только что начавшейся тогда эпохой политическихъ процессовъ. Не даромъ же въ тѣхъ органахъ печати, которые уже со второй половины шестидесятыхъ годовъ слагались мало по малу въ русскую литературную полицію, именно въ 1871-мъ году, вслѣдъ за окончаніемъ такъ называемаго нечаевскаго

дѣла[1]), особенно обострились обличительныя выходки противъ „вредной“ литературы. До извѣстной степени вторили этимъ выходкамъ и болѣе сдержанныя изданія, въ родѣ „Зари“. Возражая противъ нихъ въ „Вѣстникѣ Европы“ (1871, № 11), мы обращали вниманіе на то, что большой интенсивности вліяніе литературы на общество можетъ достигнуть только при широкомъ развитіи политической жизни, при существованіи партій, представителями которыхъ служатъ журналы и газеты. „Бываютъ правда, минуты“—говорили мы дальше,— „когда и при противоположномъ состояніи общества, при крайнемъ стѣсненіи свободы, печать возвышается на степень главнаго двигателя общественной жизни; но этимъ мимолетнымъ блескомъ она почти всегда бываетъ обязана появленію одного или нѣсколькихъ великихъ умовъ и талантовъ, сосредоточивающихъ въ себѣ, на короткое время, всѣ лучшія силы мыслящей части народа (неизвѣстный авторъ писемъ Юніуса въ Англіи 1770 г., Бёрне въ Германіи временъ Священнаго Союза, Бѣлинскій въ Россіи сороковыхъ годовъ). Какъ только они сходятъ со сцены, печать, не имѣющая прочныхъ корней и постоянныхъ источниковъ вліянія, перестаетъ играть выдающуюся роль въ общественной жизни. Всего менѣе возможно преобладаніе печати въ тѣ переходныя эпохи, когда для дѣятельности общества открываются новые пути, но преграды, ее стѣсняющія, снимаются не вдругъ и далеко не всѣ. Въ эти эпохи печать не имѣетъ *болѣе* того значенія, которое она могла пріобрѣсти среди всеобщей безгласности и неподвижности, какъ единственное проявленіе общественной мысли—и не имѣетъ *еще* того значенія, которое принадлежитъ ей въ обществѣ, живущемъ полною жизнью. Для нашей печати наступилъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ,

[1]) Собственно Нечаевъ судился позднѣе, въ началѣ 1873 года; процессъ, производившійся въ спб. судебной палатѣ въ іюлѣ и августѣ 1871-го года, называется „Нечаевскимъ“ потому, что большая часть подсудимыхъ была привлечена къ участію въ тайномъ обществѣ именно Нечаевымъ.

именно такой періодъ. Вниманіе прогрессивныхъ элементовъ общества сосредоточивается уже не на ней одной; она сдѣлалась болѣе практичной, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и вслѣдствіе того—менѣе увлекательной; она проникла въ сферы, которыя прежде были для нея недоступны, но рѣже и осторожнѣе стала касаться вопросовъ, всего болѣе способныхъ волновать общественное мнѣніе. Напрасно было бы, съ другой стороны, искать въ нашей современной печати такихъ публицистическихъ дарованій, которымъ подчинялись бы умы, за которыми слѣдовали бы многочисленные, преданные приверженцы. Нѣчто похожее, съ перваго взгляда, на партію образовалось въ послѣднее время только вокругъ редакторовъ „Московскихъ Вѣдомостей"—главныхъ представителей той реакціонной литературы, появленіе которой составляетъ характеристическую черту истекшаго десятилѣтія; но и тутъ соединительнымъ звеномъ служила не столько сознательная мысль, сколько инстинктивное отвращеніе къ движенію. Какъ бы то ни было, успѣхъ „Московскихъ Вѣдомостей" доказываетъ несостоятельность обвиненій, взводимыхъ на современную періодическую литературу. Въ журналистикѣ, какъ и во всякой другой области общественной жизни, возможно только одновременное существованіе, а не одновременное торжество двухъ противуположныхъ элементовъ.... Чтобы опредѣлить степень вліянія литературы на распространеніе политическихъ или соціальныхъ ученій, необходимо имѣть въ виду, что если литература дѣйствуетъ на общество, то еще сильнѣе дѣйствіе общества на литературу. Въ теоріи всѣ согласны съ тѣмъ, что литература есть выраженіе, созданіе общества, но на практикѣ эта истина забывается или игнорируется на каждомъ шагу, и послѣдствіе безпрестанно принимается за причину. Стоитъ только признакамъ радикализма проявиться одновременно въ обществѣ и въ литературѣ—и существованіе его въ первомъ тотчасъ же приписывается проповѣдыванію его въ послѣдней. А между тѣмъ, оба явленія очевидно зависятъ отъ одной общей причины, и порядокъ происхожденія

ихъ, очевидно, не тотъ, который предполагается обыкновенно. Мысль прежде возникаетъ въ обществѣ, потомъ уже выражается въ литературѣ. Взгляды, несогласные съ общепринятыми, существовали у насъ гораздо раньше, чѣмъ явилась возможность высказывать ихъ въ печати. Вмѣсто того, чтобы негодовать противъ литературной пропаганды извѣстнаго ученія, гораздо полезнѣе, поэтому, обратить вниманіе на условія, его вызывающія и содѣйствующія его распространенію. Съ этой точки зрѣнія появленіе радикальныхъ ученій въ средѣ русскаго общества представляется естественнымъ результатомъ переворота, начавшагося у насъ послѣ крымской войны и продолжающагося до настоящаго времени. Всякое коренное измѣненіе существующаго порядка вещей, хотя бы оно было предпринято самимъ правительствомъ и совершалось постепенно, путемъ вполнѣ законнымъ и мирнымъ, возбуждаетъ движеніе мысли, которое не можетъ быть заключено въ заранѣе опредѣленныя границы. Отправляясь отъ одного и того же исходнаго пункта—сознанія, что старый порядокъ неудовлетворителенъ и что онъ долженъ быть замѣненъ новымъ—можно придти къ самымъ различнымъ заключеніямъ, и въ числѣ этихъ заключеній тѣмъ легче могутъ встрѣтиться выводы крайніе, чѣмъ бо́льшимъ стѣсненіямъ подвергалась прежде общественная мысль, чѣмъ меньше она привыкла къ свободному обсужденію политическихъ вопросовъ, чѣмъ труднѣе для нея переходъ отъ теоріи къ практикѣ, къ дѣйствительности. Токвиль объясняетъ радикальный характеръ французской философіи XVIII-го вѣка преимущественно полнымъ незнакомствомъ тогдашнихъ французовъ съ государственными дѣлами, отъ участія въ которыхъ они были систематически отстраняемы въ продолженіе двухъ почти столѣтій. Наше общество, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, было еще болѣе чуждо политической жизни—и уже это одно должно было сдѣлать его воспріимчивымъ къ крайнимъ ученіямъ, какъ къ самой рѣзкой и наглядной формѣ протеста противъ долговременнаго застоя“.

Что мы не ошибались, отрицая „разрушительное" дѣйствіе литературы — въ этомъ нетрудно убѣдиться, бросивъ бѣглый взглядъ съ одной стороны на картину, которую представляла наша печать въ началѣ семидесятыхъ годовъ, съ другой—на исторію тайныхъ обществъ, насколько она стала достояніемъ гласности. Изъ числа газетъ ни одна не могла соперничать по вліянію съ „Московскими Вѣдомостями", консерватизмъ которыхъ тогда еще не совсѣмъ выродился въ реакціонерство. „Голосъ", медленно совершавшій эволюцію къ болѣе рѣшительному либерализму, еще не пріобрѣлъ того значенія, которое принадлежало ему въ концѣ семидесятыхъ годовъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости", постоянно вися на волоскѣ, соблюдали величайшую осторожность и не имѣли яркой, опредѣленной окраски. „Русскія Вѣдомости" не пользовались и малой долей той популярности, которую онѣ завоевали въ послѣдующія десятилѣтія. Среди „толстыхъ" журналовъ „Отечественныя Записки" (со времени перехода, въ 1868-мъ году, подъ редакцію Некрасова и Салтыкова) и „Дѣло" продолжали, отчасти, традиціи „Современника" и „Русскаго Слова", но съ меньшимъ успѣхомъ, потому что никто изъ критиковъ этого лагеря не обладалъ талантомъ Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева. „Вѣстникъ Европы", изъ историческаго сборника превратившійся, съ 1868-го года, въ политическій журналъ, игралъ роль аналогичную съ той, которая въ концѣ пятидесятыхъ годовъ принадлежала „Русскому Вѣстнику". Славянофиламъ, вслѣдствіе все еще длившагося недоразумѣнія, не удавалось стать твердой ногой ни въ ежедневной, ни въ ежемѣсячной прессѣ. Консервативныя теченія располагали „Русскимъ Вѣстникомъ". и „Зарею". Въ литературѣ не-періодической появлялось много переводовъ, возбуждавшихъ подозрительность цензурнаго вѣдомства; но чтобы составить себѣ понятіе о степени основательности этихъ подозрѣній, достаточно припомнить, что къ числу книгъ, признанныхъ подлежащими уничтоженію, принадлежали „Левіаѳанъ" Гоббса, „Философія исторіи" Воль-

тера, „Вольтеръ“ Штрауса, „Историческія характеристики и этюды“ Шерра. Даже сочиненія Лассаля, второй томъ которыхъ именно въ это время не былъ допущенъ къ обращенію, не могутъ же быть разсматриваемы какъ нѣчто зажигательное, требующее особыхъ мѣръ предупрежденія и пресѣченія. Въ политическихъ процессахъ того времени едва ли найдутся указанія на причинную связь между тайными обществами и литературой. Мы очень хорошо помнимъ нечаевское дѣло, въ которомъ намъ пришлось принять участіе въ качествѣ защитника—но не можемъ назвать ни одного подсудимаго, въ умственной жизни котораго играло бы замѣтную роль вліяніе легальной литературы. На нѣкоторыхъ изъ нихъ оказывали дѣйствіе появлявшіяся тогда во множествѣ прокламаціи (напр. „Народная расправа“) или подпольныя изданія (напр. „Хитрая механика“) — но даже они не были главнымъ орудіемъ агитаціи, главной причиной ея сравнительно быстраго распространенія. Гораздо сильнѣе дѣйствовала устная пропаганда, искусно пользовавшаяся для своихъ цѣлей разными явленіями государственной и общественной жизни. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ (какъ и раньше—въ концѣ сороковыхъ, въ половинѣ шестидесятыхъ) литературѣ пришлось испытать „въ чужомъ пиру похмѣлье“ и расплатиться за то, въ чемъ она вовсе не была повинна.

Тѣ два года, въ продолженіе которыхъ работала коммиссія кн. Урусова, были тяжелымъ періодомъ для нашей печати. Судебныхъ преслѣдованій (если не считать процессовъ о диффамаціи и клеветѣ въ печати) не возникало вовсе, но число административныхъ каръ было весьма велико. Въ 1870 и 1871 гг. было дано *двадцать три* предостереженія, пріостановлено *шесть* изданій („Дѣятельность“, „Недѣля“, „Новое Время“, „Всеобщая“ или „Московская Биржевая Газета“, „Русская Лѣтопись“ и „Судебный Вѣстникъ“) и запрещена розничная продажа девяти изданій. Разрѣшены были вновь 21 газета и 28 журналовъ, но между ними были очень мало неспеціальныхъ, предназначенныхъ для большой публики.

IV.

Первый періодъ реакціи и застоя (ноябрь 1871—февраль 1880).

Непосредственнымъ результатомъ подозрѣній, о которыхъ мы говорили въ концѣ предыдущей главы, явилось новое, весьма существенное стѣсненіе печатнаго слова, состоявшееся, на этотъ разъ, въ законодательномъ порядкѣ. Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе министра внутреннихъ дѣлъ (А. Е. Тимашева) о дополненіи и измѣненіи нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ узаконеній о печати, принялъ во вниманіе, что, на основаніи закона „6-го апрѣля 1865 года, оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе 10 и переводныя не менѣе 20 печатныхъ листовъ, освобождены отъ предварительной цензуры, и затѣмъ пресѣченіе встрѣчающихся въ нихъ злоупотребленій печатнымъ словомъ предоставлено лишь карательной власти суда, въ предѣлахъ, указанныхъ общимъ уложеніемъ о наказаніяхъ и особыми постановленіями упомянутаго закона. Такое облегченіе для книгъ означеннаго объема было признано возможнымъ въ томъ преимущественно предположеніи, что онѣ, по содержанію своему, принадлежатъ обыкновенно къ литературѣ серьезной, обращающейся къ болѣе зрѣлымъ умамъ и, по самой цѣнѣ не будучи доступны распространенію въ массѣ мало образованныхъ читателей, не могутъ съ удобствомъ служить орудіемъ вредной пропаганды. Но изъ представленныхъ на усмотрѣніе Госуд. Совѣта данныхъ видно, что въ послѣдніе годы, наряду со многими полезными произведеніями печати, неоднократно были случаи изданія безцензурныхъ сочиненій, наполненныхъ самыми опасными лжеученіями, стремящихся ниспровергнуть священныя истины религіи, извратить понятія о нравствен-

ности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка. Весьма часто въ такихъ сочиненіяхъ не усматривается прямого нарушенія какой-либо статьи карательнаго закона, и потому они распространяются безпрепятственно. Между тѣмъ, достовѣрными свѣдѣніями доказывается, что во многихъ случаяхъ изданіе ихъ имѣетъ спеціальной цѣлью распространять лжеученія между учащеюся молодежью. Въ этихъ видахъ нѣкоторыя книги, которымъ назначается довольно высокая цѣна для продажи въ книжныхъ лавкахъ, уступаются издателями за треть или четверть стоимости, въ значительномъ числѣ экземпляровъ, для разсылки въ университеты и гимназіи или для раздачи лицамъ, посвятившимъ себя распространенію вредныхъ ученій. Подъ вліяніемъ такой пропаганды многіе молодые люди впадали въ пагубныя заблужденія и иногда вовлекались въ поступки, вынуждавшіе принятіе противъ нихъ мѣръ, тягостныхъ для нихъ и для ихъ семействъ. Признавая безотлагательно нужнымъ положить предѣлъ такимъ злоупотребленіямъ и принимая во вниманіе, что предпринятый по Высочайшему повелѣнію общій пересмотръ дѣйствующихъ узаконеній о печати, по обширности сей работы и необходимости подробнаго соображенія ея при участіи различныхъ вѣдомствъ, не можетъ получить утвержденія въ весьма скоромъ времени, Государственный Совѣтъ согласился съ заключеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ о необходимости дополнить законъ 6-го апрѣля 1865 года опредѣленіемъ порядка дѣйствій высшей административной власти въ тѣхъ случаяхъ, когда признано будетъ необходимымъ принять рѣшительныя, безотлагательныя мѣры къ преграждению распространенія разрушительныхъ ученій какъ въ освобожденныхъ отъ предварительной цензуры книгахъ, такъ и въ тѣхъ періодическихъ изданіяхъ, которыя по характеру своему болѣе подходятъ подъ разрядъ книгъ". На основаніи этихъ соображеній состоялось Высочайше утвержденное 7-го іюня 1872-го года мнѣніе Государственнаго Совѣта, вошедшее въ составъ дѣй-

ствующихъ и въ настоящее время ст. 149—153 уст. о ценз. и печ. (изд. 1890 г.). Если распространеніе освобожденной отъ предварительной цензуры книги или нумера повременнаго изданія, выходящаго безъ цензуры рѣже одного раза въ недѣлю, министромъ внутреннихъ дѣлъ признано будетъ особенно вреднымъ, то онъ можетъ, сдѣлавъ распоряженіе о предварительномъ задержаніи такого произведенія, представить о воспрещеніи выпуска его въ свѣтъ на окончательное разрѣшеніе комитета министровъ (положенія котораго не требуютъ, въ подобныхъ случаяхъ, Высочайшаго утвержденія. Ср. п. II ст. 26,—100 и 113 ст. Учр. Сов. и Ком. Мин.). Если въ задержанномъ сочиненіи или нумерѣ повременнаго изданія усмотрѣно будетъ преступленіе, то, независимо отъ задержанія подобныхъ изданій, можетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе виновныхъ, собственно для разрѣшенія вопроса объ ихъ отвѣтственности. Усмотрѣнію министра предоставленъ выборъ между прежнимъ и новымъ порядкомъ задержанія изданій. Промежутокъ времени между представленіемъ изданія въ цензуру и выпускомъ его въ свѣтъ увеличенъ для книгъ—до семи дней, для повременныхъ изданій (выходящихъ рѣже чѣмъ разъ въ недѣлю)—до четырехъ дней, т. е. въ значительно бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ предполагала коммиссія 1869 года.

Въ 1873-мъ году, министръ внутреннихъ дѣлъ вошелъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ, въ которомъ объяснилъ, что въ законѣ 6-го апрѣля 1865-го года не опредѣлена отвѣтственность редакторовъ за оглашеніе свѣдѣній, не подлежащихъ обнародованію, и не указаны средства для удержанія печати, въ случаяхъ, имѣющихъ особое значеніе, въ границахъ умѣренности и скромности. А. Е. Тимашевъ полагалъ, что всѣ секретныя свѣдѣнія редакціи получали отъ чиновниковъ, имена которыхъ оставались неизвѣстными; поэтому онъ находилъ нужнымъ предоставить министру внутреннихъ дѣлъ право устранять, временно или окончательно, редакторовъ, если они обнародуютъ то, что имъ запрещено печатать, и откажутся сообщить настоящія фамиліи

лицъ, доставившихъ имъ недозволенныя свѣдѣнія. Отсюда слѣдуетъ заключить, что запрещеніе касаться тѣхъ или другихъ предметовъ практиковалось и раньше, хотя не было основано на законѣ, и что установить кару за его нарушеніе предполагалось, внѣ законодательнаго порядка, въ такой формѣ, которая побуждала бы редакторовъ раскрывать ввѣренную имъ тайну. На этотъ разъ комитетъ министровъ не призналъ возможнымъ принять на себя законодательныя функціи и ограничился испрошеніемъ Высочайшаго соизволенія на внесеніе соотвѣтствующаго законопроекта въ Государственный Совѣтъ отдѣльно отъ общаго устава о цензурѣ и печати. Такое соизволеніе воспослѣдовало, и 16-го іюня 1873-го года состоялся дѣйствующій до сихъ поръ законъ (уст. о ценз. и печ. изд. 1890 г. ст. 140 и 156), на основаніи котораго, если по соображеніямъ высшаго правительства найдено будетъ неудобнымъ оглашеніе или обсужденіе въ печати, въ теченіе нѣкотораго времени, какого-либо вопроса государственной важности, то редакторы изъятыхъ отъ предварительной цензуры повременныхъ изданій поставляются о томъ въ извѣстность черезъ главное управленіе по дѣламъ печати. Въ случаѣ нарушенія объявленнаго такимъ образомъ запрета, министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется пріостановить выпускъ въ свѣтъ повременнаго изданія на время не свыше трехъ мѣсяцевъ.

Законы 1872-го и 1873-го гг. не остались мертвой буквой. Вотъ, что мы писали о нихъ въ 1880-мъ году [1]), когда, какъ будетъ сказано ниже, блеснула надежда на перемѣну къ лучшему въ положеніи печати. „Въ законѣ 1872-го года обращаетъ на себя вниманіе прежде всего разногласіе между мотивами и диспозитивною частью: первые касаются исключительно не-періодическихъ изданій, послѣдняя захватываетъ собою, сверхъ того, значительную часть періодической прессы. Новая мѣра строгости противъ періодическихъ изданій, вы-

[1]) См. Внутреннее обозрѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1880 годъ.

ходящихъ рѣже чѣмъ разъ въ недѣлю, была вызвана единственно внѣшнимъ сходствомъ ихъ съ книгами. Ни изъ чего не видно, чтобы журналы были распространяемы по дешевой цѣнѣ въ средѣ учащейся молодежи, съ цѣлью политической или иной пропаганды; ни изъ чего не видно, чтобы какое-либо изъ числа періодическихъ изданій преслѣдовало задачи въ родѣ тѣхъ, которыя приписаны нѣкоторымъ вышедшимъ до 1872 г. книгамъ. Если и допустить, что судебное преслѣдованіе книгъ, „колеблющихъ коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка", могло оказаться безсильнымъ, правительство—безоружнымъ противъ заключающагося въ нихъ зла, то никакъ нельзя было сказать того же самаго о журналахъ, подчиненныхъ, по закону 6 апрѣля, дискреціонной административной власти. Какимъ образомъ могла появиться и восторжествовать мысль, что журналъ, судьба котораго—въ рукахъ администраціи, все еще недостаточно отъ нея зависимъ, что общественное спокойствіе требуетъ права уничтожать тотъ или другой нумеръ журнала и безъ предварительныхъ предостереженій? Какимъ образомъ могло быть упущено изъ виду, что съ 1866-го по 1872-ой годъ только однажды былъ найденъ поводъ къ судебному преслѣдованію журнала [1]), и то безъ наложенія предварительнаго ареста. Объяснить все это можно только характеромъ дискреціонной власти надъ печатью. Посмотримъ, какъ примѣнялся на практикѣ законъ 1872 г. Вспоминая его мотивы, слѣдуетъ предположить, что чрезвычайная власть приводилась въ движеніе только въ чрезвычайныхъ случаяхъ, что задержанію и уничтоженію книга или нумеръ журнала подвергались лишь тогда, когда въ нихъ усматривалось отрицаніе религіи, оскорбленіе нравственности или нападеніе на основы государственнаго и общественнаго порядка. Для полной, всесторонней провѣрки этого предположенія у насъ, недостаетъ данныхъ; списокъ уничтоженныхъ книгъ или журнальныхъ статей не печатается во всеобщее свѣдѣніе. Мы знаемъ, однако,

[1]) „Современника", за статью: „Вопросъ молодого поколѣнія".

что въ числѣ уничтоженныхъ статей московскаго журнала „Бесѣда“ находилась статья о настоящемъ положеніи женскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеній, конечно не угрожавшая опасностью ни религіи, ни нравственности, ни обществу, ни государству; мы знаемъ, что въ 1877 г. былъ уничтоженъ историческій романъ, безпрепятственно напечатанный въ 1879-мъ г. и касающійся событій прошлаго вѣка [1]). Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы показать, какимъ образомъ оружіе, данное противъ врага, легко можетъ обращаться въ орудіе для домашняго обихода, въ способъ заглушать не только опасное, но и всякое почему-нибудь и кому-нибудь непріятное слово.

„Обращаясь къ закону 1873 г., мы находимъ опять то же различіе между идеей и исполненіемъ. Уже изъ текста закона можно вывести заключеніе, что онъ имѣетъ въ виду только экстренные случаи, въ которыхъ обсужденіе или оглашеніе извѣстной правительственной мѣры могло бы принести существенный вредъ государству. Мотивы закона вполнѣ подтверждаютъ это заключеніе. „Новое постановленіе, по самому разуму и цѣли его, можетъ имѣть примѣненіе лишь въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ и рѣдкихъ. „Нѣтъ сомнѣнія, что *органы печати, правильно понимающіе призваніе свое служить пользамъ отечества, и сами собою, безъ всякаго принужденія, подчинялись бы въ сихъ обстоятельствахъ приглашенію правительства.* Посему особое о семъ правило и взысканіе за неисполненіе онаго можетъ относиться лишь къ тѣмъ совершенно исключительнымъ — однако, какъ показываетъ опытъ, возможнымъ — случаямъ, когда одно чувство долга и нравственной отвѣтственности не удержитъ *отъ опасной по своимъ послѣдствіямъ нескромности*“. Въ другомъ мѣстѣ мотивовъ говорится о такихъ вопросахъ внѣшней или внутренней политики, *гласное обсужденіе которыхъ могло бы быть сопряжено съ вредомъ для государства.* Отсюда ясно, что при изданіи закона имѣлись въ виду такіе случаи, какъ

[1]) „Мировичъ“, Григ. Данилевскаго.

напримѣръ, приготовленія къ военнымъ дѣйствіямъ, вооруженіе тѣхъ или другихъ крѣпостей, предполагаемое заключеніе внѣшняго или внутренняго займа, предполагаемое принятіе мѣры, преждевременное оглашеніе которой можетъ вызвать панику или ложные слухи и т. п. Только въ такихъ случаяхъ, безъ сомнѣнія, можетъ идти рѣчь, съ одной стороны, о вредѣ гласности для государства, съ другой—о сознаніи самими органами печати необходимости молчанія и *нравственной* отвѣтственности за нескромное его нарушеніе. Существенно важнымъ признакомъ примѣнимости закона представляется *временный* характеръ обстоятельствъ, обусловливающихъ молчаніе; если обстоятельствамъ этимъ не предвидится конца, то молчаніе и не должно быть налагаемо на печать. Положимъ, напримѣръ, что извѣстное учрежденіе существуетъ уже давно, что ему ни извнѣ, ни извнутри не угрожаетъ и не можетъ угрожать нападеніе, что оно дѣйствуетъ на глазахъ у всѣхъ и неизбѣжно возбуждаетъ разнорѣчивыя сужденія. Откуда можетъ явиться *свободное* убѣжденіе въ необходимости молчанія объ этомъ учрежденіи, какъ можетъ быть установлена исходная и предѣльная точка молчанія? Гдѣ немыслимо добровольное воздержаніе отъ критики, тамъ, по смыслу закона 1873 г., не должно быть мѣста и для принудительнаго прекращенія ея. А между тѣмъ теперь уже не тайна, что въ послѣднее время изъято было изъ обсужденія устройство нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, или, лучше сказать допущены, были хвалебные о нихъ отзывы, но запрещены критическіе, какъ бы вѣски послѣдніе ни были по существу, какъ бы сдержанны ни были по формѣ. Напрасно было бы искать *чрезвычайныхъ обстоятельствъ*, въ силу которыхъ обсужденіе гимназическаго устава угрожало бы *вредомъ или опасностью для государства*; напрасно было бы искать нравственныхъ побужденій, въ силу которыхъ органы печати могли бы сами наложить на себя молчаніе по этому предмету; напрасно было бы искать естественныхъ границъ для запрещенія, не основаннаго на реальныхъ и несомнѣн-

ныхъ фактахъ. Мѣра, установленная въ видахъ охраны *государства*, обращается, такимъ образомъ, въ мѣру охраны *вѣдомства*—охраны его отъ критики, можетъ быть не безполезной для цѣлаго, но докучливой для одной его части. Таковъ неизбѣжный результатъ неопредѣленнаго закона, примѣненіе котораго предоставлено не поддающейся никакимъ опредѣленіямъ и систематически уклоняющейся отъ нихъ администраціи. Когда выборъ между возраженіемъ, въ свою очередь допускающимъ опроверженіе, и абсолютнымъ veto не подчиненъ никакой регламентаціи и никакому контролю, онъ непремѣнно склоняется въ сторону, болѣе удобную для администраціи.

„Безспорно, запрещеніе періодическимъ изданіямъ говорить объ извѣстномъ вопросѣ должно быть, по самому своему назначенію, сохраняемо въ тайнѣ,—и если бы оно ограничивалось случаями, въ виду которыхъ былъ изданъ законъ 1873 г., мы не могли бы сказать ни слова противъ негласности подобныхъ распоряженій; но когда журналистика обязывается молчать о предметѣ, обсужденіе котораго, въ законныхъ предѣлахъ, угрожаетъ развѣ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ, а отнюдь не государству,—тогда положеніе ея значительно ухудшается вслѣдствіе невозможности, для большинства читающей публики, разгадать причину внезапнаго молчанія. Когда молчаніе — нравственный долгъ писателей, оно не можетъ быть загадкой для общества; кто же не понимаетъ, напримѣръ, что газеты, во время колебаній между войной и миромъ, не должны касаться передвиженія войскъ и вообще военныхъ приготовленій? Ожидать такой понятливости въ случаяхъ другого рода—въ случаяхъ принудительнаго воздержанія отъ критики, настоятельно требуемой обстоятельствами—очевидно, нѣтъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что въ *этихъ* случаяхъ молчаніе никогда не бываетъ всеобщимъ. Масса читателей не въ состояніи объяснить себѣ, какимъ образомъ значительная часть прессы можетъ молчать о вопросѣ, чуть не ежедневно поднимаемомъ и обсуждае-

момъ „Московскими“ и „С.-Петербургскими Вѣдомостями„ Положеніе непривилегированныхъ газетъ и журналовъ является, такимъ образомъ, крайне фальшивымъ; приходится или переносить пассивно упреки и подозрѣнія читателей, или обращаться къ нимъ съ намеками, болѣе или менѣе темными—и все-таки не безопасными. Еще важнѣе, безъ сомнѣнія, негласность мѣръ, принимаемыхъ на основаніи закона 1872-го года. Книга или нумеръ журнала исчезаетъ, съ помощью ихъ, такъ-же безслѣдно, какъ корабль, идущій ко дну въ самомъ уединенномъ мѣстѣ океана, или какъ осужденный венеціанскимъ Совѣтомъ Десяти. О погибели журнальной книжки могутъ еще, пожалуй, узнать подписчики журнала, если редакція не найдетъ возможнымъ замѣнить погибшую книжку другою; но судьба уничтоженнаго не-періодическаго изданія, въ большинствѣ случаевъ, остается тайной для всѣхъ, кромѣ лицъ близко въ ней заинтересованныхъ. Иногда книга или нумеръ журнала не погибаетъ цѣликомъ, а только теряетъ бóльшую или меньшую часть своего состава. Для печати такой исходъ дѣла, прямо непредусмотрѣнный закономъ, несомнѣнно представляетъ—если сравнить его съ послѣдствіями буквальнаго примѣненія закона—значительную выгоду; но не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что подъ покровомъ негласности здѣсь возстановляется, de facto, гласно уничтоженная предварительная цензура. Во что обошлась такая реставрація русской литературѣ—этого теперь нельзя опредѣлить даже приблизительно. Немного найдется журналовъ, которымъ она не стоила бы тяжелыхъ жертвъ; немного найдется областей знанія, которыхъ она не лишила бы существенно-важныхъ пріобрѣтеній. Если возможность „компромиссовъ“ смягчила дѣйствіе закона 1872 г., то, съ другой стороны, едва ли можно отрицать, что она сдѣлала примѣненіе его болѣе удобнымъ и легкимъ, а слѣдовательно и болѣе частымъ. Уничтоженіе цѣлой книжки можетъ иногда вызвать *толки*, которыхъ, какъ мы уже знаемъ администрація избѣгаетъ; уничтоженіе въ книгѣ или въ журналѣ той или другой статьи, той или другой страницы сохраняетъ

почти всегда строго закулисный характеръ, особенно съ тѣхъ поръ какъ оно стало явленіемъ довольно обычнымъ въ нашемъ литературномъ мірѣ.

„Оставимъ въ сторонѣ неизмѣримый, невѣсомый недочетъ въ области печатнаго слова—этотъ зловѣщій *иксъ* въ уравненіи, выражающемъ собою исторію нашей прессы; извѣстныя величины этого уравненія, осязательные результаты этой исторіи представляютъ и сами по себѣ достаточно знаменательную картину. Припомнимъ, что въ продолженіе всего этого времени славянофиламъ приходилось бороться — и большею частью безуспѣшно — за право существованія въ журналистикѣ, что „Бесѣда“ вынуждена была отказаться отъ продолженія неравной борьбы, что прошло около пяти лѣтъ, прежде чѣмъ ей удалось возродиться въ образѣ „Русской Мысли“, что покойный Ю. Ѳ. Самаринъ долженъ былъ пользоваться заграничнымъ типографскимъ станкомъ, что въ Россіи не могли и не могутъ появляться брошюры г. Кошелева. Взглянемъ на ежедневную петербургскую прессу — и мы тотчасъ же увидимъ пробѣлъ, образовавшійся въ ней послѣ того, какъ подъ вліяніемъ „независящихъ обстоятельствъ“, въ которыхъ было заинтересовано главнымъ образомъ не вѣдомство печати, а министерство народнаго просвѣщенія, сошла со сцены прежняя (до 1874 г.) редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Фатальной неудачей сопровождались всѣ попытки восполнить этотъ пробѣлъ. Сравнимъ, наконецъ, судьбу всѣхъ неудавшихся и неудающихся въ послѣднее время изданій съ судьбою иныхъ, плывущихъ по теченію и постоянно пользующихся попутнымъ вѣромъ, сличимъ относительную цѣнность тѣхъ и другихъ, сосчитаемъ, сколько газетъ идетъ у насъ по стопамъ „Kreuzzeitung“ и „Pays“, сколько—по стопамъ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ или наполеоновской „France“, сколько—по стопамъ „Figaro“ и „Gaulois“, сколько—по стопамъ лучшихъ иностранныхъ образцовъ, въ родѣ „Daily News“ или „Temps“—и для насъ станетъ яснымъ, чему бла-

гопріятствуетъ существующій порядокъ по дѣламъ печати. Отзывается ли, далѣе, періодическая пресса на всѣ вопросы, предлагаемые ей общественною жизнью, отзывается ли она на нихъ съ тою полнотою, всесторонностью и откровенностью, отъ которыхъ зависитъ достоинство отвѣта? О цѣлыхъ отрасляхъ науки и общественной жизни, болѣе или менѣе связанныхъ съ такъ-называемымъ соціальнымъ вопросомъ, журналистика можетъ говорить только урывками или намеками; обстоятельное изслѣдованіе ихъ для нея недоступно. Области религіи, философіи, исторіи, политической экономіи, естествознанія открыты для нея только отчасти. Участь періодической прессы раздѣляетъ въ этомъ отношеніи и непеҏіодическая, даже ученая литература. Если бы у насъ явился теперь свой Контъ или Спенсеръ, свой Дарвинъ или Геккель, онъ былъ бы обреченъ на молчаніе или, въ лучшемъ случаѣ, могъ бы познакомить насъ только съ нѣкоторыми сторонами своихъ научныхъ взглядовъ. Вѣдь были же одно время задержаны, вмѣстѣ съ сочиненіями Спенсера, „Рефлексы головного мозга“ Сѣченова — и если они увидѣли свѣтъ, то не слѣдуетъ забывать, что тогда еще не былъ изданъ законъ 1872 г. При дѣйствіи этого закона опасными и неподлежащими распубликованію признавались произведенія давно минувшихъ лѣтъ, имѣющія чисто историческое значеніе — такой философскій трактатъ, какъ „Левіаѳанъ“, Гоббса, такой литературный памятникъ, какъ „Сказки“ Вольтера. Есть основаніе думать, что извѣстная, пережившая почти два тысячелѣтія поэма Лукреція: „De natura rerum“ не могла бы появиться въ свѣтъ въ русскомъ переводѣ.

Къ фактамъ, приведеннымъ нами въ 1880-мъ году, прибавимъ нѣсколько другихъ, тогда намъ неизвѣстныхъ. Кромѣ книгъ, названныхъ выше, комитетомъ министровъ, въ разсматриваемый нами промежутокъ времени, были, между прочимъ, запрещены слѣдующія переводныя сочиненія: „Политическая исторія новаго времени“ (1816—68), В. Мюллера; „Исторія февральской революціи“. Луи Блана; „Соціальная статика“,

Герберта Спенсера; „Откуда мы, кто мы“, Бюхнера; „Естественная исторія міротворенія“ Геккеля; „Исторія возникновенія и вліянія раціонализма въ Европѣ“, Лекки; „Исторія нравственности въ Европѣ отъ Августа до Карла Великаго“ его-же; романы и повѣсти Дидро; второй томъ сочиненій Армана Карреля; „Біографія и дѣятельность Р. Оуэна“, Бута; второй томъ „Исторіи Сѣв. Амер. Соед. Штатовъ“, Неймана; „Исторія соціальнаго движенія Франціи съ 1789 г.“, Лоренца Штейна; „Исторія всеобщей литературы XVIII в.“ (т. III, кн. 2), Геттнера; „Новый Духъ“, Кине; „Исторія Византіи и греческой имперіи съ 716 по 1453 г.“, Финлея; „Исторія племенного развитія организмовъ“, Геккеля. Изъ оригинальныхъ произведеній постигнуты тою же судьбою: „Франція въ 1871 г.“, Е. И. Утина (перепечатка статей, безпрепятственно появившихся въ „Вѣстникѣ Европы“); „Артели на Руси“, Скалона; сочиненія Радищева; второе изданіе нѣкоторыхъ томовъ сочиненій Писарева; „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“, Флеровскаго; „Сборникъ разсказовъ въ прозѣ и стихахъ“ (раньше напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ); „Лишеніе свободы, какъ наказаніе исправительное“, Прянишникова; „Очеркъ развитія прогрессивныхъ идей въ нашемъ обществѣ“, А. М. Скабичевскаго; „Женское дѣло въ Европѣ и Америкѣ“, Алферьева; „Славянскія драмы“, Д. Л. Мордовцева; „Вятская незабудка“ (памятная книжка Вятской губерніи на 1878-ой годъ). Случай освобожденія книги, представленной въ комитетъ министровъ, мы знаемъ только одинъ. Декабрьскій нумеръ „Вѣстника Европы“ за 1879-й годъ былъ задержанъ за объясненіе редакціи на оффиціальное сообщеніе министерства народнаго просвѣщенія, помѣщенное въ предыдущей книжкѣ журнала. Министръ внутреннихъ дѣлъ (Л. С. Маковъ) объяснилъ въ засѣданіи комитета, что собственно ни цензурный комитетъ, ни главное управленіе по дѣламъ печати, ни самъ онъ не видятъ достаточнаго повода къ запрещенію книги, остановленной лишь въ виду рѣзкаго тона объясненія редакціи и возможности появленія послѣ того цѣлаго ряда *неудобныхъ* статей,

съ критикой дѣйствій министерства народнаго просвѣщенія. Министръ народнаго просвѣщенія (гр. Д. А. Толстой) замѣтилъ, что книга задержана безъ сношенія съ нимъ и что онъ ничего не имѣетъ противъ ея выпуска. Комитетъ министровъ нашелъ, что законъ 1872-го года въ данномъ случаѣ не примѣнимъ и что, слѣдовательно, книга должна быть разрѣшена [1]).

Временной пріостановкѣ на основаніи закона 1873-го года, т. е. за оглашеніе или обсужденіе вопросовъ, на которые наложено было административное veto, подверглись, до 1 января 1880 года, шесть изданій: „Московскія Вѣдомости", „Гражданинъ" (три раза), „Русскій Міръ" (два раза), „Современныя Извѣстія", „Судебный Вѣстникъ" и „Биржа". Само собою разумѣется, что по числу этихъ взысканій нельзя составить себѣ понятіе объ ущербѣ, причиненномъ печати — и не ей одной—закономъ 1873-го года. Сознательно идти на встрѣчу административной карѣ, касаясь запретной темы, для повременныхъ изданій не было, очевидно, ни повода, ни интереса. Въ 1879 г., въ первый разъ послѣ изданія закона 6-го апрѣля, было примѣнено, въ видѣ наказанія, временное запрещеніе печатать частныя объявленія. Рядомъ съ новыми мѣрами взысканія продолжали широко примѣняться и старыя. Въ 1872—77 гг. дано было всего 72 предостереженія и 45 разъ запрещена розничная продажа; *шестнадцать* изданій— „Голосъ" (два раза), „Дѣятельность", „Всемірный Трудъ", „Петербургская Газета", „Искра", „Новое Время", „Современныя Извѣстія", „Русскій Міръ" (два раза), „Петербургскій Листокъ", „Знаніе", „Недѣля", „Молва", „Биржа", „Русское Обозрѣніе" (два раза), „Гражданинъ", „Сѣверный Вѣстникъ"— подверглись пріостановкѣ на сроки отъ трехъ недѣль до шести мѣсяцевъ. Внѣ обычнаго порядка была прекращена, въ 1876 г., газета „Кіевскій Телеграфъ". Въ декабрѣ 1877 г., по случаю взятія Плевны, были сложены всѣ предостереженія,

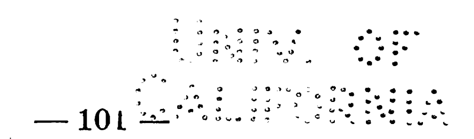
---

[1]) См. „Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ", т. III, ч. 2, стр. 207.

тяготѣвшія въ то время надъ газетами и журналами; но печать выиграла отъ того не много, такъ какъ слѣдующіе два года опять были очень богаты административными карами. Въ 1878-мъ году дано 15 предостереженій и 19 разъ запрещена розничная продажа; въ 1879 году дано 16 предостереженій и 6 разъ запрещена розничная продажа. Въ 1878-мъ году пріостановлено на 6 мѣсяцевъ „Русское Обозрѣніе" (послѣ того не возобновлявшееся) и совершенно запрещенъ, внѣ обычнаго порядка, „Сѣверный Вѣстникъ"; въ 1879-мъ году пріостановлены на срокъ отъ 3 до 5 мѣсяцевъ „Недѣля", „Русскій Міръ", „Русская Правда" и „Голосъ". Въ томъ же году началось примѣненіе административныхъ каръ, въ видѣ временной пріостановки, къ провинціальнымъ подцензурнымъ изданіямъ. Тогда же, послѣ покушенія Соловьева (2-го апрѣля) на жизнь Государя Императора, генералъ-губернаторамъ (постояннымъ и временнымъ) предоставлено было право пріостанавливать и вовсе запрещать періодическія изданія. Сколько намъ извѣстно, случаевъ примѣненія этого права было только два: въ 1879 г. московскимъ генералъ-губернаторомъ пріостановленъ на два мѣсяца „Востокъ" и въ 1880 г. одесскимъ генералъ-губернаторомъ прекращена газета „Правда". Въ первые мѣсяцы 1880-го года, до перемѣны въ общей политикѣ правительства, дано четыре предостереженія, два раза запрещена розничная продажа, два раза запрещено печатаніе частныхъ объявленій и пріостановленъ на три мѣсяца журналъ „Слово".

Изъ приведеннаго выше списка административныхъ взысканій видно, что отношеніе администраціи къ печати оставалось, въ главныхъ чертахъ, неизмѣннымъ при всѣхъ начальникахъ главнаго управленія по дѣламъ печати (послѣ генерала Шидловскаго эту должность занимали извѣстный библіографъ М. Н. Лонгиновъ и бывшій профессоръ В. В. Григорьевъ) и при обоихъ министрахъ внутреннихъ дѣлъ (А. Е. Тимашева замѣнилъ въ 1878 г. Л. С. Маковъ). Косвенное, но немалое вліяніе на положеніе печати имѣлъ въ это время министръ народнаго просвѣщенія гр. Д. А. Толстой. Проводя

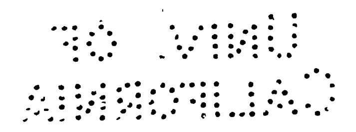
съ неуклонною настойчивостью преобразованіе средней школы и готовя ломку университетскаго устава, онъ старался, на сколько могъ, заглушить голоса, неблагопріятствовавшіе его стремленіямъ. Противъ „Вѣстника Европы“ онъ дѣйствовалъ преимущественно путемъ длиннѣйшихъ, обязательныхъ къ напечатанію сообщеній; „Голосъ“ неоднократно подвергался взысканіямъ за статьи о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. По иниціативѣ гр. Толстого В. Ѳ. Коршъ былъ лишенъ, съ 1875-го года, права редактировать „С.-Петербургскія Вѣдомости“. Главные ихъ сотрудники перешли въ „Биржевыя Вѣдомости“, редакторомъ которыхъ былъ В. А. Полетика (въ 1879 г. онѣ были переименованы въ „Молву“). Одинъ изъ нихъ, А. С. Суворинъ, пріобрѣлъ въ 1876 г. „Новое Время“, очень недолго, впрочемъ, хранившее вѣрность завѣтамъ временъ В. Ѳ. Корша. Попытка вновь сгруппировать писателей опредѣленно-либеральнаго оттѣнка не удалась вслѣдствіе запрещенія „Сѣвернаго Вѣстника“, фактическимъ редакторомъ котораго былъ В. Ѳ. Коршъ. Все болѣе и болѣе за то укрѣплялся „Голосъ“, съ начала семидесятыхъ годовъ сдѣлавшійся органомъ умѣреннаго либерализма. Новые либеральные органы („Русское Обозрѣніе“, „Русская Правда“), быстро погибали подъ бременемъ административныхъ каръ. Тяжело жилось и „Недѣлѣ“, поднявшей знамя не-радикальнаго народничества, и „Русскому Міру“, консервативному въ своихъ основахъ, но оппозиціонному по отношенію къ нѣкоторымъ вѣдомствамъ (напр. военному). „С.-Петербургскія Вѣдомости“, при быстро смѣнявшихся редакторахъ—гр. Саліасѣ, П. С. Усовѣ, В. В. Комаровѣ — сдѣлались органомъ консервативнымъ, но не пріобрѣли и тѣни того значенія, которое имѣли при В. Ѳ. Коршѣ. Къ ультра-консервативной печати присоединился, отнюдь ее не усиляя, „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго. „Московскія Вѣдомости“, все глубже и глубже погружавшіяся въ реакцію, далеко не пользовались прежнимъ авторитетомъ. Шедшій съ ними рука объ руку „Русскій Вѣстникъ“ держался только беллетристическимъ отдѣломъ, въ которомъ

появлялись новыя произведенія Достоевскаго и Льва Толстого. „Заря“ перестала выходить еще въ 1872-мъ году. „Вѣстникъ Европы“, имѣвшій съ 1873-го года два предостереженія, одно время былъ близокъ къ запрещенію. Постоянно увеличивался успѣхъ „Отечественныхъ Записокъ“, благодаря не только Некрасову и Салтыкову, но и Глѣбу Успенскому, Елисѣеву, Н. К. Михайловскому [1]). „Дѣло“ отодвигалось на второй планъ. „Знаніе“, занимавшее, несмотря на свой спеціально-научный характеръ, одну изъ видныхъ позицій на лѣвомъ флангѣ литературы, вынуждено было сойти со сцены, но преемникомъ его, съ болѣе обширной программой, явилось „Слово“. Картина получается, такимъ образомъ, далеко не лишенная разнообразія; но подъ Дамокловымъ мечомъ, висѣвшимъ почти надъ всѣми періодическими изданіями, ни одно направленіе не могло выразиться ясно и опредѣленно, ни одна крупная мысль и ни одно важное дѣло не могли вызвать свободнаго, всесторонняго обсужденія. Политическіе процессы, становившіеся съ 1874-го года все болѣе частыми, все болѣе обширными, серьезными, по прежнему не заключали въ себѣ указаній на связь между легальной литературой и революціонной агитаціей. Усиленная строгость по отношенію къ печати, вызванная политическими преступленіями 1878 и 1879 гг., зависѣла не столько отъ того, что въ печати былъ найденъ одинъ изъ корней зла, сколько отъ систематическаго обостренія репрессіи во всѣхъ областяхъ государственной жизни.

---

[1]) Въ промежутокъ времени съ 1868 по 1880 г. „Отечественныя Записки“ получили только два предостереженія (оба раза первое), въ 1872 и 1879 гг.

V.

Попытка движенія, новая реакція и новый застой (мартъ 1880—октябрь 1895).

Между положеніемъ печати и общимъ ходомъ внутренней политики существуетъ неизбѣжный параллелизмъ, обнаружившійся и въ 1880-мъ году, какъ только, съ учрежденіемъ верховной распорядительной коммиссіи и возвышеніемъ гр. Лорисъ-Меликова, появились первые признаки „новыхъ вѣяній“. Административныя взысканія, столь частыя въ предыдущую эпоху, почти совершенно прекратились; въ теченіе девяти мѣсяцевъ (съ 1 апрѣля 1880 г. по 1 января 1881 г.) было дано только одно предостереженіе, и то за статью не-политическаго характера. А между тѣмъ въ попыткахъ заподозрить значительную часть печати и въ это время не было недостатка. На помощь „Московскимъ Вѣдомостямъ“ явилась вновь основанная газета „Берегъ“, прямо обвинявшая *надпольную*, т. е. легальную, но независимую печать въ солидарности съ *подпольною*. „Пріемъ“,—писали мы по этому поводу въ апрѣлѣ 1880-го года,—„употребляется слѣдующій: берутся выписки изъ *подпольныхъ* изданій, подмѣчается въ чемъ-нибудь сходство между ними и взглядами *надпольной* прессы, и отъ этого сходства прямо заключается къ тождеству стремленій *подпольныхъ благодѣтелей* и *надпольныхъ радѣтелей*“. Сравнивая обѣ категоріи изданій, „Берегъ“ иронически отдавалъ предпочтеніе „Народной Волѣ“, „по ясности выражаемыхъ ею опредѣленій и, пожалуй, большей ихъ толковости“. Всѣ подобные навѣты и наговоры проходили безслѣдно, не встрѣчая сочувствія со стороны „диктатуры сердца“. Фактическая терпимость, въ каждый данный моментъ

могущая уступить мѣсто новымъ мѣрамъ строгости, не составляетъ, однако, достаточной гарантіи даже по отношенію къ ближайшему будущему. Сама собою, поэтому, вновь выдвинулась на сцену мысль о пересмотрѣ законодательства о печати. Мы посвятили ей іюньское внутреннее обозрѣніе „Вѣстника Европы“. Выше приведены тѣ его части, которыя касались законовъ 1872 и 1873 гг. „Вся наша литература“,— говорили мы дальше—„стоитъ только одной ногой въ настоящемъ, а другой—въ прошедшемъ; положеніе ея исполнено противорѣчій. У насъ есть безцензурныя изданія, въ сущности подлежащія цензурѣ; у насъ есть политическая печать, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть строгая опека надъ мыслью; у насъ есть право критиковать дѣйствія правительства—и нѣтъ права обсуждать общіе вопросы, почти столь же древніе, какъ и человѣчество. Въ основаніи всѣхъ этихъ противорѣчій лежитъ воспитанное нашей исторіей презрительное или по крайней мѣрѣ высокомѣрное отношеніе къ мысли, къ знанію (разсматриваемому не въ смыслѣ практическаго или техническаго умѣнья), къ научному, отвлеченному изслѣдованію, а слѣдовательно, и къ печатному слову. Коренится ли это отношеніе въ византійствѣ, или въ вѣковой оторванности отъ обще-европейскаго развитія, или въ своеобразномъ общественномъ строѣ — это вопросъ, разсмотрѣніе котораго не входитъ въ предѣлы нашей задачи; для насъ важно только констатировать фактъ, тяготѣющій надъ русской общественной жизнью. Въ до-реформенной Пруссіи или Германіи политической печати не было, можно сказать, почти вовсе— но издавна была свободная наука. Такія явленія, какъ изгнаніе изъ Галле философа Вольфа (въ 1723 г., при Фридрихѣ-Вильгельмѣ І-мъ), всегда были тамъ чѣмъ-то исключительнымъ. Въ то самое время, когда въ Берлинѣ издавался знаменитый Religionsedikt (1788), т. е. торжествовала реакція противъ „просвѣщенія“, въ Кенигсбергѣ безпрепятственно училъ Кантъ, и сочиненія его безпрепятственно расходились по всей Германіи. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, новой не менѣе

сильной реакціи не удалось добиться уничтоженія книги Штрауса; слова Неандера, сказанныя по этому поводу: „противъ научныхъ доводовъ можетъ быть употребляемо только научное же оружіе“ — никогда не были забываемы вполнѣ, даже въ самыя тяжелыя эпохи новѣйшей исторіи Германіи. Великое начало: „die Wissenschaft und ihre Lehre ist frei“— примѣнялось на дѣлѣ гораздо раньше, чѣмъ было внесено въ прусскую конституцію. Въ нашемъ прошедшемъ нѣтъ подобныхъ преданій—и это одна изъ причинъ, по которымъ свобода печати такъ медленно и туго прививается на нашей почвѣ. Подавленіе мысли слишкомъ долго казалось у насъ естественнымъ, необходимымъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ удободостижимымъ; неоцѣнимость, невознаградимость потерь, причиняемыхъ вынужденнымъ молчаніемъ, ускользала отъ глазъ, привыкшихъ видѣть опасность только въ нарушеніи молчанія. Припомнимъ цѣлый рядъ другихъ обстоятельствъ, замедлявшихъ, въ послѣднее время, поступательное движеніе Россіи—и мы поймемъ продолжительность переходной эпохи, переживаемой русскою печатью. Обстоятельства, о которыхъ мы только-что упомянули, еще не прекратились; можно ли говорить, затѣмъ, о прекращеніи переходной эпохи, отчасти обусловливаемой ими? Мы встрѣчаемся здѣсь съ наиболѣе крѣпкой, повидимому, позиціей противниковъ свободной печати. Обычные ихъ аргументы—неуловимость зла, заключающагося въ печатномъ (особенно газетномъ или журнальномъ) словѣ, невозможность бороться противъ него обыкновенными, строго легальными мѣрами, недостаточность, медленность и слабость судебной репрессіи — не заимствуютъ ли удвоенную силу отъ условій, въ которыя съ нѣкоторыхъ поръ поставлена Россія? Не всѣ голоса, раздающіеся противъ печати въ самой печати, требуютъ прямо сохраненія или усугубленія административной власти надъ литературой; но требованіе это подразумѣвается само-собою, оно звучитъ въ каждомъ обвиненіи, взводимомъ на „либеральную“, „петербургскую“, „анти-національную“, или, по вновь изобрѣтен-

ному выраженію, *надпольную* прессу. Если теперь, несмотря на неусыпный надзоръ вооруженной съ ногъ до головы администраціи, значительная часть печати находитъ возможнымъ идти рука объ руку съ подпольной прессой, раздѣлять ея тенденціи, пропагандировать ея любимыя идеи, дѣйствовать, однимъ словомъ, въ безмолвномъ, но тѣсномъ союзѣ съ крамолой, — то чего же слѣдуетъ ожидать отъ печати, подчиненной только суду и ограниченной только уголовнымъ закономъ? Не дерзко ли со стороны мятежной, преступной прессы заявлять о какихъ-то стѣсненіяхъ, домогаться какихъ-то новыхъ правъ, когда самое существованіе ея является актомъ снисхожденія, быть можетъ—вреднаго?.. Такова невысказанная, но вполнѣ ясная тема, на всѣ лады развиваемая нашими реакціонерами. Какого бы мы ни были мнѣнія о ея нравственномъ достоинствѣ, обойти ее мы не можемъ, потому что она стоитъ поперекъ дороги, ведущей къ нашей цѣли. Допустимъ, что солидарность между подпольною и надпольною печатью, между интеллигенціей и анархистами— не миѳъ, что въ ней есть хоть что-нибудь реальное. Откуда она идетъ, съ которыхъ поръ она появилась? Источникъ ея относятъ обыкновенно къ началу шестидесятыхъ годовъ, къ періоду процвѣтанія „Современника“ и „Русскаго Слова“; развитіе ея выставляютъ чѣмъ-то непрерывнымъ, продолжающимся цѣлыхъ двадцать лѣтъ, вплоть до настоящей минуты. Итакъ, установилась она во время безусловнаго господства предварительной цензуры, окрѣпла и пустила корни во время безусловнаго господства административной карательной власти. Не явствуетъ ли отсюда, что мѣрами строгости и бдительностью надзора нельзя ни предупредить, ни уменьшить тяготѣнія печати къ области, для нея запретной? Или, быть можетъ, надзору недоставало до сихъ поръ вниманія и прозорливости, мѣры строгости принимались не довольно часто и не довольно энергично? Но что же, въ такомъ случаѣ, остается дѣлать съ печатью? Возстановить предварительную цензуру? Опытъ прошедшихъ лѣтъ и другихъ странъ удо-

стовѣряетъ, что такъ-называемыя вредныя ученія процвѣтаютъ какъ нельзя лучше и подъ сѣнью цензуры. Запретить всѣ сколько-нибудь независимые журналы и газеты? Это значило бы изувѣчить только-что оперившуюся русскую мысль, превзойти знаменитый комитетъ 1848-го года, поставить Россію въ ложное положеніе относительно Западной Европы—и въ концѣ концовъ усилить вліяніе подпольной или заграничной революціонной прессы. Привлекать писателей къ личной отвѣтственности за ихъ статьи? Отвѣтственности передъ судомъ они сами желаютъ—а объ отвѣтственности передъ администраціей едва ли можетъ быть рѣчь въ то время, когда вообще изыскиваются средства къ ограниченію или отмѣнѣ административной расправы. Присоединить къ оффиціальному надзору за печатью надзоръ неоффиціальный, организованный въ ея собственной средѣ? Послѣдній всегда у насъ существовалъ и болѣе чѣмъ когда-либо распространенъ въ настоящее время; вѣдь была же недавно прямо по имени указана повѣсть, проповѣдующая, будто бы, принципы революціонныхъ прокламацій! Вся бѣда въ томъ, что усердіе ревнителей-добровольцевъ, начиная съ покойной „Сѣверной Пчелы" и до новѣйшихъ ея послѣдователей, никогда ни къ чему не приводило и ни къ чему привести не можетъ. Въ розысканіи вредныхъ началъ они ничуть не болѣе искусны и не болѣе компетентны, чѣмъ оффиціальные блюстители печати; съ задачей, оказавшейся не по силамъ послѣднихъ, не справятся и первые. Пора придти къ убѣжденію, что никакимъ совокупнымъ усиліямъ не удастся соткать такую сѣть, которая была бы абсолютно непроницаема для мысли. Чѣмъ больше сумма усилій, нужныхъ для прорванія сѣти, тѣмъ больше, по закону реакціи, напоръ въ ту сторону, гдѣ связанная сила нашла, наконецъ, для себя выходъ. Снимите сѣть—и движеніе распредѣлится болѣе равномѣрно, уравновѣшиваемое и регулируемое именно возможностью свободнаго выбора между самыми различными направленіями.

„Тяготѣетъ надъ печатью, въ настоящее время, не столько строгость администраціи, сколько неизбѣжно-произвольный характеръ административной власти, отсутствіе гарантій, представляемыхъ судебнымъ, гласнымъ разбирательствомъ, равноправностью обвиненія и защиты, мотивированнымъ рѣшеніемъ, возможностью жалобы въ высшія инстанціи, возможностью установленія твердой, постоянной практики по дѣламъ печати. Если въ уголовныхъ законахъ о печати есть какіе-нибудь пробѣлы, пускай они будутъ пополнены, пускай будутъ предусмотрѣны всѣ возможные проступки печати. Мы очень хорошо знаемъ, что положеніе дѣлъ, которое могло бы установиться теперь съ подчиненіемъ печати исключительно суду, было бы весьма далеко отъ настоящей, идеальной свободы печати, даже просто отъ свободы печати, безъ всякихъ эпитетовъ; но мы стоимъ на почвѣ реальнаго, возможнаго, принимаемъ въ расчетъ всѣ существующія условія и говоримъ только о томъ, что считаемъ вполнѣ доступнымъ *въ данную минуту*.

„Какъ ни тяжело, при существующемъ порядкѣ, положеніе столичной печати, оно можетъ показаться блестящимъ, если сравнить его съ положеніемъ печати провинціальной. Провинціальная печать вполнѣ безправна—такъ безправна, какъ никогда, въ самыя худшія минуты, не была столичная подцензурная печать. Она состоитъ, въ большинствѣ случаевъ, подъ цензурой не особыхъ цензоровъ, болѣе или менѣе приготовленныхъ къ исполненію своихъ обязанностей, а чиновниковъ, назначенныхъ губернаторомъ и смотрящихъ на свои цензорскія функціи, какъ на всякое другое, заурядное порученіе начальства. Извѣстны случаи, когда цензурный просмотръ газеты возлагался на лицо, живущее въ другомъ, отдаленномъ городѣ, вслѣдствіе чего становилось невозможнымъ дальнѣйшее изданіе газеты. При скудости матеріальныхъ средствъ, которыми располагаютъ провинціальныя типографіи, пріостановка одного нумера газеты или даже задержаніе нѣсколькихъ столбцовъ ея можетъ совершенно

парализовать весь ходъ изданія; даже въ Тифлисѣ, по словамъ одного изъ тамошнихъ редакторовъ, „не хватаетъ ни рабочихъ силъ, ни шрифтовъ для набора запасныхъ статей". Не говоримъ уже о томъ, какъ широко примѣняется въ провинціи понятіе объ анти-цензурномъ, какъ щекотливо мѣстныя власти относятся ко всему тому, что можетъ показаться критикою ихъ дѣйствій. Между тѣмъ, въ Тифлисѣ, въ Одессѣ, въ Саратовѣ, въ Казани, въ Воронежѣ, въ Иркутскѣ были уже сдѣланы попытки, доказывающія возможность полезной, дѣльной, честной провинціальной прессы; но эти попытки часто оканчивались неудачей, не зависѣвшей ни отъ редакціи, ни даже отъ общества. Теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, сознана невозможность разрѣшенія многихъ общихъ вопросовъ безъ предварительнаго изслѣдованія на мѣстѣ, безъ собранія самыхъ точныхъ и подробныхъ свѣдѣній о той или другой сторонѣ народной жизни; понятно, какія услуги могла бы оказать при этомъ самостоятельная, широко развѣтвленная провинціальная періодическая пресса. Если бы такая пресса у насъ существовала, мы узнали бы гораздо раньше о голодѣ въ Самарской, о чумѣ въ Астраханской губерніи; мы имѣли бы массу статистическихъ данныхъ, болѣе достовѣрныхъ, чѣмъ многія работы губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Гласность судебныхъ засѣданій въ провинціи не была бы пустымъ словомъ; процессы, рисующіе въ яркихъ краскахъ положеніе русскаго общества, доходили бы до всеобщаго свѣдѣнія не въ тѣхъ только исключительныхъ случаяхъ, когда въ нихъ замѣшаны имена провинціальной аристократіи или преобладаетъ скандальный характеръ. Дѣятельность управъ, земскихъ собраній, городскихъ думъ сдѣлалась бы предметомъ живого интереса и дѣйствительнаго контроля—предполагая, конечно, что вмѣстѣ съ провинціальной прессой были бы освобождены отъ цензуры и отчеты о засѣданіяхъ выборныхъ собраній. Законъ 13-го іюня 1876 г., подчинившій эти отчеты цензурѣ мѣстнаго губернскаго начальства, стоитъ существенно важной преградой не только на пути къ свободѣ

печати, но и на пути развитія земскаго и городского самоуправленія.

„Само собою разумѣется, что, расширяя кругъ дѣйствій суда, слѣдуетъ заранѣе пріучить себя къ мысли о возможности и даже неизбѣжности оправдательныхъ приговоровъ. Мы видѣли уже, къ какимъ результатамъ привело въ 1866 г. именно недостаточное усвоеніе этой мысли; мы видѣли уже, что *одинъ* оправдательный приговоръ *низшей инстанціи* повлекъ за собою измѣненіе только-что изданнаго закона. Если видѣть въ судѣ une machine à sentences, механическій аппаратъ для подведенія заранѣе осужденной журнальной или газетной статьи подъ тотъ или другой параграфъ уголовнаго закона, то лучше и не испытывать дѣйствія его на процессахъ печати; разочарованіе было бы здѣсь неминуемо, а послѣдствіемъ разочарованія слишкомъ часто бываетъ реакція. Гдѣ самостоятельный судъ, тамъ и возможность разногласія между нимъ и обвинителемъ. Въ обыкновенныхъ дѣлахъ такое разногласіе встрѣчается сплошь да рядомъ и нимало не вредитъ достоинству и авторитету обвинительной власти, если только она избѣгаетъ явно неправильныхъ обвиненій, не основанныхъ на законѣ или прямо противорѣчащихъ фактической сторонѣ дѣла. Цензурное вѣдомство, по отношенію къ суду—та же обвинительная власть, мнѣнія которой не могутъ *всегда* совпадать съ мнѣніями суда. Нарушеніемъ нормальныхъ отношеній между судомъ и административною властью было бы лишь такое настроеніе суда, при которомъ онъ систематически, съ предвзятою мыслью, отвергалъ бы всѣ или почти всѣ предъявляемыя ему обвиненія по дѣламъ печати. Но такой образъ дѣйствій со стороны русскаго суда представляется совершенно немыслимымъ.

„Съ тѣхъ поръ, какъ сдѣланъ былъ у насъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, первый шагъ къ свободѣ печати, надежды на новое расширеніе ея возникали нѣсколько разъ—и отвѣтомъ на несбывшіяся надежды нѣсколько разъ было усиленіе административной власти надъ печатью. Горизонтъ опять

нѣсколько просвѣтлѣлъ; неужели признаки близкаго преобразованія опять окажутся обманчивыми? Трудно допустить мысль, чтобы русской печати, какъ и русскому обществу, долго еще суждено было жить изо дня въ день, безъ увѣренности въ слѣдующей минутѣ, безъ опредѣленныхъ, прочныхъ правъ, безъ возможности искренне подавать свой голосъ, не прибѣгая къ системѣ намековъ, недомолвокъ, иносказаній и отвѣчая за свои слова только передъ судомъ и закономъ".

Противъ высказаннаго нами мнѣнія возстала, въ сдержанной формѣ, но довольно рѣшительно по существу, газета „Отголоски", считавшаяся органомъ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ (а тогда предсѣдателя комитета министровъ), гр. П. А. Валуева. Необходимость прямого административнаго контроля надъ печатью и неизбѣжность негласнаго давленія на печать „Отголоски" мотивировали, между прочимъ, отсутствіемъ у насъ политическихъ партій, а слѣдовательно и взаимно уравновѣшивающихся органовъ печати, и склонностью всей періодической прессы принимать оппозиціонный оттѣнокъ. „Трудно повѣрить",—возразили мы „Отголоскамъ" въ августовскомъ внутреннемъ обозрѣніи,—„что эти слова написаны и напечатаны въ іюнѣ 1880-го года. Они могли бы имѣть нѣкоторое основаніе двадцать лѣтъ тому назадъ, когда въ нашей печати не было ни оффиціозныхъ, ни даже консервативныхъ органовъ. Времена эти давно прошли: съ основаніемъ „Вѣсти", съ переходомъ „Московскихъ Вѣдомостей" въ руки гг. Леонтьева и Каткова, съ поворотомъ „Русскаго Вѣстника" отъ англійскаго либерализма къ доморощенной реакціи явилось то *уравновѣшеніе* органовъ печати, котораго ищутъ и не находятъ „Отголоски"—и равновѣсіе было нарушено съ тѣхъ поръ развѣ въ пользу консерватизма. Отсутствіе партій превращается, подъ рукой „Отголосковъ", въ преобладаніе оппозиціи—и изъ двухъ противорѣчащихъ другъ другу посылокъ выводится, путемъ смѣлаго логическаго пріема, заключеніе, неблагопріятное для печати.

Мы предложили бы, на мѣсто его, слѣдующую дилемму: или у насъ нѣтъ партій—въ такомъ случаѣ нѣтъ повода къ стѣсненію печати въ выраженіи отдѣльныхъ, личныхъ мнѣній, не имѣющихъ никакой опоры въ обществѣ и проносящихся надъ нимъ безплодно и безслѣдно; или у насъ есть партіи (въ смыслѣ неорганизованныхъ, безформенныхъ группъ, связанныхъ только общностью мнѣній)—въ такомъ случаѣ онѣ имѣютъ право высказываться въ печати, тѣмъ болѣе, что у нихъ нѣтъ иного средства выяснить самимъ себѣ и другимъ свои стремленія и цѣли. Образъ мыслей, для котораго въ обществѣ есть на лицо данныя и матеріалы, непремѣнно будетъ распространяться, пріобрѣтать новыхъ приверженцевъ; въ интересахъ всѣхъ и каждаго слѣдуетъ желать, чтобы эта работа происходила открыто, постоянно повѣряемая и поправляемая, контролируемая однимъ только закономъ и примѣняющею его судебною властью".

Въ началѣ сентября 1880-го года гр. Лорисъ-Меликовъ, только что ставшій министромъ внутреннихъ дѣлъ, призвалъ къ себѣ представителей выходившихъ въ Петербургѣ періодическихъ изданій и сообщилъ имъ о готовности правительства дать печати возможность обсуждать различныя мѣропріятія, постановленія, распоряженія власти, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы печать не смущала и не волновала напрасно умы своими „мечтательными иллюзіями". Новый начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, Н. С. Абаза, посвятилъ цѣлый вечеръ бесѣдѣ съ редакторомъ и однимъ изъ сотрудниковъ „Вѣстника Европы". Славянофилы, въ теченіе многихъ лѣтъ лишенные своего органа, получили, въ лицѣ И. С. Аксакова, дозволеніе издавать газету „Русь". Разрѣшено было еще нѣсколько безцензурныхъ изданій, между прочимъ „Порядокъ" М. М. Стасюлевича и „Земство" В. Ю. Скалона и А. И. Кошелева. „Никогда еще",—писали мы въ ноябрьскомъ внутреннемъ обозрѣніи,—„администрація по дѣламъ печати не была одушевлена такими добрыми намѣреніями, никогда еще число административныхъ взысканій не доходило до такого незна-

чительнаго минимума. И все таки предостереженіе, данное „Новому Времени“, служитъ новымъ аргументомъ въ пользу коренного измѣненія дѣйствующихъ узаконеній о печати. Статья, вызвавшая это предостереженіе, не имѣла ничего общаго съ предметомъ, изъятымъ изъ круга дѣятельности печати; она была направлена исключительно противъ финансоваго управленія. Пока въ рукахъ администраціи два способа дѣйствій противъ печати: одинъ—скорый и не допускающій отпора, другой — болѣе медленный и не всегда приводящій къ желанной цѣли, до тѣхъ поръ почти неизбѣжно предпочтеніе перваго передъ послѣднимъ. Не говоря уже о томъ, что отъ *обладанія* властью только одинъ шагъ до *пользованія* ею, не слѣдуетъ забывать, что въ настоящее время администрація по дѣламъ печати отвѣчаетъ за печать передъ другими вѣдомствами. Этимъ послѣднимъ принадлежитъ иногда иниціатива взысканія—и отклонить такую иниціативу не всегда легко и удобно. Лицо или мѣсто, облеченное дискреціонною властью, можетъ отказаться отъ нея, de facto, насколько рѣчь идетъ о его собственныхъ дѣлахъ и интересахъ; но ему гораздо труднѣе мотивировать ея бездѣйствіе, когда къ ея защитѣ обращаются другія учрежденія, другіе органы администраціи. Единственный исходъ изъ этого положенія—полная отмѣна дискреціонной власти, тѣмъ болѣе опасной, что отъ лицъ, пользующихся ею сдержанно и мягко, она въ каждую минуту можетъ перейти къ другимъ, иначе настроеннымъ по отношенію къ печати“. Дальше мы опять указывали на особенно тяжелое положеніе провинціальной печати. „Ослабленіе стѣсненій, тяготѣвшихъ надъ нею, едва замѣтно; изъ губерній продолжаютъ приходить жалобы на произволъ мѣстной цензуры. Ничего другого нельзя и ожидать, пока провинціальныя газеты продолжаютъ оставаться въ зависимости отъ отдѣльныхъ лицъ, далеко не всегда сочувствующихъ *новой эрѣ*, далеко не всегда отрѣшившихся отъ привычекъ и взглядовъ недавняго времени. А между тѣмъ, провинціальная печать могла бы, при другихъ условіяхъ, оказать

весьма существенное содѣйствіе мѣстному изслѣдованію (именно тогда предпринятому въ видѣ сенаторскихъ ревизій). Она стоитъ близко къ населенію, нужды и желанія котораго предполагается привести въ извѣстность; она располагаетъ массой фактовъ, которымъ трудно проникнуть въ столичныя изданія. Отложить освобожденіе провинціальной печати на нѣсколько лѣтъ,—значило бы лишить себя, въ самую горячую минуту, полезнаго и едва ли замѣнимаго союзника... Въ редакціяхъ провинціальныхъ газетъ хранится, безъ сомнѣнія, и теперь множество матеріаловъ для характеристики полицейской дѣятельности—но матеріалы эти не могутъ увидѣть свѣтъ, пока начальникъ полиціи есть вмѣстѣ съ тѣмъ начальникъ мѣстной прессы. Что освобожденіе провинціальныхъ газетъ отъ цензуры тотчасъ же вызвало бы къ жизни массу новыхъ изданій—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться, въ виду того, что даже при настоящемъ порядкѣ число провинціальныхъ газетъ увеличивается довольно быстро. Само собою разумѣется, что необходимымъ дополненіемъ къ свободѣ провинціальной печати была бы личная свобода ея редакторовъ и сотрудниковъ отъ произвола мѣстной администраціи. Пока полемика газеты съ губернскимъ управленіемъ можетъ окончиться высылкой редактора изъ мѣста жительства—какъ это недавно случилось съ г. Николадзе, редакторомъ тифлисскаго „Обзора",—до тѣхъ поръ трудно ожидать той прямоты указаній, безъ которой немыслима полезная дѣятельность провинціальной прессы... Центральной административной власти освобожденная провинціальная пресса навѣрное не причинитъ большихъ хлопотъ; страшной, съ непривычки, она можетъ показаться только мѣстному управленію, которому и не слѣдовало бы, поэтому, предоставлять ни дискреціонныхъ правъ по отношенію къ печати, ни даже неограниченной иниціативы въ возбужденіи противъ нея судебныхъ преслѣдованій".

Въ послѣднихъ числахъ октября 1880-го года въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" появилось оффиціальное сообщеніе

объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, предварительнаго совѣщанія для обсужденія основныхъ началъ, которыми слѣдуетъ руководствоваться при предстоящемъ пересмотрѣ дѣйствующихъ законоположеній и временныхъ правилъ о печати. Вслѣдъ затѣмъ, 5-го ноября, состоялось первое засѣданіе коммиссіи, на которую былъ возложенъ этотъ пересмотръ. Предсѣдателемъ коммиссіи былъ графъ П. А. Валуевъ, членами—всѣ вліятельнѣйшіе государственные люди той эпохи: кн. С. Н. Урусовъ, гр. М. Т. Лорисъ-Меликовъ, А. А. Абаза (министръ финансовъ), А. А. Сабуровъ (управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія), М. С. Кахановъ (товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ), К. П. Побѣдоносцевъ (незадолго передъ тѣмъ назначенный оберъ-прокуроромъ св. синода), Э. В. Фришъ (товарищъ министра юстиціи), Л. С. Маковъ и Н. С. Абаза. Въ засѣданіе коммиссіи были приглашены и давали объясненія редакторы десяти петербургскихъ и московскихъ газетъ и журналовъ. Представители печати высказались единодушно въ пользу подчиненія ея исключительно закону и суду: *закону* всероссійскому, т. е. обнимающему собою одинаково и столичную, и провинціальную печать, *суду* независимому и публичному. Затѣмъ они выразили желаніе, чтобы проектъ закона, когда онъ будетъ составленъ, былъ сообщенъ на предварительное обсужденіе печати. Дальнѣйшій ходъ дѣла намъ неизвѣстенъ; болѣе чѣмъ вѣроятно, что онъ былъ прерванъ катастрофой 1 марта 1881-го года.

Въ области печати вліяніе трагическаго событія, положившаго конецъ только что начинавшемуся преобразовательному движенію, отразилось очень скоро, еще до удаленія со сцены (въ началѣ мая) гр. Лориса-Меликова и его ближайшихъ друзей, А. А. Абазы и гр. Д. А. Милютина. Опять посыпались предостереженія (въ первые мѣсяцы 1881-го года ихъ было дано не менѣе пяти), пріостановки за нарушеніе запрета говорить о томъ или другомъ вопросѣ, запрещенія розничной продажи. „Значительная часть періодической печати"—писали мы въ

майскомъ внутреннемъ обозрѣніи,—„опять чувствуетъ себя заподозрѣнною; опять приходится страшивать себя на каждомъ шагу, можно ли высказать такую-то мысль, коснуться такого-то предмета. Своевременно ли, однако, говорить о положеніи печати и жаловаться на ея судьбу, когда кругомъ столько другихъ, болѣе важныхъ поводовъ къ заботѣ и печали? Мы думаемъ, что да, и думаемъ такимъ образомъ по двумъ причинамъ. Отношеніе правительства къ печати всегда бываетъ у насъ вѣрнымъ выраженіемъ господствующей въ данный моментъ—или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе близкой къ господству—правительственной системы. Неудивительно, поэтому, что въ судьбахъ печати русское общество привыкло видѣть нѣчто неразрывно связанное съ собственною его судьбою. Прислушиваясь къ голосу печати, правительство прислушивается къ голосу русскаго общества—и вотъ вторая, еще болѣе важная причина, почему вопросъ о свободѣ печати всегда былъ и остается до сихъ поръ насущнымъ вопросомъ нашей внутренней жизни. Намъ говорятъ, что печать—не представительница общества, еще меньше—представительница народа. Совершенно справедливо; но что же дѣлать, если мысли, бродящія въ народѣ и получающія болѣе опредѣленную форму въ обществѣ, могутъ быть, помимо исключительныхъ обстоятельствъ, высказываемы одною только печатью? Что же дѣлать, если нѣтъ другихъ путей для ихъ заявленія, другихъ средствъ для ихъ повѣрки? Откроются такіе пути, появятся такія средства— и роль печати измѣнится, умалится сама собою. Та часть печати, къ которой мы принадлежимъ, не желаетъ ничего лучшаго; она восторженно привѣтствовала бы тотъ моментъ, который освободилъ бы печать отъ монополіи слова среди всеобщаго безмолвія". Особенно необходима въ такія минуты солидарность между всѣми органами печати—солидарность въ защитѣ ея достоинства и ея правъ, въ отстаиваніи хотя бы того минимальнаго простора, безъ котораго немыслима правильная полемика. Значительная часть нашей періодической прессы, въ критическую минуту, настав-

шую послѣ 1-го марта, представляла собою совершенно противоположное зрѣлище. Къ прежнимъ тенденціознымъ изобличителямъ „надпольной“ прессы присоединилась Аксаковская „Русь“; заподозрѣнными оказались всѣ тѣ, чьимъ девизомъ не были слова: „назадъ! домой!“ „Когда въ „Странѣ“—говорили мы въ въ томъ же майскомъ обозрѣніи—„было высказано совершенно естественное желаніе полной свободы, хотя бы временной, для всѣхъ воззрѣній, не враждебныхъ государству, желаніе это было встрѣчено насмѣшкой со стороны „Новаго Времени“, презрительнымъ поученіемъ со стороны „Руси“. Обѣ газеты оказались одинаково неспособными понять, что чрезвычайнымъ обстоятельствамъ соотвѣтствуютъ и чрезвычайныя мѣры, что циклъ послѣднихъ не исчерпывается уставомъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, что временная свобода печати, въ тяжелую минуту, столь же мало можетъ быть признана аномаліей,какъ и допускаемая иными законодательствами временная свобода сходокъ въ періодъ выборовъ, что примѣръ временной—конечно, относительной—свободы воззрѣній, не враждебныхъ государству, мы видѣли у себя не дальше какъ въ 1880-мъ году, что она можетъ наступить и безъ прямого опредѣленія закона. Незавидна роль, которую будутъ играть подобныя страницы въ исторіи нашей печати!“

Когда закончилось переходное время и министромъ внутреннихъ дѣлъ (въ маѣ 1881-го года) сталъ гр. Н. П. Игнатьевъ, а начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати—кн. П. П. Вяземскій, положеніе печати сдѣлалось еще болѣе тяжелымъ [1]). Особенно характерными представляются, съ этой точки зрѣнія, предостереженія, данныя, въ августѣ 1881-го года, „Голосу“ (съ пріостановкой на

---

[1]) Въ теченіе всего 1881 года было дано десять предостереженій, розничная продажа запрещена шести изданіямъ, печатаніе объявленій—одному, пріостановлено послѣ третьяго предостереженія два изданія, безъ предостереженій—шесть (въ томъ числѣ три провинціальныхъ).

6 мѣсяцевъ), „Русскому Курьеру“ (съ пріостановкой на 4 мѣсяца) и „Новой Газетѣ“ (которая должна была, повидимому, замѣнить „Голосъ“ на время его пріостановки). Кара, постигшая „Голосъ“, была вызвана „неприличными отзывами о князѣ Болгарскомъ и неумѣстными сужденіями, оскорбительными для русскаго флота“. Предостереженіе, данное „Русскому Курьеру“, было мотивировано „сообщеніемъ въ корреспонденціяхъ о политическихъ ссыльныхъ такихъ подробностей, которыя явно обнаруживаютъ стремленіе дѣйствовать раздражительно на общественное мнѣніе, и преднамѣреннымъ объясненіемъ съ весьма невыгодной стороны распоряженій мѣстныхъ властей“. Предостереженіе, данное „Новой Газетѣ“, было основано на томъ обстоятельствѣ, что „сужденія редакціи о правахъ и обязанностяхъ печати находятся въ явномъ противорѣчіи съ дѣйствующими у насъ постановленіями о печати“. „Общая черта всѣхъ трехъ предостереженій“— говорили мы по этому поводу въ сентябрьскомъ внутр. обозрѣніи,—„заключается въ отсутствіи всякаго указанія на *вредное направленіе* пострадавшихъ газетъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимались эти слова при изданіи закона 6-го апрѣля. Вреднымъ направленіемъ, съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства, можетъ быть признаваема лишь такая совокупность убѣжденій и взглядовъ, въ основаніи которой лежитъ отрицаніе, не только теоретическое, но и практическое, существующаго порядка или нѣкоторыхъ важнѣйшихъ сторонъ его. Съ отрицаніемъ этого рода критика отдѣльныхъ учрежденій, осужденіе ихъ образа дѣйствій не имѣютъ, очевидно, ничего общаго. Можно держаться самыхъ умѣренныхъ, даже консервативныхъ мнѣній—и все-таки возставать противъ той или другой правительственной мѣры, противъ того или другого административнаго распоряженія; можно сочувствовать общей правительственной системѣ—и все-таки говорить о безпорядкахъ во флотѣ, о нераспорядительности полиціймейстера или губернатора, о дурномъ обращеніи той или другой мѣстной власти съ политическими

ссыльными, о недостаткахъ закона, опредѣляющаго положеніе печати. Допускать отзывы этого рода въ однихъ изданіяхъ и преслѣдовать ихъ въ другихъ—значило бы создать для нѣкоторыхъ газетъ привилегированное положеніе, несовмѣстное съ принципомъ равенства передъ закономъ. Остается, затѣмъ, *форма* сужденій; но для оцѣнки ея, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, существуетъ судъ, къ которому ничто не мѣшаетъ обращаться, какъ только способъ выраженій газеты выходитъ за предѣлы приличія. Сомнѣваться въ способности суда отличить приличную рѣчь отъ неприличной не могутъ даже тѣ, которые не признаютъ его компетентнымъ въ опредѣленіи *духа* газеты. Рѣзкость, неприличіе— исключительно вопросы формы, не имѣющіе прямого отношенія къ направленію періодическаго изданія, и слѣдовательно изъятые изъ круга дѣйствій административной расправы, понимаемой согласно съ первоначальными намѣреніями законодателя. Между тѣмъ, въ предостереженіи, данномъ „Русскому Курьеру", къ указанію опредѣленныхъ проступковъ газеты присоединена общая ссылка на *рѣзкіе* и *неприличные* отзывы ея о разныхъ сторонахъ нашего общественнаго быта и правительственнаго строя. Тяжкое взысканіе, постигшее газету, объясняется, такимъ образомъ, не столько тѣмъ, *что* она говорила, сколько тѣмъ, *какъ* она говорила, не столько содержаніемъ статей, сколько ихъ тономъ. Замѣтимъ еще, по поводу того же предостереженія, что, обвиняя газету въ сообщеніи фактовъ, раздражительно дѣйствующихъ на общественное мнѣніе, оно не касается вопроса о достовѣрности самыхъ фактовъ, но беретъ на себя разгадку внутреннихъ побужденій газеты, едва ли подлежащихъ точному опредѣленію. Если факты, сообщенные газетой, достовѣрны, то оглашеніе ихъ могло бы быть поставлено въ вину газетѣ только въ силу закона 1873 г., налагающаго на печать, въ извѣстныхъ случаяхъ, молчаніе объ извѣстныхъ предметахъ; если факты вымышлены или искажены, то основаніемъ для взысканія могло бы служить именно несоотвѣтствіе ихъ съ дѣйстви-

тельностью, а не „стремленіе“, руководившее газетой. Еще труднѣе установить „преднамѣренность“ объясненія, даннаго газетой дѣйствіямъ мѣстныхъ властей. Обсужденіе, а слѣдовательно и объясненіе административныхъ распоряженій— право, несомнѣнно принадлежащее печати; непогрѣшимостью печать не обладаетъ, безусловно избѣжать ошибокъ въ своихъ объясненіяхъ она не можетъ; отличить ошибку отъ преднамѣренной неправды крайне трудно. Все это имѣлось въ виду закономъ, допустившимъ обсужденіе правительственныхъ распоряженій, лишь бы только оно не заключало въ себѣ возбужденія къ неповиновенію законамъ, оспариванія обязательной ихъ силы и оскорбительныхъ для установленныхъ властей выраженій. Ни одного изъ этихъ условій статьи „Русскаго Курьера“, судя по тексту предостереженія, не нарушаютъ.

„Наравнѣ съ правительственными распоряженіями подлежатъ обсужденію печати и дѣйствующіе законы. Обсужденіе закона немыслимо безъ обсужденія установляемыхъ имъ правъ и обязанностей, безъ указанія на недостаточность первыхъ, на обременительность или несправедливость послѣднихъ. Всякое указаніе этого рода можетъ быть разсматриваемо какъ „явное противорѣчіе съ дѣйствующими постановленіями“; но мы не помнимъ случая, въ которомъ подобное противорѣчіе считалось бы проступкомъ со стороны печати. Возможность его обусловливается самымъ назначеніемъ печати; требовать отъ нея, чтобы она признавала только права и обязанности, установленныя дѣйствующимъ закономъ, и только въ той мѣрѣ, въ какой они имъ установлены, значило бы видѣть въ ней совокупность оффиціальныхъ или оффиціозныхъ органовъ, значило бы уничтожить критику, т.-е. главную, жизненную задачу печатнаго слова. Если „противорѣчіе съ дѣйствующими постановленіями“, усмотрѣнное въ статьяхъ „Новой Газеты“, заключалось въ выводѣ изъ закона такихъ правъ и обязанностей, которыя на самомъ дѣлѣ изъ него не вытекаютъ, то ошибка въ толкованіи закона столь же ненака-

зуема сама по себѣ, какъ и ошибка въ объясненіи административнаго распоряженія; орудіе противъ ошибки—поправка, а не взысканіе.

„По смыслу разбираемыхъ нами предостереженій, печать не должна осуждать дѣйствія мѣстныхъ властей, не должна сообщать фактовъ, могущихъ произвести раздражающее впечатлѣніе, не должна допускать сужденій, могущихъ оскорбить то или другое учрежденіе, не должна говорить о правахъ и обязанностяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя прямо и безспорно вытекаютъ изъ буквы закона. Много ли, затѣмъ, остается предметовъ, которыхъ она можетъ касаться безъ опасенія взысканій, быстро достигающихъ своего высшаго предѣла? Печать, при такихъ условіяхъ, можетъ быть названа терпимой, но уже конечно не свободной, какъ бы ни былъ скроменъ смыслъ, соединяемый съ этимъ послѣднимъ словомъ. Въ любомъ листѣ газеты, сколько-нибудь независимой, легко найти цѣлый рядъ „проступковъ", ничѣмъ не отличающихся отъ тѣхъ, за которые пострадали „Голосъ", „Русскій Курьеръ", „Новая Газета". Отказаться отъ совершенія этихъ проступковъ,—значило бы для всѣхъ газетъ, не принадлежащихъ къ сонму „Московскихъ Вѣдомостей", снизойти на степень лѣтописи текущихъ событій, тщательно очищенной отъ всякихъ неутѣшительныхъ фактовъ и темныхъ красокъ. Еще нѣсколько шаговъ по избранному въ послѣднее время пути— и значительная часть нашей прессы получитъ именно такой характеръ. Значительною, впрочемъ, ее едва ли можно будетъ тогда назвать, потому что результатъ, вѣроятность котораго растетъ все больше и больше, можетъ быть достигнутъ только путемъ удаленія со сцены еще нѣсколькихъ изданій. При подпискѣ на газеты читатели имѣютъ еще, пока, нѣкоторую свободу выбора; при покупкѣ газетъ отдѣльными нумерами эта свобода уже теперь доведена почти до минимума, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. У себя въ кабинетѣ я еще могу читать симпатичную мнѣ газету, но на улицѣ, на желѣзной дорогѣ, на пароходѣ, это уже не всегда возможно. Газетной монополіи

еще нѣтъ, но газетныя привилегіи процвѣтаютъ какъ нельзя больше. Характерно и то, что запрещеніе розничной продажи, вопреки прежней практикѣ по дѣламъ печати, соединяется иногда съ другими мѣрами взысканія; „Новую Газету“, напримѣръ, оно постигло вмѣстѣ съ первымъ предостереженіемъ.

„Ограниченіе свободы печати всегда влечетъ за собою усиленіе тѣхъ немногихъ органовъ ея, которые плывутъ по теченію, которыхъ не задѣваетъ и не тревожитъ участь менѣе счастливыхъ собратій. Чѣмъ меньше слышится голосовъ съ одной стороны, чѣмъ тише говорятъ тѣ немногіе, которые еще не обречены на совершенное молчаніе, тѣмъ громче и безцеремоннѣе рѣчь, раздающаяся съ другой стороны. Не встрѣчая достаточнаго отпора, она пріобрѣтаетъ значеніе, котораго никогда не могла бы имѣть при другихъ, болѣе нормальныхъ условіяхъ. „Сѣверная Пчела“ въ началѣ пятидесятыхъ, „Московскія Вѣдомости“ въ серединѣ шестидесятыхъ и концѣ семидесятыхъ годовъ—вотъ главные образцы, по которымъ можно судить о характерѣ и послѣдствіяхъ „нарушеннаго равновѣсія“ въ области печати. Искусственно созданный перевѣсъ двухъ-трехъ газетъ создаетъ, въ свою очередь, искусственное общественное мнѣніе, служащее искусственной поддержкой господствующихъ стремленій. Устраивается нѣчто въ родѣ зеркала, въ которомъ одни явленія, одни предметы отражаются въ преувеличенномъ, другіе—въ искаженномъ видѣ; печаль превращается въ угрозу, безпокойство за будущее—въ отрицаніе настоящаго, желаніе лучшаго—въ посягательство на существующія учрежденія. Заподозрѣваніе намѣреній становится обычнымъ средствомъ борьбы; въ споръ съ противникомъ входитъ, какъ необходимый элементъ, обвиненіе его въ чемъ-либо противузаконномъ. Мы приведемъ только одинъ примѣръ такой полемики, тѣмъ болѣе знаменательный, что газета, изъ которой мы его заимствуемъ, считаетъ себя защитницей свободы печати и оскорбляется причисленіемъ ея къ противоположному лагерю: „пока

можетъ оставаться хотя тѣнь сомнѣнія относительно этого пункта (т.-е. относительно польскихъ притязаній на Кіевъ), всякая рѣчь о мирѣ (съ поляками) со стороны русскаго является—въ наиблагопріятнѣйшемъ истолкованіи—тупоуміемъ, а не то такъ *преступленіемъ и измѣной*“ („Русь“, № 39). Во что обратится свобода печати при господствѣ подобныхъ полемическихъ пріемовъ или, лучше сказать, при господствѣ газетъ, въ которыхъ они процвѣтаютъ—это не требуетъ разъясненій. Можно ли свободно говорить о польскомъ вопросѣ, если на первыхъ же шагахъ васъ встрѣчаютъ аргументами, не заключающими въ себѣ ровно ничего литературнаго, встрѣчаютъ ими въ такое время, когда со страницъ газеты обвиненіе слишкомъ легко можетъ перейти въ текстъ предостереженія?... Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что настоящее положеніе нашей печати создано, между прочимъ, тѣми параллелями между прессой подпольной и надпольной, между революціонной агитаціей и либерализмомъ, которыми наполнялись столбцы извѣстныхъ газетъ, начиная съ февраля 1880-го года. Вредъ, принесенный и приносимый этими параллелями, не исчерпывается вынужденнымъ молчаніемъ однихъ, недомолвками другихъ органовъ прогрессивной печати: гораздо важнѣе то, что борьба съ настоящимъ зломъ опять усложнена борьбою противъ зла воображаемаго. Сближеніе элементовъ, предназначенныхъ къ дружной, совокупной дѣятельности, опять пріостановилось; движеніе впередъ опять замедлено и затруднено устраненіемъ тѣхъ силъ, которыя могли во многомъ способствовать его успѣху“.

Возвращаясь къ той же мысли въ январьскомъ внутреннемъ обозрѣніи, при общемъ обзорѣ событій 1881-го года, мы говорили: „законная свобода печати, еще недавно казавшаяся столь близкой, отодвинута въ туманную даль; исчезла и фактическая свобода, которою въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пользовалась печать. Припомнимъ оживленіе, господствовавшее въ ней годъ тому назадъ, появленіе новыхъ газетъ и журналовъ, замѣчательный подъемъ провинціальной пе-

ріодической прессы—и перечислимъ, затѣмъ, мысленно удары, понесенные печатью въ 1881 г., пробѣлы, остающіеся въ ней до сихъ поръ, безсрочныя запрещенія розничной продажи, равносильныя монополіи немногихъ привилегированныхъ изданій. Недовѣріе къ печатному слову, это—недовѣріе къ обществу, котораго здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, нельзя отдѣлять отъ народа. Русскій народъ до сихъ поръ не привыкъ—да и не могъ привыкнуть—говорить самъ отъ своего имени; въ земскихъ собраніяхъ голосъ его раздается едва слышно, еще чаще онъ до нихъ вовсе не доходитъ, заглушаемый или искажаемый никуда не годными избирательными порядками, полновластіемъ мѣстной администраціи, союзомъ ея съ крестьянскимъ міроѣдствомъ. Своихъ собственныхъ органовъ народъ не имѣетъ; за него некому говорить, кромѣ печати—и не было за послѣднія двадцать пять лѣтъ такого момента, въ который она не исполняла бы этой обязанности, насколько правдивая рѣчь была для нея возможна". Три мѣсяца спустя (въ апрѣльскомъ обозрѣніи), стараясь установить главныя desiderata либерализма, мы еще разъ подчеркнули противорѣчіе, въ которое по прежнему впадала „Русь": признавая, въ принципѣ, необходимость свободы печати и съ гордостью вспоминая о борьбѣ, которую когда-то вели за нее лучшіе представители славянофильства, газета И. С. Аксакова въ то же время обвиняла враждебныя ей изданія въ стремленіяхъ, равносильныхъ преступленію и измѣнѣ. Мы указывали на то, что логическимъ выводомъ изъ такихъ обвиненій является скорѣе усиленіе, чѣмъ ослабленіе цензурныхъ стѣсненій. „Если бы кто-нибудь посовѣтовалъ развязать руки узнику и вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ бы увѣренность, что тотъ только и думаетъ о нанесеніи кому-либо смертельнаго удара,—то подобный совѣтъ едва-ли былъ бы исполненъ, едва-ли былъ бы признанъ искреннимъ и серьезнымъ. Настоящими друзьями свободы могутъ считаться только тѣ, которые вѣрятъ въ ея внутреннюю силу, вѣрятъ въ исцѣленіе ею самою ранъ, ею же наносимыхъ. Свобода печати,

какъ и всякая другая, имѣетъ свои неудобства, допускаетъ злоупотребленія; чтобы отнестись къ ней съ довѣріемъ и безъ страха, необходимо убѣжденіе въ томъ, что хорошими ея сторонами не только уравновѣшиваются, но далеко перевѣшиваются дурныя. Уваженіе къ чужимъ мнѣніямъ, признаніе за ними права на существованіе, умѣнье различать теоретическое отрицаніе отъ реальной борьбы, разногласіе—отъ вражды или измѣны, оспариваніе—отъ оплеванія: вотъ условія, безъ которыхъ нельзя не только защищать, но и понимать свободу печати". Оригинальное возраженіе эти слова встрѣтили со стороны „Московскихъ Вѣдомостей", не постѣснившихся провозгласить, что русская печать вполнѣ свободна, даже слишкомъ свободна: „диктатура сердца положила начало ея *распущенности*, а съ тѣхъ поръ контроль надъ нею еще болѣе ослабленъ [1]). Домогаться, въ настоящее время, еще большей свободы печати, значитъ требовать, чтобы *правительство запряглось въ колесницу печати и повезло на себѣ г. Стасюлевича со всею веселой компаніей*" (!). „Нужно много поработать надъ своей фантазіей"—замѣтили мы по этому поводу въ іюньскомъ внутреннемъ обозрѣніи,— „чтобы довести ее до подобныхъ галлюцинацій. До редакціи газеты, во всемъ и вездѣ видящей только свободу и ужасы свободы, не доходятъ, вѣроятно, сообщенія, налагающія запретъ на ту или другую тэму, не доходятъ вѣсти о причинахъ, задерживающихъ выходъ той или другой журнальной книжки и непонятнымъ образомъ путающихъ въ ней нумерацію страницъ, не доходятъ даже печатаемыя во всеобщее свѣдѣніе распоряженія по дѣламъ печати. Она, вѣроятно, воображаетъ, что въ Петербургѣ издается все то же число газетъ, что въ московской журналистикѣ нѣтъ въ настоящее время ни одного пробѣла, что „Голосъ" не выходилъ около

---

[1]) Въ первые пять мѣсяцевъ 1882 года-го было дано шесть предостереженій, нѣсколько разъ запрещена розничная продажа, пріостановленъ на 4 мѣсяца „Московскій Телеграфъ" и на 1½ мѣсяца „Порядокъ".

полугода по болѣзни редактора или по недостатку подписчиковъ. Или, можетъ быть, она предполагаетъ, что нѣтъ средины между зависимостью и безграничнымъ произволомъ, что освобожденная печать, какъ вольноотпущенный рабъ, потеряетъ всякое чувство приличія и мѣры? Повиноваться или повелѣвать—этими крайними терминами исчерпывается, можетъ быть, жизнь отдѣльнаго лица, эманципировавшаго себя отъ всякихъ нравственныхъ правилъ, поклоняющагося только одной грубой силѣ; но ими не исчерпывается и не можетъ исчерпываться дѣятельность печати. Въ Англіи, во Франціи печать никого не везетъ на себѣ, но ни на комъ и не ѣздитъ. *Господство* печати надъ кѣмъ и надъ чѣмъ бы то ни было немыслимо уже потому, что сила печати — не однородная, а составная, сложная, постоянно находящаяся въ состояніи внутренняго броженія. Ея элементы слишкомъ упорно борются между собою, чтобы подчинить себѣ общество или, тѣмъ болѣе, правительство; равнодѣйствующей для столь противуположныхъ силъ не пріищетъ ни одинъ математикъ. Печать, запрягающая правительство въ свою колесницу—метафора фальшивая сама по себѣ, но въ примѣненіи къ Россіи фальшивая просто до смѣшного. И какой же печати приписывается замыселъ, невозможный даже для „Times“ и „Daily News“, для гамбеттистскихъ газетъ и журналовъ? Печати, требующей, по образцу Эм. Жирардена, безусловной, ничѣмъ не регулированной свободы, полной безотвѣтственности для слова? Нѣтъ: печати, желающей промѣнять отвѣтственность передъ администраціей на отвѣтственность передъ судомъ и закономъ,—*русской* печати, имѣющей крайне ограниченное число читателей, вовсе не проникающей въ глубину общества, въ массу народа. Насъ попрекаютъ терпимостью, которою мы будто бы пользовались при „диктатурѣ сердца“ и пользуемся до сихъ поръ; но въ томъ-то и дѣло, что терпимость—не право, что предѣлы ея измѣняются чуть не съ каждымъ часомъ, что при ней невозможна увѣренность въ будущемъ, даже въ завтрашнемъ днѣ, что она не для

всѣхъ одинакова, что она столь же мало можетъ замѣнить законъ, какъ милостыня—кусокъ трудового хлѣба. Намъ указываютъ на проявленіе въ печати анти-общественныхъ стремленій. Допустимъ, что въ этомъ указаніи есть хоть какая-нибудь доля правды; что же изъ этого слѣдуетъ? Къ какой эпохѣ нашей литературной исторіи за послѣднія тридцать, даже сорокъ лѣтъ, не были обращаемы подобныя обвиненія? Отыскивая корни зла, не останавливаются ли наши противники преимущественно на концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда господствовала во всей силѣ предварительная цензура? Если самая рѣзкая форма гнета не могла достигнуть своей цѣли, то не пора ли отказаться отъ надежды на рестриктивныя мѣры, какъ на единственный якорь спасенія? Не пора ли понять, что обезпеченная закономъ свобода слова вовсе не равносильна преобладанію крайнихъ мнѣній? *Правда*,—говорятъ наши противники,—есть цѣль свободы слова. Конечно; но правда не дана намъ извнѣ, какъ нѣчто готовое, ея нельзя декретировать: ее нужно искать, отдѣлять отъ лжи, постоянно пополнять новыми пріобрѣтеніями".

Предпринимались ли, въ кратковременное министерство гр. Игнатьева, какія-нибудь работы въ области законовъ о печати—мы не знаемъ; но однимъ изъ первыхъ дѣлъ его преемника, гр. Д. А. Толстого (назначеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ въ концѣ мая 1882-го года) было внесеніе въ Комитетъ Министровъ проекта *временныхъ* правилъ о печати, создававшихъ для нея новыя, чрезвычайно тяжелыя стѣсненія. Общимъ мотивомъ къ принятію этой мѣры были выставлены „исключительныя обстоятельства того времени". Гр. Д. А. Толстой находилъ, что объявленіе изданію перваго и второго предостереженій не составляетъ само по себѣ мѣры карательнаго свойства, такъ какъ оно не пріостанавливаетъ изданія; воспрещеніе розничной продажи газетъ имѣетъ нерѣдко своимъ послѣдствіемъ, увеличеніе числа подписчиковъ на изданія, подвергшіяся подобному взысканію, а наиболѣе строгая мѣра—объявле-

ніе третьяго предостереженія, съ временнымъ пріостановленіемъ изданія,—нисколько не обезпечиваетъ правительство въ томъ, что возобновившееся, послѣ пріостановки, изданіе существенно измѣнитъ то вредное направленіе, за появленіе котораго оно подверглось карѣ [1]). На этотъ разъ, повидимому, въ Комитетѣ министровъ вовсе не возникало вопроса о томъ, не слѣдовало-ли бы направить столь важное дѣло въ Государственный Совѣтъ. Представленіе графа Толстого было уважено Высочайше утвержденнымъ 27-го августа 1882-го года положеніемъ Комитета Министровъ установлены „впредь до измѣненія, въ законодательномъ порядкѣ, дѣйствующихъ узаконеній о печати“, слѣдующія временныя правила, и теперь, по прошествіи двадцати слишкомъ лѣтъ, сохраняющія свою силу (уст. о ценз. и печ. ст. 136 и прим. къ ст. 144 и 148): 1) редакціи выходящихъ въ свѣтъ не менѣе одного раза въ недѣлю повременныхъ изданій, вызвавшихъ третье предостереженіе, обязываются, по истеченіи срока пріостановки и по возобновленіи, представлять номера ихъ для просмотра въ цензурные комитеты не позже 11 час. вечера наканунѣ дня выпуска въ свѣтъ, при чемъ цензорамъ предоставляется право, въ случаяхъ усматриваемаго ими значительнаго вреда отъ распространенія такого повременнаго изданія, пріостанавливать выходъ его въ свѣтъ, не возбуждая судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ. Порядокъ представленія такихъ изданій въ цензуру для просмотра, а также срочность или безсрочность этого обязательства, установляются по ближайшему усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ. 2) Редакціи повременныхъ изданій, выходящихъ безъ предварительной цензуры, обязываются, по требованію министерства внутреннихъ дѣлъ, сообщать званія, имена и фамиліи авторовъ помѣщенныхъ статей. 3) Вопросы о совершенномъ прекращеніи повременныхъ изданій (не исключая и арендуемыхъ у правительствен-

---

[1]) См. „Историческій Обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ“, т. IV, стр. 444—5.

ныхъ и ученыхъ учрежденій), выходящихъ какъ подъ предварительною цензурою, такъ и безъ нея, или о пріостановкѣ ихъ безъ опредѣленія срока, съ воспрещеніемъ редакторамъ и издателямъ быть впослѣдствіи редакторами или издателями какихъ-либо другихъ періодическихъ изданій, предоставляются совокупному обсужденію и разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора св. синода, при участіи, сверхъ того, и тѣхъ министровъ или главноуправляющихъ отдѣльными частями, которыми возбуждаются подобные вопросы.

Разбору временныхъ правилъ 27-го августа 1882-го года было посвящено, въ томъ же году, наше октябрьское внутреннее обозрѣніе. „Два года тому назадъ"—говорили мы тамъ—„пересмотръ узаконеній о печати уже стоялъ на очереди, но тогда имѣлось въ виду совсѣмъ другое: увеличить свободу слова, устранить хотя нѣкоторыя изъ преградъ, нагроможденныхъ на ея пути со времени изданія закона 1865-го года. Тогда оказалось нужнымъ дѣйствовать осмотрительно, учредить особую коммиссію, которая, какъ и всѣ наши коммиссіи, усвоила себѣ девизъ: festina lente. Вскорѣ обстоятельства и люди перемѣнились—и вмѣстѣ съ коммиссіей исчезла и самая мысль, вызвавшая ее къ жизни. Положеніе печати не измѣнилось, не измѣнился и ея характеръ; данныя остались тѣ же, что и два года тому назадъ, но теперь изъ нихъ было выведено другое заключеніе. Законъ рѣшено было измѣнить, только не въ смыслѣ облегченія и льготы, а въ смыслѣ новыхъ ограниченій печатнаго слова. Для дѣла столь несложнаго, какъ ограниченіе, не понадобилось уже ни коммиссій, ни экспертовъ, ни продолжительныхъ совѣщаній; обычный, нормальный путь былъ признанъ слишкомъ длиннымъ, и желанный законъ состоялся внѣ законодательнаго порядка. Новыя правила о печати названы временными; намъ кажется, что это наименованіе подходитъ къ нимъ ничуть не больше, чѣмъ ко всякому другому закону. Временнымъ, въ настоящемъ значеніи этого слова, правило можетъ считаться только тогда, когда оно установ-

лено на опредѣленный срокъ или впредь до изданія проектированнаго, приготовляемаго уже закона. Такого закона по дѣламъ печати въ ближайшемъ будущемъ ожидать нельзя, по той простой причинѣ, что въ направленіи, одинаковомъ съ духомъ „временныхъ“ правилъ, идти больше некуда, оно доведено уже и теперь до крайнихъ предѣловъ,—а движеніе въ другую сторону немыслимо именно въ виду этихъ правилъ. Необходимо взглянуть прямо въ глаза дѣйствительности и сказать самому себѣ, что новыя правила о печати имѣютъ временный характеръ лишь настолько, насколько и положеніе дѣлъ, ихъ создавшее.

„Судя по скорости, съ которою созрѣли вновь изданныя правила, судя по способу, выбранному для приведенія ихъ въ дѣйствіе, можно было бы предположить, что всякая потерянная минута угрожала невознаградимымъ вредомъ для государства, что въ основаніи поспѣшности лежало явное periculum in mora—опасность отъ промедленія. Такая опасность была бы возможна при наличности двухъ условій: вопіющихъ злоупотребленій печатнымъ словомъ и безсилія власти положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ. Ни того, ни другого условія нельзя отыскать въ нашемъ настоящемъ и ближайшемъ прошедшемъ даже съ помощью самыхъ сильныхъ увеличительныхъ стеколъ. Чтобы убѣдиться въ томъ, какъ сдержанно періодическая печать пользовалась послѣдними днями своей такъ называемой свободы, стоитъ только припомнить ничтожное число взысканій, постигшихъ ее послѣ 30-го мая нынѣшняго года, т.-е. уже послѣ перемѣны въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Запрещеніе розничной продажи „Голоса“, продолжавшееся не болѣе мѣсяца, пріостановленіе „Минуты“, отмѣненное до истеченія срока, предостереженіе „Биржевымъ Вѣдомостямъ“—вотъ, кажется, полный списокъ этихъ взысканій. Нельзя же допустить, чтобы министерство, задумавшее возстановить цензуру и облегчить прекращеніе періодическихъ изданій, относилось снисходительно къ печатному слову; если оно не

было болѣе щедро на карательныя мѣры, то это значитъ, что къ такимъ мѣрамъ не было ни повода, ни даже предлога. Съ другой стороны, власть администраціи надъ печатью не нуждалась въ новыхъ правилахъ, чтобы быть почти безграничной; лучшимъ доказательствомъ этому служитъ запрещеніе статьи гр. Л. Н. Толстого, съ которою пробовала-было познакомить читателей „Русская Мысль". Тамъ, гдѣ такъ легко зачеркнуть произведеніе одного изъ величайшихъ національныхъ писателей—произведеніе, чуждое противугосударственныхъ или противуобщественныхъ тенденцій—тамъ, очевидно, не существуетъ никакихъ стѣсненій для административнаго произвола, никакихъ гарантій для свободы печати. Чѣмъ же объяснить длинный рядъ мѣръ, наполняющихъ исторію нашей печати за послѣднія семнадцать лѣтъ и обостренныхъ еще разъ временными правилами 1882-го года? Разрѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ искать въ констатированномъ нами уже много разъ соотношеніи между судьбами печати и общимъ направленіемъ внутренней политики. Степень исключительно административнаго давленія, тяготѣющаго надъ печатью—это настоящій политическій барометръ, весьма чувствительный къ атмосферическимъ перемѣнамъ. Если перемѣна не слишкомъ радикальна, она влечетъ за собою лишь бо̀льшую или меньшую строгость въ *примѣненіи* законовъ о печати; болѣе рѣзкія уклоненія отзываются и на самомъ содержаніи этихъ законовъ. Русская печать—почти единственный о̀рганъ русскаго общественнаго мнѣнія; рѣшимость идти наперекоръ послѣднему всегда бываетъ равносильна рѣшимости наложить молчаніе на независимую печать или, по крайней мѣрѣ, вооружить себя такъ, чтобы водвореніе молчанія могло быть дѣломъ одного дня. Въ извѣстныя минуты, при извѣстныхъ условіяхъ, власть, какъ бы она ни была велика, обыкновенно кажется еще недостаточною; за невозможностью расширить ея границы, безъ того уже расширенныя до nec plus ultra, принимаются мѣры къ болѣе удобному и быстрому исполненію ея желаній.

Интересно сравнить, съ этой точки зрѣнія, законы 1865 и 1872 гг. съ новыми правилами. Законъ 1865 г. ставилъ прекращеніе періодическаго изданія въ зависимость отъ опредѣленія перваго департамента сената. Если принять въ соображеніе способъ образованія сената, характеръ сенатской процедуры, права оберъ-прокурора и генералъ-прокурора, составъ общаго собранія, куда переносится дѣло въ случаѣ разногласія между сенаторами, и, наконецъ, возможность довести всякое дѣло до Государственнаго Совѣта, то трудно вообразить себѣ другой порядокъ, болѣе обезпечивающій правительство противъ нарушенія правилъ о печати. И что же? Достаточно было одного случая, чтобы дискредитировать сенатъ въ глазахъ администраціи. Дѣло о прекращеніи „Москвы", возбужденное въ 1869 г. тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, окончилось согласно его требованію—но окончанію дѣла предшествовала защита со стороны обвиняемаго, предшествовали разныя мнѣнія со стороны судей. Орудіе оказалось дѣйствительнымъ, но неудобнымъ; ergo—его нужно перемѣнить, не ожидая даже второго опыта. Для прекращенія газетъ практика избираетъ съ того времени новый путь, не предусмотрѣнный закономъ—испрошеніе министромъ особаго на то Высочайшаго повелѣнія; что касается до книгъ и журналовъ, арестованныхъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, то участь ихъ отдается, закономъ 1872 г., въ руки Комитета министровъ. Къ Комитету министровъ примѣняется съ еще бо́льшей силой сказанное нами о первомъ департаментѣ сената. И тѣмъ не менѣе, самый Комитетъ министровъ оказывается теперь недостаточнымъ: временныя правила 1882 г. создаютъ новое учрежденіе — коммиссію изъ четырехъ министровъ, — и этой коммиссіи, а не Комитету, ввѣряютъ прекращеніе и пріостановленіе на неопредѣленный срокъ періодическихъ изданій.

„О той сторонѣ новыхъ правилъ, которою какъ бы возстановляется цензура, мы говорить не станемъ; что можно сказать по этому вопросу, кромѣ аксіомъ, давно переставшихъ

быть предметомъ спора? Административная практика не хочетъ знать эти аксіомы и имѣетъ возможность ихъ игнорировать; сколько бы разъ и съ какою бы силой онѣ ни повторялись, положеніе дѣлъ отъ этого не перемѣнится.

„Обязанность редакторовъ сообщать, по требованію министра внутреннихъ дѣлъ, званія, имена и фамиліи авторовъ существовала на бумагѣ и до настоящаго времени; если найдено нужнымъ подтвердить ее еще разъ, то это заставляетъ ожидать преслѣдованій и каръ не только противъ періодическихъ изданій, но и противъ лицъ, участвующихъ въ нихъ. Къ тому же заключенію ведетъ и другое правило, въ силу котораго отъ четырехъ министровъ будетъ зависѣть воспрещеніе редакторамъ и издателямъ прекращенной газеты или журнала быть и впослѣдствіи времени редакторами или издателями какихъ-либо другихъ періодическихъ изданій. Подобное воспрещеніе разсматривалось до сихъ поръ какъ наказаніе, которое могло быть наложено лишь по суду и лишь на опредѣленный срокъ, не свыше пяти лѣтъ (уложеніе о наказаніяхъ ст. 1046, пун. 2); теперь это тяжкое наказаніе, сопряженное съ ограниченіемъ личныхъ правъ, переходитъ въ разрядъ простыхъ административныхъ взысканій.

„Результатъ новыхъ правилъ о печати будетъ зависѣть отъ продолжительности и интенсивности ихъ примѣненія. Судить о нихъ нужно будетъ, однако, не по одной только цифрѣ періодическихъ изданій, прекращенныхъ, пріостановленныхъ или подчиненныхъ цензурѣ. Осязательными, видимыми послѣдствіями дѣйствіе ограниченій и запрещеній исчерпывается далеко не вполнѣ. Они останавливаютъ мысль въ самомъ ея зародышѣ, искажаютъ, обрѣзываютъ или совершенно подавляютъ ея выраженіе, понижаютъ общій уровень печати, задерживаютъ развитіе искусства и науки, усиливаютъ вліяніе мнѣній, процвѣтающихъ во мракѣ, опирающихся на молчаніе. Положительный и отрицательный вредъ, этимъ приносимый, можетъ быть опредѣленъ, и то лишь приблизительно, только по окончаніи цѣлаго періода

когда провѣряются счеты, сводится балансъ и выясняются главныя потери. Между потерями нѣкоторыя всегда оказываются невознаградимыми; мысль, не высказанная во-время, часто погибаетъ всецѣло или сохраняетъ только остатокъ прежней силы. Припомнимъ, напримѣръ, что протестъ противъ оренбургскихъ хищенiй, раздавшись нѣсколькими годами раньше, предупредилъ бы расточенiе государственнаго достоянiя; задержанный и вслѣдствiе того запоздалый, онъ привелъ только къ наказанiю нѣкоторыхъ изъ числа хищниковъ. Чего стоило государству, въ семидесятыхъ годахъ, вынужденное молчанiе прессы о бѣдственномъ положенiи крестьянъ—на этотъ вопросъ дастъ отвѣтъ только отдаленное будущее.

„Русское общество часто является козломъ отпущенiя за такiе грѣхи, въ которыхъ оно вовсе неповинно. Къ величайшему нашему удивленiю, оно опять привлекается къ отвѣту — притомъ не со стороны присяжныхъ обвинителей его— и за новыя правила о печати. „Каково *настроенiе общества?*"— читаемъ мы въ одной изъ газетныхъ статей, вызванныхъ этими правилами.—„Еще задолго до того, какъ правительство пришло къ рѣшенiю издать новыя мѣры противъ печати, кто же травилъ *лжелибераловъ*, кто поднималъ крики объ измѣнѣ народности, кто обличалъ *интригу*, имѣющую цѣлью разрушенiе русскаго государства? Можно смѣло сказать, что нынѣшнiя дополненiя къ законамъ о печати подсказаны извѣстною частью самой же печати и влiянiемъ сочувствующихъ ей лицъ... Диво ли, что правительство принимаетъ репрессивныя мѣры, когда кругомъ не слышно ничего, кромѣ доносовъ и кровожадныхъ воплей? Удивительно ли, что оно принимаетъ мѣры самозащиты, когда кругомъ твердятъ объ измѣнѣ, вкравшейся во всѣ слои общества? Удивляться ли, что многiе существенные вопросы будутъ оставаться подъ спудомъ, когда сотни голосовъ вопiютъ, что отъ прикосновенiя къ нимъ рухнетъ государство?". Справедливо въ этихъ словахъ только то, что нѣкоторые—весьма немногiе—органы

печати и лица, имъ сочувствующія, домогались, косвенно или прямо, новыхъ мѣръ противъ свободы печатнаго слова; но развѣ можно говорить по этому поводу о *„настроеніи общества“*, развѣ можно утверждать, что изъ его среды не слышится ничего, кромѣ доносовъ и кровожадныхъ воплей? Неужели такъ трудно разобрать въ общемъ хорѣ совсѣмъ другіе ноты и мотивы? Неужели голосъ кружка или кружковъ такъ легко можетъ быть принятъ за голосъ общества? Крики враговъ печати раздаются уже давно; почему же на нихъ обращено вниманіе только въ настоящее время? Напрасно публицисты, которымъ мы возражаемъ, совѣтуютъ намъ отказаться отъ удивленія; мы либо не откажемся отъ него вовсе, либо откажемся по совершенно другимъ причинамъ. Признать искусственный шумъ, производимый кучкой реакціонеровъ, достаточнымъ объясненіемъ или оправданіемъ правительственной мѣры, мы никакъ не можемъ; какъ бы громко они ни увѣряли, что отечество въ опасности, что интрига торжествуетъ, что измѣна проникла всюду,— факты говорятъ еще громче ихъ, говорятъ языкомъ, понятнымъ для каждаго. Кто хочетъ видѣть, того не ослѣпитъ, въ солнечный день, небольшое облако нарочно поднятой пыли“.

Сравнительно неважнымъ, но характернымъ для тогдашней эпохи является другое положеніе Комитета министровъ, состоявшееся въ концѣ 1882-го года. Комитетъ призналъ нужнымъ „подтвердить состоящимъ на государственной службѣ лицамъ о точномъ соблюденіи существующихъ законовъ, воспрещающихъ сообщеніе, безъ надлежащаго разрѣшенія, въ повременныя изданія свѣдѣній изъ дѣлъ, имъ ввѣренныхъ или извѣстныхъ по служебному положенію“. Въ этихъ словахъ заключается, собственно говоря, только напоминаніе объ обязательномъ для каждаго служащаго храненіи служебной тайны; но диспозитивной части положенія предшествовали такія указанія, которыя расширяли или по крайней мѣрѣ могли расширить примѣненіе его на практикѣ. „Отъ подлежащаго начальства“—

такъ разсуждалъ Комитетъ,—„должно ближайшимъ образомъ зависѣть, въ каждомъ данномъ случаѣ, дозволить или не допустить участіе чиновника въ періодическомъ изданіи, по соображенію какъ предмета, такъ и характера избранныхъ чиновникомъ литературныхъ занятій, и поэтому начальство вправѣ не только требовать, чтобы служащіе правдиво заявляли о своемъ участіи въ повременныхъ изданіяхъ, но и воспрещать таковое, когда оно угрожаетъ нанести серьезный ущербъ интересамъ службы". „Для начальства" — замѣтили мы въ февральскомъ обозрѣніи 1883-го года—„изъ этихъ словъ вытекаютъ такія права, а для подчиненныхъ—такія обязанности, которыя не имѣютъ ничего общаго съ охраненіемъ канцелярской тайны. Изъ того, что чиновникъ не долженъ оглашать свѣдѣній, извѣстныхъ ему вслѣдствіе служебнаго его положенія, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы *вся* литературная дѣятельность его должна была находиться подъ контролемъ его начальства; изъ того, что начальство можетъ и обязано преслѣдовать состоявшееся уже нарушеніе служебнаго долга, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы оно должно было принимать предупредительныя мѣры противъ самой возможности нарушенія. Для достиженія цѣли, указанной въ диспозитивной части положенія, не нужно ни доведенія до свѣдѣнія начальства о предметѣ и характерѣ литературныхъ занятій чиновника, ни ограниченія свободы выбора этихъ занятій; нужно только возбужденіе дисциплинарнаго или судебнаго преслѣдованія противъ лицъ, совершившихъ нарушеніе канцелярской тайны. Размѣръ стѣсненій, установляемыхъ новой правительственной мѣрой, оказывается, такимъ образомъ, гораздо бóльшимъ, чѣмъ можно было бы предположить съ перваго взгляда; она равносильна, въ сущности, призыву къ жизни давно забытаго и неисполнявшагося правила, выраженнаго въ ст. 529 устава о службѣ по опредѣленію отъ правительства. Въ 1882 г. это правило—запрещающее служащимъ издавать въ свѣтъ, безъ разрѣшенія своихъ начальствъ, сочиненія, „касающіяся до внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній государства"—

было подтверждено для военно-служащихъ; въ 1883 г. оно вновь объявлено обязательнымъ для *всѣхъ* служащихъ, съ тою разницей, что въ старомъ законѣ идетъ рѣчь о *сочиненіяхъ* вообще, а въ новомъ положеніи Комитета министровъ—только о періодическихъ изданіяхъ. Съ другой стороны, зато, старый законъ требовалъ начальственнаго разрѣшенія на сочинительство только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно касается „внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній государства", а новая мѣра ставитъ въ зависимость отъ начальства *всякое* сотрудничество въ періодическихъ изданіяхъ. Прежде чиновникъ могъ написать и напечатать романъ, не доводя о томъ до свѣдѣнія начальства—а теперь не можетъ, если романъ печатается въ журналѣ или газетѣ. Между тѣмъ, огражденіе канцелярской тайны едва ли требовало особыхъ мѣропріятій. Много ли, прежде всего, можно насчитать случаевъ, когда оглашеніе правительственнаго проекта или предположенія угрожаетъ опасностью интересамъ государства? За рѣдкими исключеніями, оно можетъ быть только полезно, вызывая критическій анализъ задуманной мѣры, выясняя слабыя и сильныя ея стороны. Правительство идетъ на встрѣчу общественному мнѣнію лишь тогда, когда вопросъ, поставленный на очередь, принадлежитъ къ числу особенно важныхъ. Свѣдѣнія о готовящихся преобразованіяхъ всего чаще проникали въ печать частнымъ путемъ—тѣмъ путемъ, къ закрытію котораго направлено разбираемое положеніе Комитета министровъ. Возьмемъ, для примѣра уставъ о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ; главныя основанія его были сообщены газетами за полгода до его изданія и послужили поводомъ къ оживленной полемикѣ, которая конечно никому и ничему не причинила и не могла причинить никакого вреда и противъ которой не было принято никакихъ мѣръ со стороны администраціи. Въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда преждевременная гласность дѣйствительно была бы сопряжена съ серьезны минеудобствами—напр. передъ заключеніемъ новаго займа, или во время важныхъ дипломатическихъ переговоровъ—ничто не мѣшало бы начальству

предписать всѣмъ посвященнымъ въ дѣло строжайшее соблюденіе тайны, подъ опасеніемъ судебной отвѣтственности. Въ такихъ случаяхъ, впрочемъ, администрація располагаетъ и другимъ, болѣе чѣмъ надежнымъ средствомъ: она просто запрещаетъ печати, на основаніи закона 1873 г., касаться даннаго предмета. Охотниковъ нарушить подобное запрещеніе бываетъ не много, въ виду послѣдствій нарушенія. Не говоримъ уже о томъ, что лучшей гарантіей противъ нескромныхъ сообщеній служитъ чувство долга, достаточно развитое и въ массѣ служащихъ, и въ массѣ пишущихъ. Понять необходимость молчанія—*когда оно необходимо по самому существу дѣла*—вовсе не трудно; раскрытіе того, что очевидно и несомнѣнно должно считаться государственной (а не канцелярской) тайной, представляется весьма мало вѣроятнымъ. Мы не думаемъ, чтобы въ исторіи нашей печати можно было найти хоть одинъ случай этого рода".

Примѣненіе „временныхъ" правилъ, установленныхъ въ 1882 году, началось весьма скоро. Въ 1883-мъ году „Страна" и „Голосъ" были пріостановлены, съ примѣненіемъ къ нимъ, по окончаніи срока пріостановки, предварительной цензуры (въ той формѣ, въ какой она предусмотрѣна „временными" правилами). Ни та, ни другая газета не нашла возможнымъ выходить при условіяхъ, столь существенно измѣненныхъ; и „Страна", и „Голосъ" окончательно сошли со сцены, оставивъ весьма замѣтный пробѣлъ въ нашей журналистикѣ. Въ томъ же 1883-мъ году совѣщаніемъ четырехъ министровъ былъ совершенно прекращенъ „Московскій Телеграфъ"; въ 1884-мъ году той же мѣрѣ подверглись „Отечественныя Записки", имѣвшія за собою столь славное прошедшее. Въ 1886 г. были прекращены „Свѣточъ", „Здоровье" и „Дроэба" (грузинскій журналъ), въ 1886 г.—кіевская газета „Заря", въ 1889 г.—„Сибирская Газета". Въ 1884 г. пріостановлены, съ отдачей подъ цензуру, газета „Востокъ" и „Газета Гатцука", въ 1885 г. — „Восточное Обозрѣніе", въ 1889 г. — „Русское Дѣло". Предостереженія, временныя пріостановки, запреще-

нія розничной продажи и печатанія объявленій шли своимъ чередомъ. Съ іюня 1882-го года по май 1889 г., т. е. въ управленіе гр. Д. А. Толстого (при которомъ, какъ и при его преемникѣ, начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ Е. М. Ѳеоктистовъ), было дано всего 24 предостереженія (не считая тѣхъ, послѣ которыхъ газеты ставились подъ цензуру); пріостановленъ на 6 мѣсяцевъ, послѣ 3-го предостереженія, журналъ „Наблюдатель“ (въ 1888 г.). Пріостановлены безъ предостереженій, въ 1882—89 гг., [1]) четырнадцать изданій (въ томъ числѣ 9 провинціальныхъ), два изъ нихъ—по два раза; запрещеній розничной продажи въ тотъ же періодъ времени состоялось 34, запрещеній печатать объявленія—четыре. Отъ административныхъ каръ не оставался свободнымъ и такой органъ, какъ „Гражданинъ“: при гр. Толстомъ онъ два раза получилъ предостереженія и два раза ему была запрещена розничная продажа. Особеннаго вниманія заслуживаетъ предостереженіе, данное въ концѣ 1885-го года Аксаковской „Руси“. Оно было мотивировано тѣмъ, что „Русь“ „обсуждаетъ текущія событія тономъ, несовмѣстнымъ съ истиннымъ патріотизмомъ, и стремится возбудить неуваженіе къ правительству“. Понятно, съ какимъ негодованіемъ и какою скорбью И. С. Аксаковъ, приближавшійся тогда къ концу своей жизни (онъ умеръ въ январѣ 1886-го года), долженъ былъ выслушать упрекъ въ недостаткѣ патріотизма, столь мало имъ заслуженный. „Что такое истинный и не истинный патріотизмъ?“— спрашивалъ онъ, напечатавъ данное ему предостереженіе. „Гдѣ надежные признаки того и другого? Гдѣ критерій для оцѣнки или даже распознаванія? Съ нашей точки зрѣнія, напримѣръ, истинный патріотизмъ для публициста заключается въ томъ, чтобы мужественно, по крайнему разумѣнію, высказывать правительству правду, какъ бы горька и жестка она

---

[1]) Мы даемъ здѣсь общую цифру за восемь лѣтъ, потому что не имѣемъ возможности отдѣлить пріостановки и запрещенія, состоявшіяся при гр. Толстомъ, отъ состоявшихся въ 1882 г. при его предшественникѣ и въ 1889 г. при его преемникѣ.

ни была; по мнѣнію же многихъ, въ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ, наиистиннѣйшій патріотизмъ—въ подобострастномъ молчаніи... Именно въ запальчивости истиннаго патріотизма можетъ порой, особенно при спѣшной работѣ, сорваться съ пера слово слишкомъ живое и рѣзкое". Совершенно ясно, притомъ, что тона, несовмѣстнаго съ истиннымъ патріотизмомъ, нѣтъ и быть не можетъ; патріотическими или непатріотическими бываютъ только дѣйствія или слова, равносильныя дѣйствіямъ (напр. разоблаченіе того, что должно быть сохраняемо въ тайнѣ), а отнюдь не формы рѣчи.

Къ концу управленія гр. Толстого замѣтно какъ будто бы нѣкоторое ослабленіе репрессіи по дѣламъ печати. Въ 1887 г., напримѣръ, не было дано ни одного предостереженія, въ 1888 г.—четыре, въ первые мѣсяцы 1889 г.—одно. Запрещенію розничной продажи подверглись въ 1888 г. только два изданія. Ошибочно, однако, было бы видѣть въ этомъ нѣчто похожее на измѣненіе системы. Объясняется уменьшеніе числа взысканій, какъ намъ кажется, тремя главными причинами: исчезновеніемъ множества изданій, негласнымъ воздѣйствіемъ на остальныя и полнымъ торжествомъ, въ оффиціальномъ мірѣ, направленія, представителемъ котораго служилъ гр. Толстой. Въ самомъ дѣлѣ, кромѣ изданій, запрещенныхъ совѣщаніемъ четырехъ министровъ, кромѣ изданій, не пожелавшихъ выходить, послѣ пріостановки, подъ предварительной цензурой, за это время прекратились еще нѣкоторыя другія, не выдержавшія борьбы съ цензурными притѣсненіями („Порядокъ", „Молва", „Московская Газета", „Эхо", „Дѣло"). Изъ вновь основанныхъ изданій тѣ, которыя послужили, отчасти, убѣжищемъ для сотрудниковъ изданій прекращенныхъ, выходили обыкновенно подъ предварительной цензурой. Немногія независимыя газеты, пережившія кризисъ 1883-го года, соблюдали величайшую осторожность, опасаясь подчиненія предварительной цензурѣ. Статьи „толстыхъ" журналовъ, возбудившія почему-либо неудовольствіе цензуры, уничтожались, большею частью, по соглашенію

цензурныхъ комитетовъ съ редакціями, не желавшими доводить дѣло до Комитета министровъ, т. е. до почти неизбѣжной гибели цѣлаго нумера (припомнимъ щедринскій отвѣтъ „почтоваго чиновника“ по поводу одного не появившагося въ печати „письма къ тетенькѣ“: „которыя письма не нужно, чтобы доходили, тѣ у насъ всегда пропадаютъ“). Путемъ такихъ же компромиссовъ спасались отъ запрещенія иныя книги; другія, въ которыхъ слишкомъ многое признавалось нецензурнымъ, были уничтожаемы по опредѣленію Комитета министровъ. По словамъ „Историческаго обзора дѣятельности комитета“ (т. IV, стр. 445), подобныхъ опредѣленій бывало въ это время отъ двухъ до трехъ въ годъ [1]). Немаловажнымъ, наконецъ, было вліяніе и третьей указанной нами причины. Если задуманное гр. Толстымъ преобразованіе мѣстнаго управленія и самоуправленія могло обсуждаться въ печати сравнительно свободно, то это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ увѣренности министра, что никакая критика не можетъ помѣшать осуществленію его проектовъ. У преемника гр. Толстого такая увѣренность была нѣсколько слабѣе—и вотъ почему, напримѣръ, не могло появиться въ свѣтъ внутреннее обозрѣніе „Вѣстника Европы“, предназначавшееся для апрѣльской книги 1890-го года и заключавшее въ себѣ разборъ проекта новаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ, находившагося въ то время на разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта. Когда этотъ проектъ получилъ силу закона, почти все сказанное въ уничтоженномъ обозрѣніи могло быть безпрепятственно напечатано въ сентябрьской книгѣ того же журнала.

---

[1]) Къ этому времени относится, напримѣръ, уничтоженіе слѣдующихъ книгъ: Пругавинъ, „Расколъ вверху и расколъ внизу“; Н. Минскій, „Стихотворенія 1877—1882 гг.“; „Документы и матеріалы по исторіи противуеврейскихъ безпорядковъ 1881—83 гг.“; Венгеровъ, „Исторія новѣйшей русской литературы“; Борткевичъ, „Продолженіе записки о гербовыхъ пошлинахъ и о налогѣ на наслѣдственныя имущества“; де-Скроховскій, „Желѣзнодорожное хозяйство и бюрократія“.

Продолжительное господство системы, идеалы которой всецѣло коренились въ прошедшемъ, отразилось въ печати, какъ и слѣдовало ожидать, усиленіемъ реакціонныхъ ея органовъ—усиленіемъ, конечно, не внутреннимъ, а внѣшнимъ, прямо пропорціональнымъ угнетенію противниковъ. Въ это именно время достигло своего апогея вліяніе „Московскихъ Вѣдомостей", во главѣ которыхъ до 1887-го года стоялъ еще Катковъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно обрисовалось отношеніе ихъ къ свободѣ печати. Уже въ 1882 г. онѣ выступили съ теоріей, что существованіе политическихъ обязанностей дѣлаетъ ненужнымъ существованіе политическихъ правъ, къ числу которыхъ принадлежитъ свобода печати. Этого мало: признавая политическою обязанностью предотвращеніе вреда, грозящаго государству, газета Каткова выводила отсюда право и обязанность „будить караульнаго, если онъ заснулъ"—т. е. обращать вниманіе власти на незамѣчаемыя кѣмъ слѣдуетъ провинности печати. Какъ она пользовалась этимъ правомъ — покажетъ слѣдующій примѣръ. Когда, въ 1883 г., былъ пріостановленъ „Голосъ", „Московскимъ Вѣдомостямъ" показалось, что его мѣсто заступила фактически другая газета—„Новости". Возводя свое предположеніе на степень несомнѣннаго факта, онѣ снабдили его комментаріемъ, прямо обращеннымъ къ „караульному". „*Голосъ* умеръ"—таковы заключительныя слова комментарія,— „да здравствуютъ *Новости* въ ихъ семнадцатирублевомъ изданіи! Перемѣнилось имя, но осталась сущность". А между тѣмъ, „Московскимъ Вѣдомостямъ" не могло не быть извѣстно, что газета, фактически замѣняющая другую, запрещенную, всегда подвергалась строгимъ административнымъ взысканіямъ: въ 1868 г. былъ прекращенъ „Москвичъ", какъ замѣститель „Москвы", въ 1881 г. дано предостереженіе и запрещена розничная продажа „Новой Газетѣ", какъ замѣстительницѣ „Голоса". Чѣмъ представлялось, въ виду подобныхъ прецедентовъ, увѣреніе, что „Новости"—тотъ же „Голосъ", только подъ другимъ именемъ,—это не требуетъ

поясненій. До своихъ крайнихъ выводовъ оригинальная теорія „Московскихъ Вѣдомостей“ доведена въ статьяхъ, появившихся въ концѣ 1886-го года. „Россія“—читаемъ мы здѣсь,—„обладаетъ своего рода политической свободой: она есть страна не менѣе другихъ конституціонная, только не такъ, какъ другія... Какъ и въ другихъ странахъ, въ Россіи есть законы; есть и законъ, которымъ печать учреждается и которымъ опредѣляется ея независимость. Печать въ Россіи и, быть можетъ, только въ Россіи находится въ условіяхъ, дозволяющихъ ей достигать чистой независимости. Мы не знаемъ ни одного органа иностранной печати, который могъ бы въ истинномъ смыслѣ назваться независимымъ. Въ такъ-называемыхъ конституціонныхъ государствахъ печать не есть выраженіе совѣсти, свободной отъ власти и не замѣшанной въ интересы борющихся за нее партій. Каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ своимъ назначеніемъ способствовать успѣху своей партіи и заботится не о томъ, чтобы разъяснить и раскрыть дѣло, а чтобы запутать и затемнить его. Въ Россіи же, гдѣ такихъ партій не имѣется, именно и возможны совершенно независимые органы. Отъ правительства печать Россіи, по существу своего учрежденія, зависима лишь въ такомъ смыслѣ, въ какомъ все во всякой странѣ находится въ зависимости отъ вседержащей власти. Это правда, что спеціально установленныя правительственныя власти обязаны наблюдать за направленіемъ печати въ Россіи, но точно такъ же, какъ правительственныя же власти обязаны наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ на публичныхъ путяхъ и ограждать общественную безопасность. Только въ такомъ общемъ смыслѣ печать въ Россіи зависима отъ правительства. Что не противно законамъ и учрежденіямъ страны, что не оскорбляетъ общественной нравственности, что не служитъ орудіемъ обмана и насилія, то имѣетъ право высказываться и высказывается съ совершенною независимостью“.

„Итакъ,—говорили мы въ отвѣтъ на эту тираду въ январь-

скомъ обозрѣніи 1887 г.,—печать цивилизованнаго міра зависима, а русская печать независима или, по крайней мѣрѣ, можетъ, если хочетъ, быть независимой. Разсмотримъ сначала первую часть этого удивительнаго тезиса. Зависимость западно-европейской печати состоитъ въ томъ, что она служитъ политическимъ партіямъ. Въ основаніи каждой партіи, достойной этого имени, лежитъ тождество или однородность взглядовъ и цѣлей; этимъ же обусловливается, со стороны каждаго члена партіи, и вступленіе въ ея среду, и вѣрность ея знамени. Измѣняются его мнѣнія, утрачивается чувство солидарности съ партіей—онъ выходитъ изъ ея рядовъ и примыкаетъ къ другой группѣ или остается нейтральнымъ. Случается, конечно, и другое: присоединеніе къ партіи или отдѣленіе отъ нея происходитъ не подъ вліяніемъ убѣжденія, а вслѣдствіе расчета—но это исключеніе, а отнюдь не общее правило. Спрашивается: „зависимъ“ ли отъ партіи тотъ членъ ея, который всей душой раздѣляетъ ея стремленія, сочувствуетъ ея программѣ? Очевидно—нѣтъ; свободно примкнувъ къ ней, онъ свободно продолжаетъ ея держаться. Быть можетъ, онъ уступаетъ ей иногда въ мелочахъ, подчиняется нѣкоторымъ второстепеннымъ ея требованіямъ, не вполнѣ вѣря въ ихъ цѣлесообразность—но это стѣсненіе едва замѣтно, да и оно становится обязательнымъ развѣ въ парламентской дѣятельности; внѣ палатъ *управленіе* партіей, вообще говоря, не существуетъ, а слѣдовательно нѣтъ и ничего похожаго на дисциплину. Сказанное нами о членѣ партіи вполнѣ примѣнимо къ газетѣ, поддерживающей партію. Въ отдѣльныхъ случаяхъ эта поддержка можетъ быть купленной или своекорыстной—но гораздо чаще она объясняется просто согласіемъ мнѣній. Назначеніе газеты, служащей органомъ партіи, заключается не въ томъ, чтобы способствовать, во что бы то ни стало, *успѣху партіи*, а въ томъ, чтобы способствовать *успѣху дѣла или идеи*. Для этого нѣтъ никакой надобности что-либо „запутывать“, „затемнять“; наоборотъ, чѣмъ искреннѣе и горячѣе вѣра въ правоту излюбленнаго дѣла,

тѣмъ сильнѣе желаніе „раскрыть“ и „разъяснить“ его, сдѣлать его понятнымъ для всякаго и увеличить этимъ самымъ число его приверженцевъ. Газетъ „независимыхъ“, въ лучшемъ смыслѣ слова, немало, поэтому, и въ Англіи, и во Франціи, и въ Германіи, и въ другихъ „такъ-называемыхъ конституціонныхъ“ государствахъ. Отрицать самую возможность независимости для западно-европейской прессы—значитъ потерять всякое чувство мѣры, всякое уваженіе къ печатному слову.

„Допустимъ, однако, что гдѣ есть партіи, гдѣ есть борьба противоположныхъ взглядовъ, тамъ не можетъ быть и рѣчи о „независимости“. Нужно, въ такомъ случаѣ, быть логичнымъ и произнести приговоръ, вмѣстѣ съ западной Европой, и надъ Россіей. Насъ увѣряютъ, что Россія „обладаетъ своего рода политической свободой“, что она „есть страна не менѣе другихъ конституціонная“. Если это такъ, то она не можетъ не имѣть и „своего рода“ партій, не можетъ не быть театромъ „своего рода“ борьбы. И дѣйствительно, какъ ни смотрѣть на вопросъ о существованіи или несуществованіи въ Россіи „конституціи“ и „политической свободы“, отвергать наличность русскихъ „партій“ никакимъ образомъ нельзя. Настолько же несхожія съ западно-европейскими, насколько различны всѣ остальныя условія жизни по сю и по ту сторону нашей границы, онѣ появляются у насъ чуть ли не съ начала XVIII-го вѣка и обрисовываются съ тѣхъ поръ все ярче и ярче. Можно называть ихъ какъ угодно—группами, кружками, мнѣніями, оттѣнками мнѣній; сущность дѣла остается, во всякомъ случаѣ, одна и та же. Намъ могутъ замѣтить, что въ западной Европѣ партіи борются за обладаніе властью, а въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго. Но развѣ объектомъ борьбы германскихъ партій служитъ обладаніе властью? Власть, вотъ уже скоро двадцать-пять лѣтъ, остается тамъ неизмѣнно въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ; измѣняется только способъ пользованія властью, измѣняются задачи, къ которымъ она стремится—а такія перемѣны возможны вездѣ и всегда, и онѣ

достаточно важны, чтобы изъ-за нихъ или вокругъ нихъ могла происходить борьба партій. Въ концѣ пятидесятыхъ и началѣ шестидесятыхъ годовъ крѣпостники, безспорно, боролись у насъ съ защитниками освобожденія, хотя столь же безспорно, что они боролись не за „обладаніе властью". Такъ или иначе, гдѣ есть борьба, тамъ есть и всѣ ея обычные спутники и результаты—есть, слѣдовательно, и „зависимость", если только она принадлежитъ къ числу подобныхъ результатовъ: зависимость отъ увлеченій, отъ предвзятыхъ идей—иногда и отъ другихъ, болѣе конкретныхъ силъ. Неужели нужно жить въ „такъ-называемомъ конституціонномъ" государствѣ, чтобы грѣшить наклонностью къ „затемненію" и „запутыванью" того, что требуетъ „раскрытія" и „разъясненія"? Предполагая эту наклонность только въ другихъ, не осуществляетъ ли московская газета поговорку о сучкѣ въ чужомъ глазу и бревнѣ въ своемъ собственномъ?.. Насъ поражаетъ, дальше, еще одно противорѣчіе. Газета, связывающая теперь понятіе о независимости съ отсутствіемъ партій и приписывающая это свойство спеціально русской печати, неоднократно упрекала своихъ домашнихъ противниковъ въ „затемненіи" истины, въ зависимости отъ того или другого „вѣянія". Что же это значитъ? Откуда являлась „зависимость", разъ что не было необходимаго ея условія—борьбы партій? Одно изъ двухъ: или московская газета ошибалась прежде, когда она обвиняла своихъ русскихъ собратій въ грѣхѣ, теперь взваливаемомъ на иностранную печать; или она ошибается теперь, когда признаетъ положеніе русской печати особенно благопріятнымъ для „чистой независимости". Возможно, впрочемъ, еще третье предположеніе: подъ именемъ *русской печати* московская газета разумѣетъ, быть можетъ, исключительно себя и своихъ ближайшихъ единомышленниковъ. Это весьма вѣроятно—но, въ такомъ случаѣ, гдѣ же источникъ различія между праведниками и грѣшниками? Какимъ образомъ равенство условій могло привести къ столь различнымъ послѣдствіямъ? Что сдѣлалось причиной паденія одной части рус-

ской печати, и что предохранило отъ паденія другую?... Нѣтъ, въ Россіи нравственная независимость печати обезпечена, во всякомъ случаѣ, не больше, чѣмъ въ западной Европѣ. Все, что угрожаетъ ей тамъ, угрожаетъ ей и у насъ, хотя и не всегда въ тѣхъ же видахъ и формахъ. Погоня за успѣхомъ, желаніе угодить массѣ или отдѣльной группѣ, подлаживанье подъ господствующій вкусъ или минутную моду, ожиданіе выгодъ для себя лично или для своего кружка—все это одинаково мыслимо и тамъ, и здѣсь, всему этому и тамъ, и здѣсь, бывали, есть и будутъ примѣры. Убѣжденія, страсти, интересы существуютъ вездѣ; вездѣ возможна неподкупная честность, непреклонная стойкость—вездѣ возможны и сдѣлки съ совѣстью, ослѣпленіе злобы, фанатическое упорство, переходъ изъ одного лагеря въ другой. Вездѣ встрѣчаются люди, сжигающіе то, чему прежде поклонялись, и вездѣ до крайности разнообразны побужденія, ведущія къ такому сжиганію.

„От нравственной независимости, составляющей личное качество человѣка и не пріуроченной ни къ какому политическому устройству, слѣдуетъ отличать внѣшнюю независимость, измѣряемую количествомъ и свойствомъ постороннихъ ограниченій. Если вѣрить московской газетѣ, такихъ стѣсненій для русской печати установлено немного: она не должна говорить только того, что противно законамъ и учрежденіямъ страны, что оскорбляетъ общественную нравственность или служитъ орудіемъ обмана и насилій. Въ такомъ случаѣ, мы желали бы знать, подъ какую изъ этихъ вышеупомянутыхъ рубрикъ можно подвести ту статью покойной „Руси“, за которую ей было дано, въ 1885 г., первое предостереженіе? Аксакову былъ поставленъ въ вину „тонъ, несовмѣстный съ истиннымъ патріотизмомъ“. Какими именно законами воспрещенъ подобный *тонъ*, и какими учрежденіями опредѣленъ „*истинный патріотизмъ*“?.. Подобныхъ примѣровъ можно привести сколько угодно; они неизвѣстны, повидимому, только московской газетѣ, по мнѣнію которой

внѣшняя независимость составляетъ безспорный удѣлъ русской печати. Аргументація, съ помощью которой получается столь неожиданный выводъ, слишкомъ проста: „въ Россіи есть законы о печати; ergo—русская печать независима“. Итакъ, независимость обусловливается не содержаніемъ закона, а однимъ его существованіемъ? Если въ законѣ будетъ сказано, что такой-то категоріи гражданъ запрещается выходить на улицу, запрещается читать, запрещается говорить, то мы должны, по логикѣ „Москов. Вѣдомостей“, признать этихъ гражданъ „независимыми“, потому что ихъ „права“ опредѣлены закономъ? „Независимыми“ окажутся и тѣ, которымъ законъ вмѣнитъ въ обязанность испрашивать на каждый выходъ изъ дому предварительное разрѣшеніе? Мы желали бы, чтобы московскіе публицисты признали себя зависимыми хотя бы отъ здраваго смысла и чернаго не называли бы бѣлымъ, бѣлаго— чернымъ. Пускай они доказываютъ въ печати необходимость строжайшаго обузданія мысли и слова — это ихъ право; но пускай они никого не смѣшатъ, увѣряя, что наша печать пользуется такою независимостью, какая неизвѣстна западной печати“.

Возвращаясь къ мысли, что въ Россіи есть конституція, заключающаяся въ правѣ и обязанности каждаго заботиться о государственной пользѣ, „Московскія Вѣдомости“ утверждали, что конституціей пользуется и русская печать, съ тою только разницей, что для нея „исполненіе долга по совѣсти перестаетъ быть случайностью и становится призваніемъ“. „Что разумѣетъ московская газета подъ именемъ *политическихъ обязанностей?*“—спрашивали мы въ январьской общественной хроникѣ 1887-го года: „нравственный ли долгъ гражданина, за исполненіе котораго онъ отвѣчаетъ только передъ своею совѣстью и общественнымъ мнѣніемъ—или сумму обязательствъ, ликвидируемыхъ при понудительномъ участіи государственной власти, подъ угрозой наказанія или иныхъ, реально-невыгодныхъ послѣдствій? Платить налоги, отправлять воинскую повинность, стоять за правду, противодѣй-

ствовать злу—все это политическія обязанности; но нельзя же подводить ихъ подъ одинъ уровень, валить ихъ—sit venia verbo — въ одну кучу. „Московскія Вѣдомости“ говорятъ, очевидно, о нравственномъ долгѣ; иначе онѣ не стали бы распространять понятіе о политической обязанности на дѣятельность печати, участвовать въ которой никто не вынуждается подъ опасеніемъ уголовной или полицейской кары. Итакъ, рѣчь идетъ о нравственномъ долгѣ гражданина, а не о тѣхъ требованіяхъ, которыя могутъ быть предъявлены къ нему въ видѣ окладного листа, повѣстки о призывѣ или иного оффиціальнаго предписанія. Гдѣ же, въ такомъ случаѣ, основаніе противопоставлять русскаго подданнаго—гражданину западно-европейскаго государства? Различны только положительныя обязательства, на нихъ лежащія—но нравственный ихъ долгъ одинъ и тотъ же. Развѣ французъ, англичанинъ, пруссакъ свободны отъ обязанности заботиться о пользахъ государства? Развѣ эта обязанность существуетъ только для насъ, русскихъ? Если она существуетъ не для насъ однихъ, то почему же для насъ однихъ она можетъ и должна замѣнять „права“ и „гарантіи“? Скажемъ болѣе: исполненіе политической обязанности, коренящейся исключительно въ нравственномъ чувствѣ, немыслимо безъ соотвѣтствующаго политическаго права. Какъ бы ни было развито сознаніе долга, оно остается мертвой буквой, если за нимъ не обезпечена возможность выраженія въ словѣ и дѣлѣ. Припомнимъ, напримѣръ, положеніе вещей, предшествовавшее созданію земскихъ учрежденій. Между мѣстными жителями и тогда, конечно, встрѣчались такіе, которые считали себя обязанными сослужить службу своимъ сосѣдямъ; но что они могли сдѣлать, пока никто не спрашивалъ и не выслушивалъ ихъ мнѣнія, пока они не допускались къ работѣ на общую пользу? Осуществимой такая работа стала для нихъ только тогда, когда они получили право участвовать въ завѣдываніи земскими дѣлами. То же самое мы видимъ и на всѣхъ другихъ поприщахъ общественной дѣятельности. Чтобы „доискиваться

правды“ путемъ печатнаго слова, мало одной „обязанности“ говорить; необходима еще возможность безпрепятственно исполнять эту обязанность. Кому много дано, только съ того и можно многое спрашивать. Безспорно, печать должна „раскрывать правду, не смущаясь ни передъ чѣмъ, не допуская никакого лицепріятія, не давая себя сбить ни прельщеніями, ни вынужденіями“; но для всего этого она должна пользоваться извѣстною свободой. Далеко ли уйдетъ съ одной „обязанностью“ ὀрганъ печати, обрекаемый на молчаніе или прерывающій его только для того, чтобы сейчасъ же, и не по доброй волѣ, умолкнуть навсегда?... За разсужденіями о политическихъ обязанностяхъ, съ избыткомъ замѣняющихъ политическія права, скрывается, въ сущности, или формула грубаго эгоизма: „мнѣ хорошо, — а до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла“, или формула фанатической нетерпимости: „мечтать о правѣ можетъ только тотъ, кто считаетъ себя обязаннымъ во всемъ со мною (въ настоящемъ случаѣ,—съ „Московск. Вѣдомостями“) соглашаться“... Съ софизмами этого сорта, выросшими на почвѣ торжествующей реакціи, приходится считаться и въ настоящее время, потому что далеко не вполнѣ исчезли условія, которымъ они были обязаны своимъ происхожденіемъ.

При преемникѣ гр. Д. А. Толстого, И. Н. Дурново (май 1889—октябрь 1895), существенныхъ перемѣнъ въ положеніи печати не произошло. Совершенно прекращено, по опредѣленію четырехъ министровъ, только одно періодическое изданіе—газета „Русская Жизнь“ (въ январѣ 1895 г.). Предостереженій было дано одиннадцать (въ томъ числѣ два—„Русскому Курьеру“ и „Восходу“—съ пріостановкой на шесть мѣсяцевъ и отдачей подъ цензуру). Случаевъ запрещенія розничной продажи было 24, случаевъ запрещенія печатанія объявленій—6. Пріостановлено безъ предостереженій двѣнадцать изданій (въ томъ числѣ одиннадцать провинціальныхъ). Подчиненъ цензурѣ и вслѣдствіе этого прекратился журналъ московскаго юридическаго общества „Юридическій Вѣстникъ“ (въ 1892 г.).

Когда, въ 1890 г., исполнилось двадцать пять лѣтъ со времени изданія закона 6-го апрѣля, воспоминаніе объ этомъ днѣ вызвало въ столичной печати отчасти грустныя, отчасти радостныя чувства. Указывалось, съ одной стороны, на все еще большое—и даже увеличившееся разстояніе отъ цѣли, намѣченной правительствомъ, болѣе четверти вѣка тому назадъ; съ другой стороны, слышались увѣренія, что русская печать пользуется авторитетомъ и представляетъ собою такую силу, съ которою считается общественное мнѣніе Европы. Высказывался и такой взглядъ, что вліяніе печати и ея свобода не связаны непосредственно съ тѣми или другими законами о печати. Разбирая, въ майской общественной хроникѣ 1890 г., это послѣднее мнѣніе, мы удивлялись попыткѣ оспорить очевидное, разумѣющееся само собою. „Напрасна, слѣдовательно,“— спрашивали мы,—„была вѣковая борьба, предметомъ которой служили права печатнаго слова? Напрасно говорили ораторы, напрасно писали публицисты, домогаясь признанія и охраны этихъ правъ правительственною властью? Ошибался Маколей, когда объяснялъ процвѣтаніе англійской политической прессы отмѣной предварительной цензуры? Ошибались наши государственные люди, когда находили, въ эпоху реформъ, что обезпеченная закономъ свобода печати нужна не только для общества, но и для государства?... *Источникомъ* силы для печати управляющіе ею законы служить не могутъ — но отъ нихъ зависитъ болѣе или менѣе полное проявленіе этой силы, болѣе или менѣе нормальное пользованіе ею. Создать таланты свобода печати не можетъ— но она способствуетъ ихъ развитію, раскрываетъ передъ ними широкую и прямую дорогу, предупреждаетъ ихъ извращеніе или преждевременную гибель“. Оптимизма газеты, разсматривавшей крайности цензурнаго гнета какъ достояніе невозвратно-минувшаго прошлаго, мы также не раздѣляли; мы не могли признать, чтобы „свободная“ (?) столичная печать „легализировала“, „тянула за собою подцензурную, провинціальную прессу“, „регулируя отношенія къ ней цензуры“. „Лега-

лизировать“, „регулировать“ можетъ только тотъ, чье собственное положеніе легализировано и регулировано — а этого нельзя сказать о столичной безцензурной печати. Сомнѣвались мы, наконецъ, и въ томъ, чтобы русское печатное слово пользовалось такимъ же или почти такимъ же авторитетомъ, какъ журналистика образованнѣйшихъ народовъ. Необходимо—говорили мы—„различать русскую *литературу* и русскую *періодическую печать*. Русская литература безспорно представляетъ всѣми признанную силу—но это не имѣетъ никакого отношенія къ закону 6-го апрѣля. Весьма многія изъ числа великихъ произведеній, оцѣненныхъ по достоинству и въ западной Европѣ, написаны гораздо раньше 1865 г.; гораздо раньше этого времени закончилось творчество Пушкина, Лермонтова и Гоголя; гораздо раньше вышли въ свѣтъ „Записки Охотника“ и „Дворянское гнѣздо“, „Записки изъ Мертваго дома“, „Обломовъ“, „Губернскіе очерки“, „Казаки“, лучшія комедіи Островскаго. Что касается до повременной политической печати, то едва ли она, при дѣйствіи закона 6-го апрѣля и многочисленныхъ къ нему „поправокъ“, составляетъ „силу, съ которою считается общественное мнѣніе Европы“. Если западно-европейская пресса цитируетъ, отъ времени до времени, русскія газеты и даже полемизируетъ съ ними, то это еще не значитъ, чтобы она видѣла въ нихъ противниковъ равноправныхъ, признавала ихъ дѣйствующими при одинаковыхъ съ нею условіяхъ, стоящими на одной съ нею почвѣ. Весьма часто, наоборотъ, мнѣніе русской печати принимается въ расчетъ только какъ *признакъ* — признакъ настроенія, господствующаго въ вліятельныхъ сферахъ. Этотъ взглядъ на печать становится, сплошь и рядомъ, источникомъ ошибокъ. Предполагаются „внушенія“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ не было ничего подобнаго; дозволенію говорить придается смыслъ, котораго оно, въ сущности, вовсе не имѣло. Какъ бы то ни было, границы свободы, предоставленной русскимъ періодическимъ изданіямъ, извѣстны нашимъ сосѣдямъ очень хорошо—а сте-

пенью свободы измѣряется, въ данномъ случаѣ, степень авторитетности. *Считаться* съ русскимъ печатнымъ словомъ иностранцы будутъ только тогда, когда для этого слова не будетъ ни недоступныхъ сюжетовъ, ни „заказанныхъ“ (въ смыслѣ Кольцовской пѣсни) путей, ни запретныхъ мнѣній“.

Новое царствованіе, начавшееся въ октябрѣ 1894 года, не принесло съ собою облегченій для печатнаго слова. Было разрѣшено представленіе ходатайства, содержавшаго въ себѣ указаніе наиболѣе желательныхъ перемѣнъ въ юридическомъ положеніи печати; но затѣмъ это ходатайство было оставлено безъ всякихъ послѣдствій. Ни къ чему не привелъ и рядъ ходатайствъ, возбужденныхъ, весною 1895-го года, съѣздомъ дѣятелей по печатному дѣлу. Хотя между членами съѣзда было весьма мало писателей, онъ высказался за освобожденіе отъ цензуры сочиненій извѣстнаго объема не только въ столицахъ, но и повсемѣстно; за уменьшеніе для переводныхъ сочиненій объема, освобождающаго отъ предварительной цензуры, съ двадцати листовъ до десяти (т.-е. уравненіе ихъ, въ этомъ отношеніи, съ оригинальными); за предоставленіе самому издателю рѣшать вопросъ, желаетъ ли онъ выпускать періодическое изданіе подъ цензурой или безъ цензуры; за отмѣну правила, въ силу котораго ни одно періодическое изданіе не можетъ быть основано безъ предварительнаго разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ; за отмѣну залога, требуемаго теперь отъ изданій, выходящихъ безъ цензуры; за установленіе давности для предостереженій. Можно было думать, что для лицъ интересъ которыхъ въ печатномъ дѣлѣ имѣетъ преимущественно матеріальный характеръ, легче всего примириться съ предварительной цензурой, уменьшающей, до нѣкоторой степени, рискъ матеріальныхъ убытковъ. Оказалось, однако, что больше всего возраженій вызвала съ ихъ стороны именно эта цензура.

Въ восьмидесятыхъ годахъ и первой половинѣ девятидесятыхъ было основано вновь довольно много періодическихъ изданій, но къ концу этого періода число ихъ уменьшается до-

вольно замѣтно: въ 1891 г., напримѣръ, разрѣшено, только 8 газетъ и 14 журналовъ, большею частью, притомъ, мѣстныхъ или спеціальныхъ. Многія изданія, въ добавокъ, быстро сходили со сцены (напр. „Новое Обозрѣніе", „Устои", „Юридическая Лѣтопись"). Изъ числа журналовъ, игравшихъ или играющихъ видную роль, въ это время начинаютъ выходить „Русская Мысль" (1880), „Сѣверный Вѣстникъ", (1885), „Вопросы философіи и психологіи" (1890), „Русское Обозрѣніе" (1890), „Міръ Божій" (1892), „Новое Слово" (1894). Съ начала 90-хъ годовъ обращаетъ на себя вниманіе „Русское Богатство", основанное еще въ 1876-мъ году, но долго не имѣвшее большого значенія. Среди газетъ „Новое Время" пользуется возрастающимъ внѣшнимъ успѣхомъ; за нимъ, въ этомъ отношеніи, слѣдуютъ „Новости". „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ" и подъ редакціей г. Авсѣенко не удается подняться на прежнюю высоту. Большую популярность пріобрѣтаютъ „Русскія Вѣдомости". „Московскія Вѣдомости" много теряютъ со смертью Каткова, но неуклонно хранятъ вѣрность его послѣднимъ завѣтамъ. Прежнюю окраску сохраняетъ и „Русскій Вѣстникъ", не смотря на переходы изъ рукъ въ руки. „Все въ той же позиціи", по выраженію его недоброжелателей, остается „Вѣстникъ Европы". Постоянно расширяется кругъ читающей публики; увеличивается число подписчиковъ на газеты, а также на журналы, изъ которыхъ многіе понизили свою подписную цѣну. Періодическая печать становится одною изъ насущныхъ потребностей русскаго общества, но положеніе ея по прежнему безправно, судьба ея по прежнему зависитъ отъ административнаго усмотрѣнія.

VI.

Послѣдніе годы (1895—1903).

Постоянно и тщетно ожидая много разъ обѣщаннаго общаго пересмотра законодательства о печати, нашъ писательскій міръ могъ быть увѣреннымъ, повидимому, въ одномъ: что новыхъ стѣсненій для печати установлено не будетъ—по той простой причинѣ, что дальше въ этомъ направленіи идти некуда. Невѣроятное, однако, оказалось возможнымъ. Со вступленіемъ И. Г. Горемыкина въ должность министра внутреннихъ дѣлъ (октябрь 1895) и, вслѣдъ за тѣмъ, М. П. Соловьева—въ должность начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, начался рядъ мѣръ, значительно измѣнившихъ къ худшему и юридическое, и фактическое положеніе печати. Самая важная изъ нихъ—Высочайше утвержденное 28-го марта 1897 года положеніе Комитета министровъ, устанавливающее—опять таки въ видѣ *временной* мѣры, „впредь до измѣненія въ законодательномъ порядкѣ дѣйствующихъ правилъ о печати",—что передача періодическихъ изданій отъ одного издателя къ другому должна происходить не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, согласно ст. 117—119 уст. о ценз. и печ. (т. е. въ томъ же порядкѣ, въ какомъ испрашивается разрѣшеніе на основаніе новаго изданія). Этимъ постановленіемъ,—говорили мы вслѣдъ за его обнародованіемъ [1],—„отмѣнена статья 122-ая устава о цензурѣ и печати, на основаніи которой право собственности на періодическое изданіе переходило отъ одного лица къ другому безъ предварительнаго согласія администраціи; требовалось только своевременное увѣдомленіе о томъ главнаго

[1]) См. внутр. обозрѣніе въ № 6 „Вѣстникъ Европы" за 1897 г.

управленія по дѣламъ печати, за подписью обоихъ издателей, прежняго и новаго. Лѣтъ 20—30 тому назадъ такое измѣненіе въ положеніи печати едва ли могло бы вызвать открытое одобреніе въ ея же собственной средѣ; привѣтствовать его едва ли рѣшились бы даже тѣ привилегированныя изданія, „хата“ которыхъ всегда „стоитъ съ краю“, въ сторонѣ отъ какихъ бы то ни было репрессивныхъ и рестриктивныхъ мѣръ. Теперь не то: „откровенность“ въ газетномъ и журнальномъ, мірѣ сдѣлала большіе успѣхи, чувство приличія потеряло свою сдерживающую силу. „Московскія Вѣдомости“ поспѣшили выступить съ апологіей или, лучше сказать, съ непрошеннымъ панегирикомъ временному постановленію, исправляющему „недостатокъ“, устраняющему „противорѣчіе“ дѣйствующаго закона. Указавъ на то, что основать *новое* періодическое изданіе можно не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, и что къ прошенію о разрѣшеніи должны быть приложены документы о личности какъ редактора, такъ и *издателя*, московская газета приходитъ къ заключенію, что, по мысли законодателя, не только редактировать, но и издавать журналъ или газету можетъ лишь лицо, облеченное извѣстнымъ довѣріемъ правительства. Въ разрѣзъ съ этою мыслью идетъ, будто бы, существовавшее до сихъ поръ право издателя передать изданіе всякому, кому заблагоразсудится. Лицо, которому навѣрное не было бы разрѣшено *основать* изданіе, могло *пріобрѣсти,* безъ всякой санкціи правительства, изданіе, разрѣшенное другому; для этого достаточно было простой гражданской сдѣлки. Чтобы быть послѣдовательнымъ, нужно было либо отмѣнить первоначальное разрѣшеніе изданія, сохранивъ только утвержденіе редактора, либо установить административную санкцію для всякаго дальнѣйшаго перехода издательскаго права. Первое невозможно; оставалось, затѣмъ, только второе. Періодическая печать, по словамъ московской газеты „въ современной жизни играетъ слишкомъ большую и важную роль, слишкомъ вліяетъ на общество, чтобы государство могло

относиться безразлично къ тому, въ сторону ли добра или въ сторону зла направлено это вліяніе. А между тѣмъ вліяніе издателя на направленіе изданія сильнѣе, чѣмъ вліяніе редактора, такъ какъ издатель есть хозяинъ дѣла, редакторъ же—нерѣдко не болѣе какъ его довѣренное лицо. Подставной редакторъ, служащій ширмами для издателя — явленіе давно уже извѣстное нашей журналистикѣ, тогда какъ издателями бываютъ лишь лица дѣйствительно заинтересованныя въ дѣлѣ. .Поэтому, съ точки зрѣнія надзора, для правительства гораздо болѣе значенія имѣетъ право разрѣшенія передачи изданій, чѣмъ право утвержденія ихъ редакторовъ".

„Такова аргументація „Московскихъ Вѣдомостей", вся, съ начала до конца, сотканная изъ софизмовъ. Возможно ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы въ законъ 1865 г., столь осторожный и строгій, вкралось *противорѣчіе*, выгодное для печати? Возможно ли, чтобы оно оставалось незамѣченнымъ и неустраненнымъ въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ, несмотря на постоянно возраставшее недовѣріе къ газетамъ и журналамъ? Не проще ли предположить, что никакого противорѣчія не было, а различіе между порядкомъ разрѣшенія изданія и порядкомъ перехода его изъ однѣхъ рукъ въ другія было установлено вполнѣ сознательно, на основаніи вѣскихъ соображеній? Угадать эти соображенія нетрудно; они очевидны для всякаго непредубѣжденнаго глаза. Разрѣшеніе, о которомъ идетъ рѣчь въ ст. 117 и послѣд., имѣетъ предметомъ не предоставленіе извѣстному лицу званія издателя, а основаніе новаго изданія. Разсмотрѣнію министерства подлежатъ, при этомъ, сроки выхода изданія, его подписная цѣна, его заглавіе, его программа, а также вопросъ о томъ, будетъ ли оно выходить подъ цензурой или безъ цензуры. Конечно, все это можно было бы заранѣе регулировать закономъ; можно было бы принять за правило, что всѣ періодическія изданія (или, по меньшей мѣрѣ, извѣстныя ихъ категоріи) выходятъ въ свѣтъ безъ цензуры, по программамъ, ими самими установленнымъ (или по одной изъ нѣсколькихъ программъ, разъ на-

всегда утвержденныхъ), въ сроки, ими самими выбранные, по цѣнѣ, ими самими опредѣленной (или соотвѣтствующей размѣрамъ изданія). При такомъ положеніи дѣлъ, безъ сомнѣнія—самомъ нормальномъ, основаніе новаго изданія сводилось бы къ регистраціи его министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; но пока существуетъ порядокъ концессіонный, процедура, установленная ст. 117, представляется неизбѣжной, какъ моментъ установленія условій, при которыхъ будетъ дѣйствовать вновь основываемое изданіе. Личность издателя вовсе не принадлежитъ къ числу этихъ условій. Конечно, она должна быть *извѣстна* администраціи, которой предстоитъ цѣлый рядъ сношеній съ издателемъ (напр. относительно залога); но отсюда еще не слѣдуетъ, что первоначальный издатель, по смыслу дѣйствовавшаго до сихъ поръ закона, долженъ былъ быть непремѣнно persona grata для администраціи. Единственный доводъ, приводимый въ подтвержденіе этого мнѣнія, заключается въ томъ, что къ прошенію о разрѣшеніи изданія должны быть, за силою ст. 119, приложены документы о личности какъ редактора, такъ и издателя; но вѣдь это требованіе чисто формальное, отнюдь не свидѣтельствующее о томъ, что оцѣнкѣ администраціи подлежали *личныя свойства* издателя. „Документъ о личности“ никакихъ свѣдѣній о „личныхъ свойствахъ“ не даетъ и дать не можетъ: онъ удостовѣряетъ только тождество лица и его общественное положеніе. „Подъ именемъ *документа о личности*—читаемъ мы въ примѣчаніи къ ст. 119, сдѣланномъ въ оффиціозномъ изданіи г. Мсеріанца (старшаго инспектора типографій и книжной торговли),—разумѣется, собственно, видъ на жительство, въ чемъ бы онъ ни заключался, въ паспортѣ или другомъ соотвѣтствующемъ документѣ; но *всего лучше* представлять документъ, свидѣтельствующій объ образованіи просителя, *особенно редактора*“. Не только изъ *паспорта*, но и изъ аттестата, диплома, послужного списка и т. п. никакихъ выводовъ о благонадежности его предъявителя сдѣлать, очевидно, нельзя. Не даромъ, наконецъ, г. Мсеріанцъ различаетъ, въ своемъ

примѣчаніи, редактора отъ издателя; если представленіе документа, указывающаго на степень образованія просителя, признавалось желательнымъ *особенно* по отношенію къ редактору, то это значитъ, что по отношенію къ издателю даже такой внѣшній, легко удостовѣряемый признакъ, какъ образованіе, считался сравнительно неважнымъ. Точныя справки наводились только о редакторѣ—и это вполнѣ понятно, разъ что мѣсто первоначальнаго издателя въ каждую данную минуту могло занять другое лицо, помимо разрѣшенія администраціи.

„Между моментомъ основанія изданія и моментомъ перехода его въ другія руки существуетъ еще другое различіе, гораздо болѣе важное. Когда подается просьба о разрѣшеніи новаго изданія, оно не служитъ еще объектомъ имущественнаго права, не представляетъ собою опредѣленной цѣнности, входящей въ составъ гражданскаго оборота. Никакихъ затратъ на него еще не сдѣлано, ничьи матеріальные интересы съ нимъ конкретно еще не связаны. Отказъ въ разрѣшеніи можетъ быть чрезвычайно тягостенъ для просителя, въ особенности если онъ относился къ задуманному предпріятію не съ одной только коммерческой точки зрѣнія—но это его не разоряетъ, не наноситъ ему прямого матеріальнаго ущерба. Совсѣмъ другое дѣло—переходъ изданія уже существующаго. Выходя въ свѣтъ, газета или журналъ становится такимъ же имуществомъ, какъ и всякое другое — имуществомъ, подходящимъ подъ дѣйствіе общихъ началъ гражданскаго права. Издатель является его собственникомъ — а право собственности обнимаетъ собою, кромѣ права владѣнія и пользованія, право распоряженія, существенно необходимое для его полноты и для его дѣйствительности. Представляя собою, по меньшей мѣрѣ, сумму сдѣланныхъ на него затратъ, изданіе постоянно требуетъ новыхъ расходовъ, производительность которыхъ зависитъ, между прочимъ, отъ степени вниманія, которое издатель можетъ удѣлять изданію. Недостатокъ наличныхъ средствъ, болѣзнь издателя, семейное его горе, постороннія неотлож-

ныя дѣла, мѣшающія ему заниматься изданіемъ, вынужденный отъѣздъ его изъ города, гдѣ оно выходитъ — всѣ эти обстоятельства и многія другія могутъ поставить издателя въ такое положеніе, изъ котораго нормальный выходъ только одинъ: продажа изданія. Это, безъ сомнѣнія, и имѣлъ въ виду законодатель, допустивъ переходъ изданія изъ однѣхъ рукъ въ другія путемъ „простой гражданской сдѣлки", безъ соблюденія правилъ, установленныхъ для разрѣшенія новаго изданія. „Простая гражданская сдѣлка" была признана достаточной именно потому, что къ ней и сводится, въ сущности, переходъ права на изданіе. Обусловливать этотъ переходъ согласіемъ администраціи,—значитъ до крайности затруднять, а иногда совершенно парализовать осуществленіе безспорнаго гражданскаго права. Представимъ себѣ, что покупать дома было бы разрѣшено только лицамъ, получившимъ на то административное разрѣшеніе. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой мѣры было бы обезцѣненіе домовъ, вслѣдствіе ограниченія спроса — обезцѣненіе тѣмъ большее, чѣмъ строже проводилось бы ограниченіе. Чѣмъ меньше было бы привилегированныхъ покупщиковъ, тѣмъ больше зависѣли бы отъ нихъ продавцы, тѣмъ произвольнѣе опредѣлялись бы покупныя цѣны, тѣмъ шире былъ бы просторъ для злоупотребленій при выдачѣ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ. Во многихъ случаяхъ продажа дома встрѣчала бы непреодолимыя препятствія; изъ числа желающихъ купить его никто не получалъ бы административной аппробаціи—а изъ числа лицъ, могущихъ получить ее, никто не желалъ бы пріобрѣсти домъ, предлагаемый къ продажѣ. Къ періодическимъ изданіямъ все это примѣнимо еще въ большей степени, чѣмъ къ домамъ. Охотниковъ купить домъ найти несравненно легче, чѣмъ охотниковъ купить изданіе: первая покупка гораздо менѣе рискованна, чѣмъ вторая; завѣдывать домомъ гораздо проще, чѣмъ издавать журналъ или газету. Административный отказъ покупщику, съ величайшимъ трудомъ пріисканному издателемъ, часто будетъ равносиленъ невозможности

продать изданіе—а невозможность продать изданіе равносильна, при извѣстныхъ условіяхъ, его прекращенію... Пояснимъ нашу мысль еще однимъ примѣромъ. Если желающему приступить къ постройкѣ дома предъявляютъ требованія, которымъ долженъ удовлетворять фасадъ дома, въ этомъ еще нѣтъ явнаго нарушенія его правъ: онъ еще ничего не затратилъ на постройку и можетъ, если условія кажутся ему невыгодными, отъ нея отказаться. Другое дѣло, если требованія предъявлены ему при окончаніи постройки; затраты имъ уже сдѣланы, бросить постройку онъ, безъ полнаго разоренія, не можетъ—но разорительны и передѣлки или новыя работы, къ которымъ его понуждаютъ. Положеніе лица, намѣревающагося основать новое изданіе, аналогично съ положеніемъ лица, затѣвающаго постройку дома; положеніе издателя, дѣло котораго находится въ полномъ ходу, аналогично съ положеніемъ домовладѣльца, заканчивающаго или закончившаго постройку... Нужны ли еще какія-либо доказательства тому, что законъ 6-го апрѣля 1865-го г., установивъ для *перехода* изданій другой порядокъ, чѣмъ для *первоначальнаго ихъ разрѣшенія*, отнюдь не впалъ въ *противорѣчіе* съ самимъ собою? Повторяемъ еще разъ, мы конечно не стоимъ за предварительное разрѣшеніе изданій: мы хотимъ только показать, что и при его существованіи нѣтъ никакой непослѣдовательности въ свободномъ переходѣ изданій, однажды разрѣшенныхъ.

„Въ дѣйствовавшемъ до сихъ поръ законѣ московская газета усматриваетъ, кромѣ „противорѣчія“ и „непослѣдовательности“, *недостатокъ*, заключающійся въ томъ, что не было принято мѣръ противъ зловреднаго вліянія издателей. На сцену выдвигаются, такимъ образомъ, соображенія общественной безопасности и общественной пользы, передъ которыми, въ случаѣ конфликта, отступаютъ на второй планъ соображенія гражданскаго права и личнаго, хотя бы и законнаго интереса. Есть ли, однако, въ занимающемъ насъ вопросѣ дѣйствительный поводъ для подобнаго конфликта? Такъ ли

слабо вооружена у насъ административная власть по дѣламъ печати, чтобы нельзя было обойтись безъ усиленія ея воздѣйствія на издателей? Судьба нашихъ періодическихъ изданій находится всецѣло въ рукахъ администраціи. Она располагаетъ по отношенію къ нимъ не только косвенными мѣрами понужденія и обузданія (въ родѣ запрещенія розничной продажи), но и прямыми (предостереженіе, пріостановка, прекращеніе изданія). Отъ нея зависитъ утвержденіе редактора, не только при самомъ основаніи изданія, но и при всякой дальнѣйшей перемѣнѣ редакціи. Она можетъ, наконецъ, обратиться къ содѣйствію прокуратуры и суда—и если на практикѣ это средство давно уже остается безъ примѣненія, то именно потому, что въ немъ не оказывается надобности, въ виду множества другихъ, для администраціи болѣе удобныхъ. Въ сравненіи съ такимъ могуществомъ, близкимъ къ всемогуществу, вліяніе издателя является величиной едва замѣтной—за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда оно останавливаетъ, умѣряетъ, смягчаетъ, т.-е. дѣйствуетъ за-одно съ вліяніемъ административнымъ. Издатели безъ того уже слишкомъ часто принимаютъ на себя роль цензоровъ-добровольцевъ, иногда болѣе строгихъ, чѣмъ цензора оффиціальные; искусственно поощрять ихъ къ тому едва-ли предстоитъ надобность. Интересъ издателя состоитъ въ томъ, чтобы предохранить изданіе отъ „случайностей", угрожающихъ его распространенію или даже самому его существованію. Этотъ интересъ гораздо сильнѣе, чѣмъ добавочное побужденіе, могущее явиться результатомъ новаго закона — побужденіе ладить съ администраціей, чтобы не встрѣтить съ ея стороны препятствій къ передачѣ изданія въ другія руки. Вѣдь при такой передачѣ вниманіе администраціи будетъ обращено не столько на издателя-продавца, сколько на издателя-покупщика; благонадежность перваго, какъ бы она ни была велика, не заставитъ смотрѣть сквозь пальцы на второго. Въ иныхъ случаяхъ, пожалуй, расположеніе администраціи къ издателю можетъ даже затруднить переходъ изданія въ другія

руки; кому же охота мѣнять вѣрное на невѣрное, испытаннаго союзника на возможнаго противника?.. Въ исторіи нашей печати можно найти немало случаевъ, когда издатель, безупречный, съ административной точки зрѣнія, въ моментъ основанія изданія, оказывался совершенно инымъ нѣсколько лѣтъ спустя, потому ли, что онъ измѣнялся самъ, потому ли, что измѣнялись обстоятельства. Вполнѣ возможна такая перемѣна и въ издателѣ, допущенномъ администраціею къ пріобрѣтенію изданія уже существующаго. Прочной гарантіей благонадежности издателя административное согласіе на передачу изданія считать, такимъ образомъ, нельзя; крайне обременительное для частныхъ лицъ, оно не представляетъ несомнѣнныхъ удобствъ и для административной власти... Намъ говорятъ о „подставныхъ“ редакторахъ; но развѣ невозможны подставные издатели? Однородныя причины влекутъ за собою однородныя послѣдствія; если ничѣмъ не ограниченное право отказа въ утвержденіи редактора вызываетъ иногда обходъ закона, то къ тому же результату можетъ привести и ничѣмъ не ограниченное право отказа въ передачѣ изданія. Вся разница будетъ въ томъ, что, при значительности матеріальныхъ интересовъ, сопряженныхъ съ издательскимъ правомъ, подставной издатель будетъ обходиться гораздо дороже, чѣмъ подставной редакторъ, и рискъ со стороны настоящаго издателя будетъ гораздо больше... Фальшивое положеніе всегда служитъ источникомъ деморализаціи, и она не замедлитъ усилиться въ области печати, какъ только увеличится здѣсь число подставныхъ лицъ; а увеличится это число неизбѣжно, подобно тому, какъ при запрещеніи извѣстнымъ категоріямъ лицъ покупать и арендовать недвижимыя имѣнія возрастаетъ число подставныхъ покупщиковъ и арендаторовъ. „Издателями—говоритъ московская газета—бываютъ у насъ только лица, дѣйствительно заинтересованныя въ дѣлѣ“. До сихъ поръ это было такъ; но почему? Именно потому, что для передачи изданія не было надобности въ административномъ разрѣшеніи.

„Изъ того, что постановленіе 28-го марта имѣетъ характеръ временной, „Московскія Вѣдомости“ выводятъ совершенно непредвидѣнное заключеніе. „Сообразно этому своему характеру,—говоритъ газета,—новый законъ не разрѣшаетъ всѣхъ возможныхъ случаевъ перехода изданій отъ одного лица къ другому. Такъ напримѣръ, онъ не касается случаевъ перехода изданій по наслѣдству, случаевъ принудительной продажи изданій на покрытіе судебныхъ взысканій и т. д. Надо думать, что при обѣщанномъ измѣненіи дѣйствующихъ правилъ о печати будутъ предусмотрѣны и всѣ эти вопросы, такъ какъ оставленіе, напримѣръ, права принудительной продажи изданій по судебнымъ взысканіямъ дастъ весьма легкій способъ къ обходу закона 28-го марта“. Итакъ, измѣненіе дѣйствующихъ правилъ о печати должно принести съ собою новое ухудшеніе положенія печати? Не того ожидали и ожидаютъ обыкновенно отъ пересмотра, въ законодательномъ порядкѣ, устава о цензурѣ и печати. Не можетъ быть, чтобы новый *законъ* о печати — законъ въ истинномъ смыслѣ этого слова—подчинилъ административному разрѣшенію передачу изданій по *наслѣдству*. Наслѣдникъ (особенно наслѣдникъ въ прямой линіи) является какъ бы продолжателемъ личности наслѣдодателя; имущественныя права, принадлежавшія послѣднему, переходятъ къ первому въ томъ же видѣ, въ томъ же объемѣ. Всякое отступленіе отъ этого начала отозвалось бы весьма замѣтно на всей системѣ нашихъ гражданскихъ законовъ. Представимъ себѣ такой случай: періодическое изданіе, въ рукахъ опытнаго издателя, идетъ какъ нельзя лучше, даетъ большой доходъ, составляетъ значительную цѣнность; семья издателя, состоящая изъ малолѣтнихъ дѣтей, живетъ въ довольствѣ. Внезапно издатель умираетъ; опекунъ его дѣтей, назначенный по завѣщанію, признается администраціей не имѣющимъ качествъ, необходимыхъ для издателя; приходится или приступить къ ликвидаціи дѣла, или искать покупщика, угоднаго администраціи; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ наслѣдникамъ издателя достаются жалкія крохи,

и недавно еще обезпеченная семья лишается почти всякихъ средствъ къ существованію. Вѣдь это—своего рода конфискація имущества, безъ всякой вины со стороны владѣльца! Прибавимъ къ этому, что каждое періодическое изданіе даетъ работу множеству лицъ, для которыхъ внезапное его прекращеніе или понудительный переходъ въ другія руки является настоящей катастрофой. Наслѣдники издателя, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оставили бы все и всѣхъ въ томъ положеніи, какое установилось при его жизни; случайный пріобрѣтатель изданія не оставитъ въ немъ, быть можетъ, камня на камнѣ. Изъ-за чего же всѣ эти правонарушенія, всѣ эти рѣзкіе перевороты въ существованіи десятковъ или сотенъ людей? Неужели столь опасенъ безпрепятственный переходъ изданія къ наслѣднику (или вообще правопреемнику) издателя, разъ что за администраціей остаются тысяча-и-одно средство „воздѣйствія“ на изданіе?.. Наравнѣ съ переходомъ изданія по наслѣдству, московская газета предлагаетъ подчинить административному разрѣшенію и переходъ изданія путемъ продажи съ публичнаго торга, за долги издателя. Это повело бы, съ одной стороны, къ вздорожанію кредита подъ періодическія изданія, соразмѣрному съ увеличеніемъ риска, съ другой стороны — къ разоренію кредиторовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда продажа изданія не могла бы состояться за недостаткомъ покупщиковъ, одобренныхъ администраціей.

„Распространяется ли положеніе 28-го марта на всѣ періодическія изданія, или только на тѣ, которыя разрѣшены и будутъ разрѣшены послѣ его обнародованія? Съ перваго раза можетъ показаться, что это—вопросъ безспорный: никакой оговорки въ текстѣ постановленія не сдѣлано и, слѣдовательно, оно обнимаетъ собою всѣ будущіе случаи перехода изданій, независимо отъ времени ихъ основанія. На самомъ дѣлѣ, однако, это едва ли такъ. Предпринимая изданіе при дѣйствіи прежняго закона, издатель могъ считать себя полнымъ собственникомъ его, ничѣмъ не стѣсненнымъ въ распоряже-

нiи своею собственностью. Отсюда исходили всѣ его расчеты, всѣ его затраты. Весьма можетъ быть, что онъ никогда не рѣшился бы обратить свои средства на изданiе, еслибы зналъ, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ предстоитъ существенное ограниченiе издательскаго права. Простая осторожность помѣшала бы ему, если онъ отецъ семейства, рискнуть будущностью своихъ дѣтей, оставивъ имъ наслѣдство, цѣнность котораго зависитъ всецѣло отъ усмотрѣнiя администрацiи. Подведенiе существующихъ изданiй подъ дѣйствiе постановленiя 28-го марта было бы, такимъ образомъ—если не по буквѣ, то по внутреннему смыслу—нарушенiемъ основного начала, по которому законъ не долженъ имѣть обратной силы... Замѣтимъ, наконецъ, что новое правило, заключая въ себѣ отмѣну закона, подлежало разсмотрѣнiю въ порядкѣ, установленномъ для изданiя законовъ (ср. ст. 73 и 50 Зак. Основн.), т. е. должно было пройти черезъ Государственный Совѣтъ. *Временной* характеръ постановленiя ничего въ этомъ отношенiи не измѣняетъ, какъ потому, что дѣйствiе его не ограничено никакимъ опредѣленнымъ срокомъ, такъ и потому, что временныя мѣры вовсе не отнесены всецѣло къ предметамъ вѣдомства Комитета министровъ. Въ ст. 26 учрежд. Ком. мин., перечисляющей эти предметы, нѣтъ ни одного указанiя, подъ которое могла бы подойти отмѣна закона, хотя бы и на время. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, предполагать, что порядокъ перехода перiодическихъ изданiй разсматривался какъ „дѣло, относящееся до общаго спокойствiя и безопасности“ (ст. 26 пун. 1)—а остальными девятнадцатью пунктами ст. 26-й предусматриваются частные случаи, не имѣющiе рѣшительно ничего общаго съ вопросомъ о предѣлахъ издательскаго права“.

Отмѣна или измѣненiе закона, хотя бы путемъ „временнаго“ правила, издаваемаго внѣ законодательнаго порядка, достигается не безъ нѣкоторыхъ затрудненiй и замедленiй: проще и удобнѣе толкованiе закона, равносильное его измѣненiю. Такое толкованiе было допущено министерствомъ

внутреннихъ дѣлъ два раза, и оба раза оно касалось непеpioдической печати. Освобождая отъ предварительной цензуры оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе десяти и переводы объемомъ не менѣе двадцати печатныхъ листовъ (ст. 6 Уст. о ценз. и печати, основанная на законѣ 6-го апрѣля 1865-го года), законодатель несомнѣнно имѣлъ въ виду исключительно *размѣры* сочиненія. Небольшія и, слѣдовательно, дешевыя книги, могущія найти покупателей въ народѣ или во всѣхъ слояхъ читающей публики, признавались требующими болѣе дѣятельнаго надзора и бо̀льшихъ мѣръ предосторожности, чѣмъ книги сравнительно обширныя и дорогія. Съ этой точки зрѣнія—еще раньше вызвавшей аналогичныя правила и во Франціи временъ реставраціи, и въ Пруссіи временъ Фридриха-Вильгельма IV-го — совершенно безразлично, написана ли книга однимъ лицомъ или нѣсколькими, составляетъ ли она сборникъ статей одного и того же лица или различныхъ авторовъ. Если переводы были освобождены отъ цензуры лишь при вдвое большемъ числѣ листовъ, чѣмъ оригинальныя сочиненія, то это зависѣло, очевидно, лишь отъ сравнительной дешевизны переводовъ (вознагражденіе переводчика, по общему правилу, значительно ниже, чѣмъ вознагражденіе автора). Вопреки всѣмъ этимъ соображеніямъ, непрерывно, въ теченіе трехъ десятилѣтій, регулировавшимъ практику цензурныхъ комитетовъ и главнаго управленія по дѣламъ печати, дѣйствіе ст. 6-ой было признано, въ 1897 г., не распространяющимся на *сборники статей*, оригинальныхъ или переводныхъ, и такимъ образомъ сильно уменьшено число книгъ, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры. Единственнымъ основаніемъ для такого пониманія закона послужила его буква, да и то взятая не во всемъ ея объемѣ. Въ ст. 6-й говорится объ оригинальныхъ сочиненіяхъ, а подъ сочиненіемъ есть хоть тѣнь повода разумѣть нѣчто написанное однимъ авторомъ; но дальше идетъ рѣчь о *переводахъ*—а этимъ именемъ одинаково могутъ быть названы и цѣлыя сочиненія, и отдѣльныя статьи различныхъ

авторовъ. Между тѣмъ критерій, очевидно, долженъ быть одинъ и тотъ же въ обоихъ случаяхъ—и этимъ критеріемъ можетъ служить только *объемъ* книги. Нельзя себѣ даже представить такого соображенія, въ силу котораго десять листовъ, написанныхъ различными авторами, могли бы быть признаны болѣе опасными, болѣе вызывающими на осторожность, чѣмъ такое же количество листовъ, написанныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ.

Въ разрѣзъ съ многолѣтнею практикою и съ смысломъ закона шло и другое толкованіе, неблагопріятное для печати. Въ 1867-мъ году состоялось распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, установившее, въ разъясненіе употребленныхъ въ законѣ словъ: *печатный листъ*, нормальные размѣры листовъ различнаго формата и нормальное число строкъ въ каждомъ такъ называемомъ типографскомъ квадратѣ. Намъ не приходилось слышать, чтобы это разъясненіе подавало поводъ къ недоразумѣніямъ; если они и встрѣчались, то не могли быть особенно серьезны, такъ какъ правила 18-го мая 1867-го года дѣйствовали, безъ измѣненій, болѣе тридцати лѣтъ. Безспорное ихъ достоинство заключалось въ томъ, что они оставались на почвѣ закона, опредѣляя размѣръ печатнаго листа длиною и шириною составляющихъ его страницъ. Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 7 августа 1898 г., замѣнило этотъ способъ другимъ: оно предложило цензурнымъ комитетамъ руководствоваться, при опредѣленіи величины печатнаго листа, количествомъ печатнаго набора (шрифта), полагая таковой въ тридцать-три тысячи буквъ въ листѣ [1]). Величина листа и количество буквъ—понятія суще-

---

[1]) Хотя это распоряженіе и было мотивировано недоразумѣніями, къ которымъ, будто бы, подавалъ поводъ прежній порядокъ, но оно само не отличалось ясностью: подъ количествомъ буквъ въ листѣ можно понимать какъ количество, дѣйствительно имѣющееся на лицо въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, такъ и максимальное количество, допускаемое размѣромъ листа. Послѣднее толкованіе было бы благопріятнѣе для печати—но и при немъ границы безцензурности суживались весьма значительно.

ственно различныя. Первая подлежитъ измѣренію, второе— вычисленію; первая измѣняется сообразно съ форматомъ, второе, взятое какъ минимумъ, является постояннымъ. Между тѣмъ, ст. 6 уст. о ценз. и печ. обнимаетъ собою, очевидно, листы разныхъ форматовъ и разной печати, а слѣдовательно, и разнаго количества буквъ; пріурочить послѣднее къ неподвижной цифрѣ можно было бы только путемъ измѣненія закона. Цифра (33 тыс.), указанная въ распоряженіи министра внутреннихъ дѣлъ, была, въ добавокъ, весьма высокой; при дѣйствіи правилъ 1867-го года минимальное количество буквъ въ листѣ могло не превышать одиннадцати тысячъ. Съ особенною ясностью незаконность и нецѣлесообразность распоряженія 7-го августа 1898-го года была раскрыта сенаторомъ А. Л. Боровиковскимъ, въ статьѣ, помѣщенной въ № 3 оффиціознаго „Журнала Министерства Юстиціи" за 1899-ый годъ [1]). Оба нововведенія оказались недолговѣчными; дѣйствіе ихъ на практикѣ прекратилось, если мы не ошибаемся, еще до перемѣны въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Къ области толкованія закона относится еще другой рядъ распоряженій, вошедшихъ въ обычай въ разсматриваемое нами время. Утвержденіе редактора, при основаніи новаго изданія, предоставлено закономъ усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, разрѣшеніе котораго требуется и для замѣны одного редактора другимъ (уст. о ценз. и печ. ст. 117—119 и 122). Дискреціонная власть этого рода сама по себѣ чрезвычайно опасна для печати: всякій разъ, когда изданіе остается безъ редактора, вслѣдствіе его смерти, тяжкой болѣзни, отъѣзда или добровольнаго отказа, оно оказывается висящимъ на волоскѣ, такъ какъ ничто не мѣшаетъ министерству внутреннихъ дѣлъ отказывать въ утвержденіи всѣмъ лицамъ, представляемымъ ему издателемъ въ качествѣ канди-

---

[1]) Нашъ отзывъ объ этой статьѣ, съ указаніемъ какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ сторонъ ея, см. въ общественной хроникѣ № 4 „Вѣстника Европы" за 1899 г.

датовъ на званіе редактора. И дѣйствительно, извѣстны случаи, когда неутвержденіе редактора пріостанавливало выходъ изданія на нѣсколько недѣль („Недѣля", въ 1872 г.), на нѣсколько мѣсяцевъ („Дѣло", въ 1884 и 1885 гг.), и даже влекло за собою его прекращеніе, за силою ст. 121-ой, по которой всякое повременное изданіе, уже выходившее въ свѣтъ, но по какимъ-либо причинамъ не появлявшееся въ теченіе года, считается прекратившимся. Прекращенною, на этомъ основаніи, была признана министерствомъ внутреннихъ дѣлъ „Московская Газета", судьба которой подала поводъ къ любопытному процессу[1]). Какъ бы то ни было, въ подобномъ

[1]) Разсмотрѣвъ жалобу издателя на распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, Прав. Сенатъ нашелъ, что по точному смыслу 121 ст. уст. ценз. считается прекратившимся всякое повременное изданіе, уже выходившее въ свѣтъ, но по какимъ-либо причинамъ не появлявшееся въ теченіе года. Выраженіе: „по какимъ-либо причинамъ" предусматриваетъ разнообразные случаи, вслѣдствіе которыхъ въ выпускѣ въ свѣтъ повремен. изданія можетъ произойти перерывъ, но при этомъ, очевидно, должно быть понимаемо въ соотвѣтствіи съ общимъ смысломъ постановленій уст. ценз. и не можетъ быть распространяемо на такіе случаи, относительно которыхъ въ названномъ уставѣ содержатся особыя указанія. Въ этомъ отношеніи прежде всего нельзя не обратить вниманія на вытекающее изъ сопоставленія ст. 121 и 141 уст. ценз. различіе между изданіями прекратившимися и прекращенными: хотя для возобновленія тѣхъ и другихъ законъ одинаково требуетъ разрѣшенія м-ра вн. д., но, не смѣшивая ихъ между собою, именуетъ прекращенными тѣ изданія, которыя прекращены по распоряженію правительства, а прекратившимися тѣ, которыя перестали выходить въ свѣтъ по причинамъ, зависящимъ отъ самого издателя. Засимъ ст. 121 находится въ ближайшей связи съ предшествующею ей ст. 120 уст. ценз.: одна говоритъ объ изданіяхъ несостоявшихся, т. е. невыпущенныхъ въ свѣтъ въ теченіе года со дня полученія разрѣшенія на изданіе, вторая—о прекратившихся, т. е. объ изданіяхъ уже выпущенныхъ въ свѣтъ, но не появлявшихся въ теченіе года. Въ обоихъ этихъ случаяхъ предполагается наличность отвѣтственнаго редактора, такъ какъ безъ нея не допускается ни разрѣшеніе новаго повремен. изданія (ст. 118, 119 уст. ценз.) ни выпускъ въ свѣтъ существующаго (ст. 134 уст. ценз.); поэтому отсутствіе редактора, вызванное не причинами, находящимися въ зависимости отъ воли издателя, а неутвержденіемъ въ званіи отвѣтственнаго редактора

положеніи, затруднительномъ или даже безвыходномъ, могло очутиться только изданіе, почему-либо потерявшее своего редактора. Въ концѣ 1896-го года административная практика пошла дальше: разрѣшено было нѣсколько новыхъ безцензурныхъ изданій, но редакторы ихъ были утверждены лишь въ качествѣ *временныхъ*, т. е. такихъ, полномочія которыхъ могутъ быть взяты назадъ во всякое время, безъ объясненія причинъ. Послѣдствія такого порядка обнаружились весьма скоро: смѣна временныхъ редакторовъ, въ связи съ невозможностью достигнуть для кого-нибудь изъ нихъ (или вообще для кого бы то ни было) окончательнаго утвержденія, повлекла за собою уже въ 1897-мъ году прекращеніе „Луча" и „Руси"—двухъ газетъ, много обѣщавшихъ въ будущемъ (постояннымъ сотрудникомъ послѣдней былъ, между прочимъ, Владиміръ Сергѣевичъ Соловьевъ). Такое положеніе дѣлъ—говорили мы по этому поводу въ майской хроникѣ 1897-го года,—„нельзя признать нормальнымъ. При той власти, которою облечена администрація по отношенію къ печати, едва ли нужны еще косвенные способы воздѣйствія на нее, къ числу которыхъ принадлежитъ необыкновенная, чрезвычайная разборчивость

м-ромъ вн. д. лицъ, представленныхъ ему издателемъ, является конечно препятствіемъ къ выходу въ свѣтъ повремен. изданія, но не подходитъ подъ дѣйствіе какъ 120, такъ и 121 статей уст. ценз. и не можетъ имѣть для самаго изданія указанныхъ въ послѣдней статьѣ послѣдствій. Допустить иное пониманіе закона и признать неутвержденіе м-ромъ вн. д. въ званіи редактора представленныхъ ему издателемъ лицъ такою причиною невыхода въ свѣтъ изданія, которая влечетъ за собою объявленіе его прекратившимся по ст. 121 уст. ценз., было бы равносильно признанію за м-ромъ вн. д., которому принадлежитъ лишь дискреціонное право утверждать или не утверждать редактора (ст. 122 уст. ценз.), также и дискреціоннаго права прекращать поврем. изданія, такъ какъ въ каждомъ поврем. изданіи, въ случаѣ смерти редактора, отказа его отъ своихъ обязанностей или утраты имъ своего званія по силѣ ст. 123 уст. ценз., можетъ наступить такое положеніе дѣлъ, при которомъ отъ усмотрѣнія м-ра вн. д. зависитъ не утверждать втеченіе года редактора и засимъ объявить изданіе прекратившимся (Опредѣленіе перваго общаго. собр. Пр. Сената 27 ноября 97 г.—26 марта 99 г., № 56/99).

въ допущеніи редакторовъ. Трудно предположить, чтобы между лицами, представляемыми въ редакторы, не нашлось ни одного, *возможнаго* съ точки зрѣнія администраціи. Вѣдь если утвержденный редакторъ сообщитъ газетѣ такъ-называемое вредное направленіе или пойдетъ въ разрѣзъ съ установленными правилами, противъ него и противъ газеты можетъ быть пущенъ въ ходъ цѣлый рядъ мѣръ, цѣлый арсеналъ разнообразнѣйшихъ оружій; зачѣмъ же предъявлять къ редактору такія требованія, которымъ, какъ оказывается, никто или почти никто не удовлетворяетъ? По смыслу и духу закона, редакторъ вовсе не долженъ быть лицомъ угоднымъ, пріятнымъ администраціи; вполнѣ достаточно, если онъ не принадлежитъ къ числу людей *явно-неблагонадежныхъ*, т. е. признанныхъ неблагонадежными со стороны подлежащаго вѣдомства. Всякое другое толкованіе или примѣненіе закона должно, въ концѣ концовъ, обратить періодическую печать въ коллекцію одноцвѣтныхъ изданій, отличающихся другъ отъ друга развѣ незначительными оттѣнками. Мы знаемъ, что именно таковъ идеалъ *охранительныхъ* газетъ и ультра-благонамѣренныхъ книгъ—но не къ нему, до сихъ поръ, стремилось законодательство о печати, мирившееся, съ 1865 г. и даже раньше, съ разнообразіемъ направленій, какъ съ необходимымъ условіемъ развитія и жизни".

Въ дѣйствующемъ уставѣ о цензурѣ и печати, представляющемъ собою не органическое цѣлое, а пеструю мозаику постановленій, состоявшихся въ разное время и подъ вліяніемъ различныхъ теченій, легко найти коллекцію боевыхъ орудій, полузабытыхъ, вышедшихъ изъ употребленія, но все еще опасныхъ для беззащитнаго противника. Пользованіе этими орудіями усилилось именно въ разсматриваемый нами періодъ и вызвало насъ на цѣлый рядъ замѣчаній, изложенныхъ въ январьскомъ внутреннемъ обозрѣніи и апрѣльской общественной хроникѣ 1898-го года. Пунктъ 1-й ст. 96 уст. о ценз. налагаетъ запретъ на статьи, возбуждающія непріязнь и ненависть одного сословія къ другому. Ссылкою

на этотъ пунктъ было мотивировано запрещеніе печатать частныя объявленія, которому подверглись, въ декабрѣ 1897-го года, „Биржевыя Вѣдомости“, за статью: „Что думаютъ и дѣлаютъ въ провинціи“, приписывавшую одному изъ помѣщиковъ бѣлостокскаго уѣзда угнетеніе народа и нарушеніе хозяйственныхъ правъ крестьянъ. Отдѣленіе восьмое устава о цензурѣ и печати, въ составъ котораго входитъ ст. 96-ая, озаглавлено: „Правила въ руководство цензурѣ“ и относится, слѣдовательно, къ печати подцензурной, а не къ безцензурнымъ періодическимъ изданіямъ, дѣятельность которыхъ регулируется слѣдующими отдѣленіями устава, девятымъ и десятымъ, а также постановленіями уголовнаго характера, перешедшими изъ закона 6-го апрѣля 1865-го года въ уложеніе о наказаніяхъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить первый пунктъ ст. 96 уст. о ценз. и печ. съ ст. 1036 уложенія, запрещающею, подъ страхомъ наказанія, „учиненіе въ печати воззванія, возбуждающаго вражду въ одной части населенія государства противъ другой, или въ одномъ сословіи противъ другого“. Цѣль обѣихъ статей—болѣе или менѣе одна и та же, но первая изъ нихъ содержитъ въ себѣ указаніе цензорамъ (т.-е. имѣетъ въ виду печать подцензурную), вторая—угрозу повременнымъ изданіямъ, освобожденнымъ отъ цензуры. Для одновременнаго или безразличнаго примѣненія обоихъ правилъ нѣтъ, слѣдовательно, мѣста: каждое изъ нихъ имѣетъ свою особую сферу дѣйствія. Не тождественны они и по своему существу: ст. 1036-ая не случайно говоритъ о *воззваніи*, возбуждающемъ *вражду*, между тѣмъ какъ въ ст. 96-ой просто идетъ рѣчь о возбужденіи ненависти и непріязни. Подъ именемъ *воззванія* законодатель разумѣлъ, очевидно, *призывъ* къ страстямъ, къ предубѣжденіямъ, къ предразсудкамъ, господствующимъ въ разныхъ слояхъ общества — призывъ, совершенный съ *намѣреніемъ* возбудить *вражду*, т.-е. активно-непріязненныя отношенія между сословіями. Нельзя *догадываться* о существованіи такого намѣренія, нельзя выводить

его, путемъ предположеній, изъ *возможныхъ* послѣдствій статьи или книги; нужно, чтобы оно было выражено положительно и прямо. Другое дѣло—ст. 96-ая; центръ тяжести ея лежитъ не въ намѣреніи автора, а въ дѣйствіи, которое *могутъ* произвести его слова, хотя бы помимо его воли. Оба постановленія соотвѣтствуютъ условіямъ, при которыхъ они возникли. Ст. 96-ая, основанная на законѣ 12-го мая 1862-го года,—когда безцензурной печати не было еще вовсе, а подцензурную признано было необходимымъ нѣсколько „подтянуть",—имѣла въ виду охрану „тиши и глади", устраненіе всего грозившаго хотя бы легкимъ броженіемъ умовъ; законъ 1865 г. допускалъ и освящалъ борьбу мнѣній, лишь бы она оставалась въ предѣлахъ благоразумія и умѣренности. Припомнимъ, чтó и какъ говорилось, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, по поводу вопросовъ сословныхъ и національныхъ: не ясно ли, что въ то время не было и мысли о примѣненіи къ безцензурной печати правила, установленнаго для совершенно другихъ цензурныхъ порядковъ? Не ясно ли, что при дѣйствіи ст. 96-й не могли бы, напримѣръ, появиться въ свѣтъ ни статьи „Московскихъ Вѣдомостей" объ остзейскомъ дворянствѣ, ни многія статьи „Вѣсти" о крестьянахъ?.. Въ одномъ отношеніи, впрочемъ, ст. 96 уст. о ценз. и печ. ничѣмъ не отличается отъ ст. 1036 уложенія: и тутъ, и тамъ идетъ рѣчь о возбужденіи вражды или непріязни между *сословіями*. Иными словами, и объектомъ вражды, и ея субъектомъ, какъ тамъ, такъ и тутъ является цѣлая общественная группа. Ни подъ ту, ни подъ другую статью не можетъ, слѣдовательно, быть подведено возбужденіе враждебнаго чувства въ отдѣльныхъ лицахъ—противъ сословія, или въ сословіи—противъ отдѣльныхъ лицъ, или, наконецъ, въ отдѣльныхъ лицахъ—противъ отдѣльныхъ лицъ (или отдѣльнаго лица). „Биржевыя Вѣдомости" приписали отдѣльному лицу незаконныя распоряженія, которыми нарушаются хозяйственныя права другихъ отдѣльныхъ лицъ. Чья же непріязнь или ненависть могла быть этимъ возбуждена

и противъ кого? Если распоряженія даннаго лица дѣйствительно и существенно нарушаютъ права мѣстныхъ крестьянъ, то непріязнь въ средѣ послѣднихъ существовала помимо и раньше появленія газетной статьи; если же непріязни не было, то ея, конечно, не создастъ и статья, по всей вѣроятности, вдобавокъ, вовсе неизвѣстная крестьянамъ. О возбужденіи противъ помѣщика непріязни со стороны всего крестьянскаго сословія, или хотя бы со стороны всѣхъ крестьянъ бѣлостокскаго уѣзда, не можетъ быть и рѣчи: слишкомъ мало еще развита солидарность между крестьянами различныхъ мѣстностей, чтобы обида, испытываемая одними, могла быть такъ живо принята къ сердцу всѣми или многими другими. Если-бы, наконецъ, и могло возникнуть въ крестьянской массѣ нѣчто въ родѣ враждебнаго чувства противъ землевладѣльца, притѣсняющаго небольшую ея долю, то это чувство не имѣло бы ничего общаго съ непріязнью противъ всего дворянства или противъ всего помѣщичьяго класса; кто же не понимаетъ, что многочисленная общественная группа, представители которой раскинуты, притомъ, по всей имперіи, а связаны между собою, и то весьма слабо, только въ предѣлахъ губерніи, не несетъ на себѣ отвѣтственности за поступки одного изъ своей среды? Въ Гродненской губерніи, вдобавокъ, уже нѣсколько десятилѣтій не бываетъ дворянскихъ собраній; ея дворянство не имѣетъ, слѣдовательно, даже и тѣхъ немногихъ средствъ воздѣйствія на одного изъ своихъ членовъ, которыми располагаютъ (но фактически почти никогда не пользуются) дворянскія корпораціи коренныхъ русскихъ губерній. Если законъ беретъ на себя охрану мира между сословіями, то это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что сословная вражда угрожаетъ спокойствію государства, во-вторыхъ—тѣмъ, что сословія, не образуя, въ цѣломъ своемъ составѣ, юридическихъ лицъ, не имѣя представителей, которые были бы уполномочены дѣйствовать вмѣсто нихъ и отъ ихъ имени, не могутъ защищаться сами, не могутъ ни отвѣчать на нападеніе, ни отражать его путемъ судебнаго

иска. Для отдѣльнаго лица, наоборотъ, вполнѣ доступно и то, и другое: отъ него зависитъ возстановить искаженные факты, изобличить ложь, предъявить къ оскорбителю обвиненіе въ диффамаціи или клеветѣ. Это устраняетъ всякую надобность въ административномъ вмѣшательствѣ, одинаково неудобномъ для обѣихъ сторонъ: для частнаго лица—потому что оно остается подъ бременемъ взведеннаго на него и ничѣмъ не опровергнутаго обвиненія; для періодическаго изданія—потому что оно лишено возможности доказать достовѣрность сообщенныхъ имъ фактовъ или справедливость высказанныхъ имъ сужденій. Представимъ себѣ, что разбираемый нами случай, стоящій до сихъ поръ совершеннымъ особнякомъ въ исторіи русской печати, пріобрѣтетъ значеніе прецедента: всякое сообщеніе, неблагопріятное для частнаго лица, будетъ признаваться неблагопріятнымъ для общественной группы, къ которой это лицо принадлежитъ, и, слѣдовательно, недопустимымъ въ печати, какъ возбуждающее непріязнь къ цѣлому сословію. Во что̀ обратится тогда возможность обнаруженія, путемъ печати, разныхъ злоупотребленій, притѣсненій, беззаконій? И теперь уже эта возможность ограничена весьма сильно, съ одной стороны—административнымъ нерасположеніемъ къ обвиненіямъ, прямо или косвенно затрогивающимъ дѣятельность власти, съ другой—„обывательскою“ враждою къ гласности, столь тяжело отзывающеюся въ особенности на провинціальныхъ корреспондентахъ. Не встрѣчая отпора, оставаясь безгласными, нежелательныя явленія будутъ повторяться все чаще и чаще, обостряться все больше и больше—и параллельно съ этимъ будетъ расти взаимная непріязнь, гораздо болѣе глубокая, чѣмъ та, которую могло бы вызвать самое рѣзкое изобличительное слово.

Статья 96-ая уст. о ценз. и печ.—далеко не единственное „правило въ руководство цензурѣ“, сила котораго, въ разсматриваемое нами время, распространялась не только на подцензурную, но и на безцензурную прессу. Одновременно съ прекращеніемъ печатанія частныхъ объявленій въ „Бирже-

выхъ Вѣдомостяхъ", та же карательная мѣра была примѣнена къ „Русскому Труду", за „сообщеніе слуховъ о содержаніи неопубликованной еще во всеобщее свѣдѣніе государственной росписи на 1898-ой годъ". Ст. 100-ая уст. о ценз. и печ., которою на этотъ разъ была мотивирована кара, помѣщена въ томъ же восьмомъ отдѣленіи уст. о ценз. и печ. и основана на томъ же законѣ 12-го мая 1862-го года. Она не дозволяетъ „распубликованія по однимъ слухамъ предполагаемыхъ, будто бы, правительствомъ мѣръ, пока онѣ не объявлены законнымъ образомъ". Если-бы эта статья была не только указаніемъ для цензоровъ, но и правиломъ, обязательнымъ для редакцій, то не проходило бы дня, когда подъ дѣйствіе ея не подошло бы нѣсколько періодическихъ изданій. Сообщенія о приготовляемыхъ или проектируемыхъ мѣрахъ, законодательныхъ или административныхъ, составляютъ ежедневно непремѣнную часть газетной хроники и до такой степени вошли въ привычку, что никакихъ сомнѣній относительно ихъ законности ни у кого не возникало: требовалось только, чтобы они не были завѣдомо невѣрны и не касались такихъ предметовъ, на обсужденіе которыхъ въ печати наложено спеціальное административное veto. Ст. 100-ая разсматривалась, очевидно, какъ остатокъ другой эпохи и развѣ въ исключительныхъ случаяхъ принималась въ соображеніе даже тѣми лицами и учрежденіями, для которыхъ она когда-то была написана, т. е. цензорами и цензурными комитетами. Антикварный ея характеръ доказывается уже и тѣмъ, что она говоритъ только о *распубликованіи* предполагаемыхъ мѣръ, а не объ ихъ *разборѣ*. Въ настоящее время совершенно обычнымъ является именно *разборъ* законопроектовъ, оффиціально не оглашенныхъ—и не встрѣчаетъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, никакихъ затрудненій. Измѣнить этотъ порядокъ вещей, значило бы возвратиться къ до-реформенной эпохѣ, когда печать могла только буквально воспроизводить содержаніе обнародованныхъ постановленій, воздерживаясь отъ всякихъ собственныхъ сужденій — даже одобрительныхъ, такъ какъ

возможность похвалы предполагаетъ возможность порицанія.

Что ст. 96-ая и 100-ая, наравнѣ со всѣми другими, входящими въ составъ отдѣленія восьмого устава о цензурѣ и печати, имѣли и имѣютъ только значеніе инструкцій цензурѣ, даже для нея, съ теченіемъ времени, отчасти потерявшихъ свою силу—это показываетъ съ особенною ясностью содержаніе статей 97-ой и 98-ой того же отдѣленія, заимствованныхъ все изъ того же закона 12-го мая 1862-го г. На основаніи ст. 97, „при разсмотрѣніи сочиненій и статей о несовершенствѣ существующихъ у насъ постановленій, дозволяются къ печати только спеціальныя ученыя разсужденія, написанныя тономъ приличнымъ предмету и притомъ касающіяся такихъ постановленій, недостатки которыхъ обнаружились уже на опытѣ“. Совершенно иными условіями обставленъ разборъ дѣйствующихъ постановленій закономъ 6-го апрѣля 1865 г., въ той его части, которая образовала примѣчаніе къ ст. 1035 улож. о наказ. „Не вмѣняется въ преступленіе“—читаемъ мы здѣсь—„и не подвергается наказаніямъ обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій оскорбительныхъ для установленныхъ властей“. Для безцензурной печати не существуетъ, слѣдовательно, двухъ ограниченій, установленныхъ ст. 97 уст. о ценз. и печати. Не требуется, чтобы указаніе на недостатки закона или законодательства было облечено въ форму „спеціальнаго ученаго разсужденія“; не требуется также, чтобы указываемые недостатки обнаружились уже на опытѣ. Другими словами, законы, только-что вступившіе въ силу, подлежатъ разбору наравнѣ съ законами дѣйствующими издавна, и самому разбору можетъ быть данъ какъ научный, такъ и публицистическій характеръ, съ соблюденіемъ только сдержанности тона и уваженія къ обязательной силѣ закона. Со-

вершенно невозможнымъ представляется, очевидно, одновременное примѣненіе къ однимъ и тѣмъ же произведеніямъ печати какъ ст. 97 о ценз. и печ., такъ и прим. къ ст. 1035 уложенія; послѣдній изъ этихъ двухъ законовъ устраняетъ, для безцензурной печати, дѣйствіе перваго—а отсюда прямо слѣдуетъ выводъ, что и другія „правила въ руководство цензурѣ" сохраняютъ свою силу лишь въ предѣлахъ вѣдомства *предварительной* цензуры. Такой же выводъ вытекаетъ и изъ ст. 98-й, по которой „въ разсужденіяхъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ администраціи и судебныхъ мѣстъ не допускается печатанія именъ лицъ и собственнаго названія мѣстъ и учрежденій". Еслибы это правило было примѣнимо къ безцензурной печати, то совершенно непонятной являлась бы та часть ст. 1039-ой уложенія (основанной на законѣ 6-го апрѣля 1865 г.), которая грозитъ наказаніемъ за оглашеніе въ печати о *должностномъ лицѣ* или объ *установленіи* обстоятельствъ, могущихъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени. Здѣсь имѣется въ виду, несомнѣнно, *наименованіе* должностного лица или установленія—т.-е. нѣчто совершенно невозможное при дѣйствіи ст. 98 уст. о ценз. и печ. Если обвиняемый по ст. 1039 докажетъ, посредствомъ письменныхъ доказательствъ, справедливость позорящаго обстоятельства, касающагося служебной или общественной дѣятельности лица, занимающаго должность по опредѣленію отъ правительства или по выборамъ, то онъ освобождается отъ наказанія за диффамацію. Допускается, такимъ образомъ, не только поименное указаніе должностныхъ лицъ, дѣятельность которыхъ несвободна отъ „недостатковъ" и „злоупотребленій"—допускается даже прямое обвиненіе ихъ въ дѣяніяхъ позорныхъ, если оно можетъ быть подтверждено на судѣ, путемъ доказательствъ, признаваемыхъ наиболѣе достовѣрными. Не ясно ли, что законъ 6-го апрѣля 1865 г. порвалъ всякую связь съ искусственнымъ obереганіемъ должностныхъ лицъ, выросшимъ на почвѣ канцелярской тайны, административнаго произвола, негласнаго

суда, и нашедшимъ себѣ выраженіе въ ст. 98-й уст. о ценз. и печати?

Первое предостереженіе, данное тогда же газетѣ „Сибирь", было мотивировано, между прочимъ, допущеннымъ газетою нарушеніемъ ст. 79 уст. о ценз. и печ., по которой разборъ и обсужденіе судебныхъ рѣшеній допускается только въ юридическихъ журналахъ и въ тѣхъ повременныхъ изданіяхъ, въ которыхъ существуетъ особый отдѣлъ юридической хроники. Въ программѣ „Сибири", какъ слѣдуетъ заключить изъ текста предостереженія, такого отдѣла не было, и слѣдовательно на разборъ судебныхъ рѣшеній газета не имѣла формальнаго права; но помѣщеніе въ періодическомъ изданіи статьи, выходящей изъ предѣловъ утвержденной для него программы, составляетъ проступокъ, предусмотрѣнный ст. 1028 улож. о наказ. и наказуемый денежнымъ взысканіемъ не свыше пятидесяти рублей. Отсюда возникаетъ юридическій вопросъ, можетъ ли *формальное* нарушеніе законовъ о печати, воспрещенное подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, служить основаніемъ къ административной карѣ? Намъ кажется, что не можетъ, какъ потому, что предостереженіямъ отведено мѣсто въ особомъ отдѣленіи устава о цензурѣ и печати, озаглавленномъ: „О мѣрахъ противъ распространенія произведеній печати, обнаружившихъ *вредное направленіе* (т.-е. навлекающихъ на себя преслѣдованіе не по формѣ, а по существу), и объ административныхъ взысканіяхъ"—такъ и потому, что самая умѣренность взысканія, назначеннаго ст. 1028 уложенія, прямо указываетъ на маловажность нарушенія и стоитъ внѣ всякой пропорціи съ тяжкими послѣдствіями предостереженія (въ особенности третьяго). Большому сомнѣнію подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, самая цѣлесообразность правила, заключающагося въ ст. 70-й и основаннаго на законѣ 20-го ноября 1864 г., изданномъ одновременно съ судебными уставами. Оно было совершенно понятно въ то время, когда глубокая тайна, такъ долго покрывавшая отправленіе правосудія, только-что должна была уступить мѣсто гласности. Можно

было опасаться, что печать, также стоявшая наканунѣ коренного переворота, не сумѣетъ сразу примѣниться къ своимъ новымъ полномочіямъ и повредить, легкомысленной и неосновательной критикой, авторитету новаго суда. Отсюда осторожность въ регулированіи правъ печати на обсужденіе судебныхъ рѣшеній — осторожность, едва ли необходимая теперь, когда судебныя учрежденія 1864-го года давно вошли въ жизнь, судебная тайна отошла въ разрядъ преданій, а о необузданности печатнаго слова не можетъ быть и рѣчи.

Примѣняя къ безцензурнымъ изданіямъ постановленія, несомнѣнно относящіяся только къ печати подцензурной, да и въ этой области давно ставшія анахронизмомъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, во второй половинѣ девятидесятыхъ годовъ, широко пользовалось и всѣми другими орудіями, состоящими въ распоряженіи администраціи. Въ теченіе четырехъ лѣтъ (1895—99) было дано двадцать четыре предостереженія; пріостановлены послѣ третьяго предостереженія, на срокъ отъ двухъ недѣль до шести мѣсяцевъ, семь изданій („Гражданинъ“, „Хозяинъ“, „Сибирь“, „Русскія Вѣдомости“, „Русь“, „Русскій Трудъ“ и „Биржевыя Вѣдомости“); запрещеніе розничной продажи состоялось 27 разъ, запрещеніе печатать частныя объявленія—9 разъ; пріостановлено безъ предостереженій восемнадцать изданій (въ томъ числѣ два—по два раза), почти исключительно провинціальныхъ, т. е. подцензурныхъ; совершенно прекращены по опредѣленію совѣщанія четырехъ министровъ четыре изданія („Новое Слово“, „Начало“, „Русскій Трудъ“ и армянская газета „Ардзаганкъ“; въ рѣшеніи судьбы „Русскаго Труда“ принималъ участіе и министръ финансовъ, по иниціативѣ котораго состоялось запрещеніе). Замѣчательна мотивировка нѣкоторыхъ карательныхъ мѣръ, въ такомъ громадномъ количествѣ обрушивавшихся на печать. Въ предостереженіяхъ, данныхъ въ началѣ 1899-го года „Русскому Труду“ и „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“, указано „рѣзкое осужденіе іерархическаго устройства и управленія всѣми дѣлами православной церкви“, но

нѣтъ ни слова о „вредномъ направленіи“ обѣихъ газетъ или хотя бы статей, вызвавшихъ взысканіе. Между тѣмъ, источникъ критики—т. е. ея побудительная причина—представляется, въ такихъ случаяхъ, далеко не безразличнымъ: онъ опредѣляетъ собою намѣреніе и цѣль автора, а слѣдовательно и впечатлѣніе, производимое статьею. Осуждать *устройство* учрежденія можно какъ для того, чтобы поколебать, такъ и для того, чтобы укрѣпить его основы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто осужденіе второго рода (если только можно назвать *осужденіемъ* серьезное *обсужденіе* вопроса). Ручательствомъ въ томъ служитъ все прошедшее редакторовъ „Русскаго Труда“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, все содержаніе самихъ изданій. Въ „Христіанскомъ Чтеніи“ было напечатаны письма Андрея Николаевича Муравьева къ митрополиту московскому Филарету. Значеніе обоихъ корреспондентовъ въ исторіи православной церкви не требуетъ поясненій; столь же очевидно и то, что въ духовномъ журналѣ не можетъ появиться ничего несовмѣстнаго съ уваженіемъ къ церковному устройству и управленію. И что же? Письма Муравьева отъ 18-го февраля, 12 и 22-го марта 1857 г. представляютъ поразительное сходство со статьей г. Н. Дурново, вызвавшей второе предостереженіе „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“... Обѣимъ газетамъ, навлекшимъ на себя административную кару, ставилось въ вину, кромѣ рѣзкаго осужденія церковнаго устройства и управленія, еще „извращеніе историческихъ фактовъ“. Не говоря уже о томъ, что „извращеніе“ фактовъ равносильно *намѣренному* уклоненію отъ истины—въ данномъ случаѣ, какъ видно изъ сказаннаго выше, очень мало вѣроятному,—для исправленія фактическихъ неточностей, вольныхъ или невольныхъ, существуетъ лишь одно надежное средство: возстановленіе истины путемъ достовѣрныхъ доказательствъ. Между тѣмъ, читатели „Русскаго Труда“ и „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ остались въ полномъ невѣдѣніи не только относительно того, *почему* мнѣнія, высказанныя въ этихъ

газетахъ, должны почитаться несогласными съ дѣйствительностью, но и того, *въ чемъ* именно они съ нею несогласны.

Запрещеніе розничной продажи, которому тогда же подверглись „С.-Петербургскія Вѣдомости", было вызвано чисто формальнымъ и, по всей вѣроятности, ненамѣреннымъ нарушеніемъ цензурныхъ правилъ. По статьѣ 1024 улож. о наказ. напечатаніе, безъ цензурнаго разрѣшенія, произведенія, подлежащаго предварительной цензурѣ, хотя бы содержаніе напечатаннаго и не заключало въ себѣ ничего законопротивнаго, влечетъ за собою денежное взысканіе въ размѣрѣ не свыше 300 руб. и арестъ на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ. Тому же наказанію подвергаются виновные въ напечатаніи, безъ надлежащаго разрѣшенія, сочиненій и статей, касающихся особы Его Величества и прочихъ особъ Императорской Фамиліи. Если и предположить, что этотъ законъ могъ быть примѣненъ въ данномъ случаѣ къ редактору „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", то максимальная цифра денежнаго штрафа, которому онъ могъ подвергнуться по суду, составляла бы триста рублей—а судъ, конечно, опредѣлилъ бы взысканіе гораздо меньшее, такъ какъ высшая мѣра наказанія налагается лишь при обстоятельствахъ, особо увеличивающихъ вину. Совсѣмъ иное дѣло—запрещеніе розничной продажи: здѣсь размѣръ потери, которую фактически несетъ газета, представляется, съ одной стороны, совершенно неопредѣленнымъ, съ другой, при сколько нибудь продолжительномъ запрещеніи—несравненно высшимъ, чѣмъ триста рублей. Правда, въ составъ наказанія, налагаемаго судомъ по ст. 1024 уложенія, входитъ арестъ; но при ненамѣренности проступка арестъ всегда опредѣляется весьма краткосрочный и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ редакторъ предпочелъ бы два-три дня лишенія свободы нѣсколькимъ недѣлямъ запрещенія розничной продажи, тяжело отзывающагося не только на матеріальномъ успѣхѣ, но и на вліяніи газеты. По самому своему существу запрещеніе розничной продажи не можетъ, притомъ, считаться

подходящей карой за нарушеніе формальнаго характера: стремленіе уменьшить распространенность изданія понятно лишь тогда, когда признается „вреднымъ“ его содержаніе...

Лѣтомъ 1899-го года „Нижегородскій Листокъ“, выходящій подъ цензурой, былъ пріостановленъ на два мѣсяца за нарушеніе распоряженій, обязывавшихъ печать не касаться нѣкоторыхъ вопросовъ. Между тѣмъ, такія распоряженія объявляются исключительно редакторамъ повременныхъ изданій, изъятыхъ отъ предварительной цензуры. Это явствуетъ какъ изъ буквальнаго смысла ст. 140-ой и 156-ой (послѣдняя изъ нихъ предоставляетъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ случаѣ неисполненія редакторомъ повременнаго изданія, *выходящаго безъ предварительной цензуры*, распоряженія о неоглашеніи или необсужденіи какого-либо вопроса государственной важности, пріостанавливать выпускъ въ свѣтъ такого изданія на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ), такъ и изъ самаго положенія подцензурной печати. Редакторамъ подцензурныхъ изданій нѣтъ надобности знать, о чемъ имъ нельзя говорить, чего нельзя касаться: это знаютъ или обязаны знать тѣ должностныя лица, которымъ ввѣрена цензура. Нѣкоторыя распоряженія главнаго управленія по дѣламъ печати, основанныя на ст. 140-ой, сообщаются цензорамъ (или чиновникамъ, облеченнымъ цензорскими функціями), по всей вѣроятности, *секретно*, вслѣдствіе чего редакторамъ подцензурныхъ изданій содержаніе такихъ распоряженій даже *не можетъ быть извѣстно*. Что ст. 156-ая непримѣнима къ подцензурнымъ изданіямъ—это видно и изъ того, что въ ст. 154-ой единственнымъ поводомъ къ временной пріостановкѣ подцензурныхъ изданій указано, „вредное направленіе“ ихъ, о которомъ по отношенію къ „Нижегородскому Листку“ въ настоящемъ случаѣ не было и рѣчи. Весьма можетъ быть, что для предупрежденія административной кары, постигшей „Нижегородскій Листокъ“, вполнѣ достаточно было бы истребованіе отъ него объясненія — т.-е. такая мѣра, на которую имѣетъ или долженъ имѣть право всякій обвиняемый.

Благопріятной для печати — или, лучше сказать не для печати вообще, а лишь для двухъ ея органовъ,—въ промежутокъ времени съ октября 1895-го по октябрь 1899-го года, была одна только мѣра: освобожденіе отъ предварительной цензуры двухъ провинціальныхъ газетъ — сначала „Кіевлянина“, затѣмъ харьковскаго „Южнаго Края“. Принципіальное значеніе этой мѣры заключается въ томъ, что она доказала возможность существованія и въ провинціи безцензурной прессы. Какъ бы малъ ни былъ кругъ, котораго она коснулась, нельзя было не привѣтствовать ее, какъ первую ласточку, предвѣщающую наступленіе весны; но первая ласточка до сихъ поръ остается единственной, и весна не наступила. Съ другой стороны, на сколько освобожденіе отъ предварительной цензуры выгодно для изданія, которому дана эта льгота, на столько оно невыгодно для остальныхъ изданій, выходящихъ въ томъ же городѣ. Конкурренція съ счастливымъ соперникомъ становится для нихъ до крайности затруднительною; они не только терпятъ чуждыя ему стѣсненія въ выборѣ темъ и въ свободѣ ихъ обсужденія, но отстаютъ отъ него даже въ простомъ сообщеніи извѣстій, нерѣдко запаздывающемъ изъ-за цензуры. И всетаки лучше что-нибудь, чѣмъ ничего: нельзя не пожалѣть, что послѣ „Южнаго Края“ ни одна, кажется, провинціальная газета не была освобождена отъ предварительной цензуры.

Какъ только открылъ свои дѣйствія учрежденный въ концѣ 1896-го года союзъ взаимопомощи русскихъ писателей, онъ поспѣшилъ воспользоваться правомъ, которое предоставилъ ему его уставъ, и обратилъ вниманіе правительства, путемъ ходатайства, на главныя нужды печати. Подробно разработанное особою коммиссіею, это ходатайство было представлено министру внутреннихъ дѣлъ весною 1898-го года. Нарисовавъ общую картину безотраднаго положенія печати, оно остановилось въ особенности на четырехъ пунктахъ: на ограниченіи права передачи періодическихъ изданій, на утвержденіи редакторовъ лишь въ каче-

ствѣ временныхъ, на безсрочности предостереженій, не покрываемыхъ никакою давностью, и на стѣсненіяхъ, тяготѣющихъ надъ провинціальной печатью. Какъ только ходатайство союза сдѣлалось извѣстнымъ, оно вызвало страстныя нареканія со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“. Союзу ставилось въ вину, что онъ обращается къ правительству *отъ имени русской литературы*, между тѣмъ какъ онъ представляетъ собою, въ сущности, только „коалицію либеральныхъ и радикальныхъ кружковъ“. „Отъ подобной коалиціи“— восклицала газета—„право ходатайствовать отъ имени русской литературы должно бы быть, очевидно, отнято“. Не слѣдуетъ удовлетворять даже самой незначительной части ходатайства, заявленнаго союзомъ: иначе его „претензія“ получитъ „извѣстную санкцію свыше“, а это „только и нужно главарямъ партіи, принявшей всѣ мѣры къ тому, чтобы въ союзѣ установился духъ самой крайней, самой непримиримой и нетерпимой партійности“. На самомъ дѣлѣ союзъ никогда не говорилъ отъ имени или отъ лица, русской литературы, никогда не выставлялъ себя ея представителемъ; ходатайство, вызвавшее ярость реакціонной печати, было возбуждено союзомъ отъ *его собственнаго лица*, на точномъ основаніи устава. Объ *отнятіи* у союза права ходатайства *отъ имени русской литературы* не могло быть рѣчи уже потому, что этого права союзъ никогда не имѣлъ и никогда себѣ не присвоивалъ. Умыселъ московской газеты, очевидно, былъ другой: ей хотѣлось просто „отнять“ у союза если не право на существованіе, то, по меньшей мѣрѣ, право ходатайствовать по общимъ вопросамъ литературной профессіи. Какъ бы то ни было, подъ вліяніемъ ли навѣтовъ реакціонной печати, или по другимъ причинамъ, ходатайство союза было оставлено безъ вниманія, и только три года спустя, какъ мы сейчасъ увидимъ, было удовлетворено одно его желаніе--самое скромное и наименѣе важное.

Въ октябрѣ 1899-го года во главѣ министерства внутрен-

нихъ дѣлъ сталъ Д. С. Сипягинъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ назначенъ кн. Н. И. Шаховской. Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ 2½ лѣтъ новыхъ законовъ или „временныхъ" правилъ, ухудшающихъ положеніе печати, не состоялось; произошло даже то, чему не было примѣра со времени изданія закона 6-го апрѣля 1865-го года: принята была, въ законодательномъ порядкѣ, мѣра, благопріятная для печати. Сначала, въ февралѣ 1901-го года, сложены были предостереженія, данныя четыремъ газетамъ — „Гражданину" (три, въ промежутокъ времени съ 1888 по 1896 г. [1]), „Новому Времени" (два—въ 1879 и 1880 гг.), „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ" (два—въ 1878 и 1890 гг.) и „Московскимъ Вѣдомостямъ" (два—въ 1890 и 1892 гг.). „Ни одной изъ этихъ газетъ",—говорили мы по этому поводу въ апрѣльской хроникѣ 1901-го года,—„за исключеніемъ развѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", серьезною опасностью предостереженія не угрожали; еслибы надъ ними и разразилась буря, она была бы мимолетна и не имѣла бы разрушительныхъ послѣдствій. И всетаки имъ всѣмъ будетъ легче дышаться послѣ снятія предостереженій. Этого достаточно для того, чтобы мы раздѣлили ихъ радость. Каково бы ни было наше мнѣніе о нихъ, мы искренно желаемъ имъ возможно бо̀льшей свободы, потому что знаемъ, какъ она дорога для всякаго о̀ргана печати. Съ этой точки зрѣнія, для насъ не существуетъ разницы между друзьями и врагами... Распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ имѣютъ, въ нашихъ глазахъ, еще другое значеніе: они напоминаютъ, до какой степени ненормальны дѣйствующія у насъ узаконенія о печати. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было бы, при другомъ порядкѣ, наложеніе каръ на вполнѣ благонадежныя періодическія изданія и оставленіе

---

[1]) Когда въ 1896 г. „Гражданину" было дано третье предостереженіе, съ отдачей подъ цензуру, послѣдняя кара была отмѣнена по Высочайшему повелѣнію.

ихъ въ силѣ въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій? Возможно ли было бы оставлять газету подъ страхомъ пріостановки или прекращенія за то, что она, при совершенно другихъ условіяхъ, можетъ быть даже при другой редакціи (съ 1878 г. редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, напримѣръ, измѣнилась два раза), навлекла на себя, случайно, скоропреходящее неудовольствіе администраціи?.. Исторія взысканій, постигшихъ „Гражданинъ“, „Новое Время“, „С.-Петербургскія“ и „Московскія Вѣдомости“—краснорѣчивѣйшій доводъ противъ системы предостереженій вообще и противъ непогашенія ихъ давностью въ особенности“. За частнымъ облегченіемъ вскорѣ послѣдовало и общее. 4-го іюня того же 1901-го года Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта, въ силу котораго первое предостереженіе сохраняетъ свою силу въ теченіе года со дня его полученія повременнымъ изданіемъ, если за этотъ срокъ не будетъ объявлено второго предостереженія. Если въ теченіе одного года повременное изданіе получитъ два предостереженія, то дѣйствіе ихъ сохраняетъ свою силу въ теченіе двухъ лѣтъ со времени объявленія второго предостереженія, если за этотъ срокъ не послѣдуетъ третьяго предостереженія. По истеченіи означенныхъ сроковъ повременное изданіе освобождается отъ полученныхъ предостереженій, и слѣдующее засимъ предостереженіе вновь считается первымъ. Дѣйствіе этихъ правилъ распространено на предостереженія, объявленныя повременнымъ изданіямъ до утвержденія закона 4-го іюня. Текстъ закона не даетъ прямого отвѣта на вопросъ, примѣнима ли устанавляемая имъ давность къ послѣдствіямъ третьяго предостереженія, т. е. къ отдачѣ изданія, имъ постигнутаго, подъ цензуру; но за утвердительное разрѣшеніе этого вопроса говоритъ распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ, состоявшееся 12-го того же іюня. „За воспослѣдованіемъ Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта объ установленіи предѣльныхъ сроковъ дѣйствія предостереженій, и въ виду распространенія силы этого постановленія на изданія,

получившія предостереженіе до утвержденія настоящаго узаконенія, министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: освободить газеты „Биржевыя Вѣдомости", „Восходъ", „Русскія Вѣдомости" и журналъ „Хозяинъ" отъ дѣйствія примѣчанія къ ст. 144 уст. о ценз. и печати, примѣненнаго къ этимъ изданіямъ послѣ объявленныхъ имъ трехъ предостереженій". Тяжесть бремени, лежащаго на печати, законъ 4-го іюня, даже истолкованный въ широкомъ смыслѣ, уменьшилъ, однако, очень немного. Предостереженія могутъ слѣдовать одно за другимъ—и дѣйствительно иногда слѣдуютъ—очень быстро; изданіе, сегодня отъ нихъ свободное, послѣ-завтра—если оно выходитъ каждый день, черезъ два мѣсяца—если оно выходитъ ежемѣсячно, можетъ оказаться подъ угрозой третьяго предостереженія и оставаться подъ нею цѣлыхъ два года, испытывая въ теченіе этого времени всѣ неудобства неопредѣленнаго, шаткаго положенія, всѣ ощущенія подсудимаго наканунѣ возможнаго смертнаго приговора. Еще важнѣе то, что при нынѣ принятомъ толкованіи временныхъ правилъ 1882 года,—толкованіи, къ которому мы еще возвратимся—совѣщаніемъ четырехъ министровъ можетъ быть совершенно прекращено повременное изданіе, ни разу не подвергавшееся предостереженіямъ.

Предостереженій при Д. С. Сипягинѣ было дано сравнительно немного—всего четыре; запрещеній розничной продажи состоялось восемь, временныхъ пріостановокъ (безъ предостереженій)—четыре. Три изданія—газеты „Сѣверный Курьеръ" и „Россія" и журналъ „Жизнь"—прекращены совершенно совѣщаніемъ четырехъ министровъ. Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати совершилъ поѣздку по Россіи, для ближайшаго ознакомленія съ положеніемъ провинціальной прессы. Въ Саратовѣ, обладающемъ двумя прочно установившимися, сравнительно-широко распространенными газетами („Саратовскій Листокъ" и „Саратовскій Дневникъ"), мѣстные журналисты возбудили передъ кн. Шаховскимъ цѣлый рядъ ходатайствъ, прося, между прочимъ, о разрѣшеніи

издавать газеты безъ предварительной цензуры, а если это невозможно—о назначеніи цензора, независимаго отъ администраціи (саратовскія газеты цензировались тогда старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій, на содержаніе котораго мѣстныя повременныя изданія вносили 1200 руб. въ годъ). Кн. Шаховской, признавая, что саратовскія газеты, по обилію и разнообразію матеріала, по широтѣ программы, занимаютъ выдающееся положеніе въ ряду провинціальныхъ изданій, нашелъ, однако, что освобожденіе ихъ отъ предварительной цензуры было бы преждевременно, тѣмъ болѣе, что обѣ газеты и при подчиненіи цензурѣ подвергались временному запрещенію. Во время той же бесѣды былъ возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ и отмѣнѣ разныхъ ограничительныхъ циркуляровъ, изъ которыхъ многіе потеряли всякое значеніе. Кн. Шаховской объяснилъ, что главное управленіе по дѣламъ печати уже занято этимъ вопросомъ и вскорѣ въ руководство редакціямъ и цензорамъ будетъ изданъ сводъ тѣхъ циркуляровъ, которые признаются необходимыми.

При новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, В. К. фонъ-Плеве (съ апрѣля 1902-го года), и новомъ начальникѣ главнаго управленія по дѣламъ печати, Н. А. Звѣревѣ, никакихъ перемѣнъ въ положеніи печати не произошло. Предостереженій (по іюль 1903-го года) дано семь, временныхъ пріостановокъ (безъ предостереженій) состоялось девять, запрещеній розничной продажи—восемь, запрещеніе печатать частныя объявленія — одно. Ничѣмъ не ознаменованнымъ прошелъ, по независящимъ отъ печати обстоятельствамъ, день 3-го января 1903-го года, когда исполнилось двухсотлѣтіе со времени основанія первой русской газеты.

Уничтоженіе книгъ по опредѣленіямъ Комитета министровъ продолжалось въ девятидесятыхъ годахъ и продолжается до настоящаго времени. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ уничтожены, между прочимъ: „Динамическая соціологія“, Лестера Уорда; „Сочиненія“ Елисѣева (т. I); „Рабочій

вопросъ на югѣ“, Ярошенко; „Армянскіе беллетристы, драматурги и поэты“ (т. II); „Введеніе въ философію“, Паульсена; „Недостатки врачебной помощи въ нашей дѣйствующей арміи въ кампанію 1877—79 г.“, Фейгина; второе изданіе романа „Свѣтловъ“, Омулевскаго; „Очерки соціальной юриспруденціи“, Офнера и Зингера; „Выбранныя мѣста изъ сочиненій Родбертуса“; „Очерки политической экономіи по ученію новѣйшихъ экономистовъ“, Нордена; „Исторія Спб. комитета грамотности“, Протопопова; „Національзація земли“ (статьи Спенсера, Милля, Уоллеса, Уикстида и Флюрхейма); „Учебникъ новой исторіи“, Трачевскаго; „XIX-ый вѣкъ“, Фохта; „Викторъ Гюго“, Попова; „Міровыя загадки“, Геккеля; „Три западника сороковыхъ годовъ“, Богучарскаго; „Нищета философіи“, Маркса; „Исторія французской революціи“ (т. I), Л. Блана. Если та же участь рѣдко постигала книжки журналовъ (намъ извѣстно только уничтоженіе апрѣльской книги „Начала“, въ 1899 г.), то это по прежнему зависѣло отъ практики компромиссовъ, въ силу которой редакціи добровольно уничтожаютъ статьи, страницы или отдѣльныя фразы, признаваемыя недопустимыми въ печати. Та же система примѣняется иногда и къ отдѣльнымъ, не-повременнымъ изданіямъ [1]).

Мы видѣли выше, какую благодарную почву отрицательное отношеніе къ правамъ и достоинству печати нашло въ ея собственной средѣ, съ какимъ усердіемъ Катковъ и его продолжатели старались доказать, что печатному слову предоставлена въ Россіи достаточная, даже слишкомъ достаточная свобода. Настойчивѣе и безцеремоннѣе чѣмъ когда-либо

---

[1]) Изъ „Историческаго обзора дѣятельности Комитета министровъ за первыя восемь лѣтъ царствованія Императора Николая II-го „видно, что въ этотъ періодъ времени внесено было въ комитетъ 16 представленій объ уничтоженіи напечатанныхъ безъ цензуры сочиненій. Бо́льшая ихъ часть была разрѣшена согласно съ мнѣніемъ министра, но въ иныхъ случаяхъ Комитетъ не встрѣчалъ препятствій къ выпуску въ свѣтъ сочиненій серьезнаго научнаго характера, или же обусловливалъ его нѣкоторыми необходимыми измѣненіями.

та же тема разрабатывалась и въ девятидесятыхъ годахъ, разрабатывается и теперь, постоянно обогащаясь новыми варіаціями. Наиболѣе усерднымъ изъ внутреннихъ враговъ печати является г. Spectator, считающій себя прямымъ наслѣдникомъ Каткова. Еще въ концѣ 1893-го года онъ выступилъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" съ цѣлымъ проектомъ, смыслъ котораго заключался въ томъ, чтобы правительство, *взявъ печать въ свои руки*, позволяло стоять во главѣ газетъ и журналовъ только людямъ, способнымъ содѣйствовать интересамъ государственнымъ и частнымъ. Въ выборѣ средствъ содѣйствія—говорилъ г. Spectator—печати могла бы быть предоставлена полная свобода. Еслибы право говорить всенародно о дѣйствіяхъ правительства принадлежало лишь людямъ умнымъ и добросовѣстнымъ, то для нихъ не существовало бы никакихъ безцѣльныхъ канцелярскихъ тайнъ; они сообщали бы народу о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства, освѣщая ихъ умнымъ, добросовѣстнымъ и талантливымъ изложеніемъ. Довѣряя имъ вполнѣ, правительство могло бы, съ своей стороны, внимательно прислушиваться къ ихъ сообщеніямъ о народѣ. Кромѣ этого практическаго значенія, печать могла бы имѣть и другое, не менѣе важное—теоретическое. Правительство и народъ должны знать и ясно понимать вѣковѣчные принципы, лежащіе въ основаніи государственной жизни. Разъясненіе ихъ—одна изъ главныхъ задачъ печати, которая и въ этомъ отношеніи можетъ быть орудіемъ какъ истины, такъ и лжи, смотря по тому, въ чьи руки отдастъ ее правительство. „Великое право говорить публично предъ русскимъ правительствомъ и русскимъ народомъ не можетъ быть дѣломъ перваго встрѣчнаго; оно можетъ даваться правительствомъ лишь тѣмъ истинно русскимъ людямъ, которые особенно выдаются своимъ глубокимъ *умомъ*, солиднымъ *образованіемъ*, серьезною, талантливою *дѣловитостью* и безукоризненною, непоколебимою добросовѣстностью. Этихъ *четырехъ* качествъ совершенно достаточно, чтобы правительство могло дать человѣку, обладающему ими, не только

право, но и *свободу* открыто говорить предъ правительствомъ и народомъ, не опасаясь, что онъ злоупотребитъ этою свободой. Зато достаточно отсутствія *одного* изъ этихъ качествъ въ человѣкѣ, желающемъ получить это право, чтобы правительство ему въ этомъ правѣ отказало. А *направленіе?* Почему же я говорю только объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ редактора, а не о его политическомъ направленіи? Да потому, что умъ, образованность, дѣловитость и въ особенности добросовѣстность являются, *въ своей совокупности*, вполнѣ достаточными гарантіями и политическаго направленія редактора. Наши либералы, напримѣръ, либо недобросовѣстны, либо умственно ограничены. Въ самомъ дѣлѣ, если они *умны*, то они не могутъ не видѣть всей лжи конституціонализма; а если они ее все-таки выдаютъ за истину, то они поступаютъ *недобросовѣстно*; тѣ же изъ нихъ, которые *добросовѣстно* ратуютъ за конституціонализмъ, не видя его лживости, очевидно, сами поражены *умственною слѣпотой*. Такими же—либо наивными, либо безчестными—оказываются и остальные люди вреднаго политическаго направленія, всегда являющагося слѣдствіемъ либо скудоумія, либо шарлатанства. Пусть правительство не предоставляетъ права публичнаго слова ни дуракамъ, ни шарлатанамъ — и оно можетъ быть покойнымъ, что тѣ люди, которымъ оно дастъ это великое право, имъ не злоупотребятъ". Несмотря на эту увѣренность, авторъ считаетъ нужнымъ принять мѣры и противъ злоупотребленій. Онъ предлагаетъ, во-первыхъ, создать „особый верховный трибуналъ чести, состоящій изъ лицъ безукоризненнаго и общепризнаннаго нравственнаго и умственнаго авторитета, на судъ которыхъ отдавались бы возникающіе между газетами спорные вопросы, коль скоро однимъ изъ спорящихъ было бы высказано обвиненіе противной стороны въ недобросовѣстности". Лицо, троекратно осужденное трибуналомъ, лишалось бы права на редактированіе газеты или журнала, существованіе которыхъ этимъ самымъ навсегда бы прекращалось. Рядомъ съ „трибуналомъ"

авторъ сохраняетъ, во-вторыхъ, и цензуру, какъ органъ „правительственнаго контроля", по иниціативѣ котораго газета или журналъ, не оправдавшіе оказаннаго имъ довѣрія, могли бы быть запрещены актомъ правительственной власти. Авторъ признавалъ, что при дѣйствіи проектированной имъ системы количество издаваемыхъ у насъ газетъ и журналовъ значительно уменьшится, званіе публициста сдѣлается рѣдкимъ, но зато „по *качеству* русская печать займетъ первое мѣсто въ Европѣ".

Разбирая, въ декабрьской общественной хроникѣ 1893-го года, этотъ курьезный проектъ, мы обратили вниманіе прежде всего на его внутреннія противорѣчія. Чѣмъ больше свободной конкурренціи между органами печати (въ выборѣ „средствъ содѣйствія"), тѣмъ лучше—говоритъ г. Spectator, когда ему нужно очистить себя отъ подозрѣнія въ плэдированіи pro domo sua; но вслѣдъ затѣмъ онъ высказывается за значительное *уменьшеніе* числа періодическихъ изданій. Сегодня онъ считаетъ возможнымъ обратить цензорскую должность въ синекуру, т.-е. въ нѣчто излишнее, подлежащее упраздненію; завтра онъ возлагаетъ на цензуру правительственный контроль надъ прессой. Въ одной и той же статьѣ онъ стоитъ за свободу монопольной печати, такъ какъ нѣтъ причины опасаться ея злоупотребленій—и проектируетъ два способа уничтоженія органовъ этой самой печати: одинъ—новый, при помощи „трибунала чести", другой—старый, при помощи цензуры. Все это, впрочемъ, блѣднѣетъ сравнительно съ главнымъ salto mortale автора. Установивъ четыре качества, совокупностью которыхъ должно обусловливаться право на изданіе газеты или журнала—*умъ*, *образованіе*, *дѣловитость и добросовѣстность*, — г. Spectator очутился лицомъ къ лицу съ вопросомъ, кто же именно и по какимъ признакамъ будетъ удостовѣряться въ наличности или отсутствіи этихъ качествъ? На первую часть вопроса авторъ даже и не пытается отвѣтить; онъ предполагаетъ, вѣроятно, что всякій носитель власти, достигнувъ „степеней извѣстныхъ", обна-

ружилъ, этимъ самымъ, свой умъ, образованіе, дѣловитость и добросовѣстность, а слѣдовательно — и способность безошибочно открывать и оцѣнять эти достоинства и въ другихъ лицахъ. Это—совершенно непозволительное признаніе доказаннымъ того, что еще требуетъ доказательствъ, или лучше сказать, того, что заранѣе опровергнуто исторіей всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Сочетаніе четырехъ условій, намѣченныхъ авторомъ, вездѣ, во всѣхъ профессіяхъ, на всѣхъ ступеняхъ общественной лѣстницы составляетъ скорѣе исключеніе, чѣмъ общее правило. Еслибы, впрочемъ, и можно было допустить, что оно неразрывно связано съ извѣстнымъ рангомъ, то оставалось бы еще доказать, что оно устраняетъ возможность ошибокъ. Развѣ нельзя быть умнымъ, образованнымъ, дѣловитымъ и добросовѣстнымъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ несвободнымъ отъ увлеченій, отъ предвзятыхъ мыслей, отъ предразсудковъ? Развѣ нельзя добросовѣстно заблуждаться, развѣ достаточно *хотѣть* быть справедливымъ, чтобы быть справедливымъ на самомъ дѣлѣ? Чтобы уменьшить шансы несправедливости или ошибки, необходимъ, по меньшей мѣрѣ, какой-нибудь критерій — критерій ума, образованія, дѣловитости, добросовѣстности. Это чувствуетъ, повидимому, и г. Spectator — и предлагаетъ критерій отрицательный, т.-е. средство убѣдиться въ *отсутствіи* требуемыхъ качествъ. Это средство очень простое: *дуракомъ*, или *бездѣльникомъ*, или *невѣждой*, или *шарлатаномъ* признается, a priori, всякій „несогласно мыслящій". Вопросъ о направленіи, на словахъ устраняемый авторомъ, пріобрѣтаетъ, de facto, рѣшающее значеніе: вся разница въ томъ, что мотивомъ къ отказу въ правѣ издавать журналъ или газету являлся бы, при системѣ г. Spectator'а, не либерализмъ, радикализмъ или какой-нибудь другой *измъ* самъ по себѣ, а обнаруживаемыя этимъ *измомъ* тупость, невѣжество, недѣловитость или недобросовѣстность. Дальнѣйшее изслѣдованіе умственныхъ и нравственныхъ качествъ производилось бы, затѣмъ, только по отношенію къ „соглас-

но мыслящимъ“—но въ ихъ пользу говорило бы именно это „согласное мышленіе“, какъ презумпція всевозможныхъ добрыхъ качествъ, и для опроверженія презумпціи понадобились бы очень ужъ наглядные и характерные факты.

„Нужно ли доказывать, что печать, организованная по плану г. Spectator'а, была бы поражена съ самаго начала абсолютнымъ, безнадежнымъ безсиліемъ — безсиліемъ даже въ стремленіи къ тѣмъ цѣлямъ, которая признавались бы для нея обязательными? Не станемъ говорить о той громадной суммѣ лицемѣрія, которая была бы пущена въ оборотъ для приспособленія къ „монополіи“, для полученія аттестата на обладаніе пресловутыми четырьмя условіями. Допустимъ, вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, что въ выдачѣ аттестатовъ не было бы допускаемо ни пристрастія, ни даже ошибокъ. Въ какомъ печальномъ положеніи очутились бы, тѣмъ не менѣе, всѣ эти привилегированные „властители слова“, съ своими оффиціально засвидѣтельствованными талантами и добродѣтелями! Не имѣя передъ собою противниковъ, не слыша возраженій, они неизбѣжно наскучили бы публикѣ и даже самимъ себѣ. „Вѣковѣчные принципы“ скоро были бы освѣщены вдоль и поперекъ; къ ихъ защитѣ, не встрѣчающей отпора, скоро нельзя было бы прибавить ничего новаго. „Содѣйствіе“, чтобы быть живымъ и энергичнымъ, предполагаетъ возможность хоть какого-нибудь „противодѣйствія“; если нѣтъ послѣдняго, первое становится похожимъ на усилія мухъ, помогающихъ везти карету. Всегда единогласная и во всемъ согласная печать не могла бы исполнять даже самой скромной изъ своихъ задачъ — не могла бы обращать вниманіе правительства на неизвѣстные ему факты народной и общественной жизни, по той простой причинѣ, что патентованные журналисты были бы не чѣмъ инымъ, какъ чиновниками, правительственными агентами, въ которыхъ и безъ того у насъ нѣтъ недостатка. Г. Spectator говоритъ о содѣйствіи, которое Катковъ и Аксаковъ, *не смотря на всѣ неблагопріятныя условія*, оказали „философскому обоснованію и уясненію истинной

сущности и конечной цѣли русскаго государства". Подъ именемъ *неблагопріятныхъ условій* здѣсь разумѣется, вѣроятно, существованіе, рядомъ съ „Русскимъ Вѣстникомъ" и „Днемъ", съ „Московскими Вѣдомостями" и „Русью", другихъ органовъ печати, съ совершенно инымъ направленіемъ. На самомъ дѣлѣ это обстоятельство *благопріятствовало* какъ нельзя больше развитію таланта Аксакова и Каткова. Можно цѣнить ихъ дѣятельность такъ или иначе, но нельзя отрицать, что они оба были по преимуществу боевыми натурами, созданными для борьбы и въ ней черпавшими свою силу. Даже Каткову, думается намъ, было бы неловко говорить среди всеобщаго молчанія или всеобщаго поддакиванья—а какъ оно подѣйствовало бы на Аксакова, объ этомъ можно судить по его краснорѣчивой защитѣ свободы печати.

„Намъ остается еще сказать два слова о верховномъ трибуналѣ чести, придуманномъ г. Spectator'омъ. Судъ чести, соотвѣтствующій своему призванію, можетъ быть двоякій: или созданный ad hoc, для отдѣльнаго случая, или установленный разъ навсегда въ средѣ извѣстной корпораціи, имѣющей свои обычаи и нравы, свои традиціонныя понятія о чести. И тамъ, и тутъ авторитетъ суда обусловливается *довѣріемъ* къ его членамъ—довѣріемъ не со стороны власти, а со стороны самихъ обращающихся къ суду. Выраженіемъ довѣрія и тамъ, и тутъ служитъ *избраніе*—все равно, идетъ ли рѣчь о постоянно существующемъ учрежденіи (напр. совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ), или о временномъ, имѣющемъ дѣло только съ даннымъ случаемъ (третейскій судъ). Въ трибуналѣ г. Spectator'а выборное начало, безъ сомнѣнія, не было бы допущено; „безукоризненность и общепризнанность нравственнаго и умственнаго авторитета" членовъ трибунала установлялась бы съ помощью такихъ же ненадежныхъ пріемовъ, какъ и умъ, и добросовѣстность кандидатовъ въ публицисты. Корпораціи журналистовъ у насъ не существуетъ; нѣтъ, слѣдовательно, и корпоративныхъ преданій, которыми могъ бы руководиться „трибуналъ". Если прибавить къ этому его на-

значеніе—вырывать плевелы, невзначай оказавшіеся въ пшеницѣ—то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что подъ громкимъ именемъ трибунала чести получилось бы только вспомогательное отдѣленіе цензурнаго комитета".

Аналогичны, до извѣстной степени, съ проектомъ г. Spectactor'а планы организаціи *сословія* писателей или журналистовъ, появившіеся, нѣсколько позже, на страницахъ „Русскаго Обозрѣнія" и „Гражданина". Опасная сторона этихъ плановъ была указана нами въ майской общественной хроникѣ 1894-го года. Какъ только—говорили мы—„писатели станутъ предметомъ правительственной регламентаціи, нельзя будетъ обойтись безъ установленія признаковъ принадлежности къ ихъ средѣ, болѣе или менѣе точныхъ и ясныхъ. То, въ чемъ нѣтъ надобности для частнаго общества—напр. для литературнаго фонда,—неизбѣжно потребуется для оффиціальнаго учрежденія. Принятіе или непринятіе въ „сословіе" нельзя же предоставить одному только „усмотрѣнію"; должны же быть указаны правила, обязательныя для принимающихъ—правила, нарушеніе которыхъ могло бы служить основаніемъ къ жалобѣ въ высшую инстанцію. Вотъ здѣсь-то и обнаруживается сразу несостоятельность всѣхъ предлагаемыхъ проектовъ. Никакой аналогіи между „сословіемъ журналистовъ" и сословіемъ, напримѣръ, присяжныхъ повѣренныхъ установить нельзя. Занятіе судебными дѣлами, насколько оно требуется какъ условіе вступленія въ присяжную адвокатуру, можетъ быть доказано совершенно точными данными—формулярнымъ спискомъ, удостовѣреніями начальства, довѣренностями, протоколами судебныхъ засѣданій, засвидѣтельствованнымъ въ журналахъ совѣта фактомъ принадлежности, въ теченіе опредѣленнаго промежутка времени, къ числу помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. Гораздо труднѣе, а иногда и совершенно невозможно доказать занятіе писательствомъ. Оно можетъ, во-первыхъ, быть анонимнымъ; оно можетъ, во-вторыхъ, идти рука объ руку съ другими, совершенно посторонними занятіями и даже съ принадлежностью

къ другому сословію. Какъ различить, далѣе, писательство случайное отъ писательства профессіональнаго? Сколько нужно написать статей, и какой величины, и въ продолженіе какого срока, чтобы имѣть право на зачисленіе въ ряды писательскаго сословія (говоримъ: *писательскаго*, потому что нѣтъ, очевидно, никакого повода выдѣлять изъ среды писателей или литераторовъ однихъ только журналистовъ)? Сколько и какъ часто нужно писать, чтобы оставаться въ сословіи? Какъ смотрѣть на тѣхъ писателей — или журналистовъ,—которые, уже послѣ вступленія въ „сословіе", продолжаютъ заниматься другимъ дѣломъ или другими дѣлами, удѣляя имъ гораздо болѣе времени, чѣмъ литературѣ? Считать ихъ членами „сословія"—значило бы предоставлять имъ права и возлагать на нихъ обязанности, вовсе, быть можетъ, не соотвѣтствующія размѣрамъ и свойству ихъ литературной дѣятельности; исключать ихъ изъ „сословія" — значило бы пускать въ ходъ мѣрила чисто-внѣшнія, произвольныя и потому, сплошь и рядомъ, несправедливыя.

„Еще болѣе вреднымъ и нелѣпымъ было бы установленіе для писателей или журналистовъ вступительнаго ценза, прямо предлагаемаго „Гражданиномъ", косвенно—„Русскимъ Обозрѣніемъ". Вступительный цензъ, по аналогіи съ сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ, слагался бы, по всей вѣроятности, изъ условій двоякаго рода: формальныхъ и не-формальныхъ. Формальнымъ условіемъ—кромѣ литературной опытности, о трудности опредѣленія которой мы уже говорили—была бы извѣстная степень образованія. Какого образованія? Безъ сомнѣнія — *общаго*, такъ какъ спеціальнаго образованія, подготовляющаго именно къ писательству, не существуетъ. Уже въ этомъ одномъ заключается существенная разница между адвокатомъ и писателемъ. Отъ присяжнаго повѣреннаго требуются спеціально-юридическія знанія, какъ необходимая предпосылка судебной дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ гарантія для частныхъ лицъ, обращающихся къ услугамъ пантентованнаго адвоката. Къ услугамъ писателя никто не

обращается; никто не разсчитываетъ, въ силу присвоеннаго ему титула, найти въ немъ опредѣленныя техническія знанія; никакого диплома ему, съ этой точки зрѣнія, не нужно. Съ другой стороны, высшее образованіе *вообще* вовсе не составляетъ ручательства въ подготовкѣ къ той или другой сферѣ журнальнаго дѣла. Представимъ себѣ, что юристъ или медикъ пишетъ литературно-критическіе этюды, филологъ—политико-экономическія изслѣдованія; очевидно, что данныя для этихъ занятій они почерпнули не изъ университетскихъ лекцій. Намъ могутъ замѣтить, что высшее образованіе раздвигаетъ умственный горизонтъ *вообще,* дѣлаетъ человѣка болѣе способнымъ ко *всякой* умственной дѣятельности. Это безспорно; но вѣдь высшее образованіе пріобрѣтается не въ однихъ только высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. При дѣйствіи системы, предлагаемой „Гражданиномъ“, въ „сословіе“ журналистовъ не былъ бы допущенъ... Бѣлинскій, не былъ бы допущенъ Некрасовъ; филологу Каткову можно было бы запретить сужденія о государственныхъ вопросахъ, юристу Аксакову—сужденія о вопросахъ церковныхъ.

„Не-формальное условіе для вступленія въ замкнутое сословіе — это нравственная безукоризненность или добросовѣстность. Предъявляемое къ будущимъ присяжнымъ повѣреннымъ, такое требованіе съ одной стороны неизбѣжно (въ виду упомянутой уже нами гарантіи, представляемой для тяжущихся, подсудимыхъ и цѣлаго общества самымъ патентомъ на званіе присяжнаго повѣреннаго), съ другой — не опасно, потому что оно предполагаетъ не наличность какихъ-либо положительныхъ *качествъ*, а только отсутствіе *фактовъ,* роняющихъ нравственное достоинство. Для совѣта присяжныхъ повѣренныхъ безразлично, какихъ мнѣній держится кандидатъ въ адвокаты, къ какой общественной группѣ онъ принадлежитъ, на чьей сторонѣ его симпатіи и антипатіи; для принятія его достаточно, чтобы въ его прошедшемъ не было безчестныхъ *поступковъ*. Учрежденіе, поставленное во главѣ „сословія журналистовъ“, не могло бы, еслибы и за-

хотѣло, ограничиться такимъ отношеніемъ къ дѣлу. Сколько бы разъ и съ какою бы настойчивостью ни было повторено, что „журналистъ имѣетъ право на направленіе, какое угодно", на практикѣ вопросъ о направленіи, подъ другимъ только именемъ, непремѣнно выдвинулся бы на первый планъ, господствуя надъ всѣми остальными.

„Сословіе журналистовъ, однажды организованное, не ограничилось бы, конечно, удостовѣреніемъ въ „добросовѣстности" и „честности" кандидатовъ на званіе журналиста. Сословному управленію было бы, по всей вѣроятности, поручено неослабное наблюденіе за наличностью этихъ качествъ у дѣйствующихъ, воинствующихъ журналистовъ и примѣненіе къ нимъ, le cas échéant, соотвѣтственныхъ взысканій. Подобно совѣту присяжныхъ повѣренныхъ, оно было бы облечено правомъ дѣлать предостереженія и выговоры, налагать временное или постоянное запрещеніе—не на статью, книгу или періодическое изданіе, какъ это дѣлается теперь, а на *писателя*. Между тѣмъ, писательская дѣятельность и въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ адвокатской. Адвокатъ *совершаетъ дѣйствія*, которыя не трудно привести въ ясность и затѣмъ оцѣнить, съ точки зрѣнія профессіональныхъ требованій и традицій. Журналистъ *высказываетъ мнѣнія*, которыя не всегда могутъ быть отнесены къ настоящему ихъ источнику (статьи псевдонимныя и анонимныя) и крайне рѣдко поддаются объективной оцѣнкѣ, исходящей изъ всѣмъ извѣстныхъ и общепринятыхъ основаній. Въ иныхъ случаяхъ, правда, предметомъ преслѣдованія могло бы служить *дѣйствіе* журналиста — напр. напечатаніе, за деньги, завѣдомо-лживой и хитро-замаскированной рекламы; но не такими дѣлами занималось бы, главнымъ образомъ, управленіе „сословіемъ журналистовъ", учрежденное въ наше время, при нынѣшнихъ условіяхъ. Предметомъ его усилій сдѣлалось бы, безъ сомнѣнія, „очищеніе" сословія отъ „вредныхъ элементовъ", какъ необходимое дополненіе къ предохранительнымъ мѣрамъ, ограничивающимъ *доступъ* въ сословіе. Составъ со-

словнаго управленія неизбѣжно былъ бы окрашенъ въ извѣстную краску, уже потому, что къ нему, безъ сомнѣнія, былъ бы примѣненъ все болѣе и болѣе распространяющійся у насъ принципъ административнаго утвержденія (а можетъ быть и назначенія). Сословію, въ рядахъ котораго заранѣе предполагается присутствіе „разбойниковъ пера“ и „мошенниковъ печати“ выборное право не было бы предоставлено вовсе или было бы предоставлено съ весьма крупными ограниченіями. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что организація, въ настоящее время, „сословія журналистовъ“ или литераторовъ могла бы только ухудшить, и ухудшить весьма существенно, безъ того уже печальное положеніе пишущей братіи“.

Болѣе серьезною опасностью, чѣмъ газетные и журнальные прожекты, угрожаютъ печати строгія сужденія людей, стоящихъ внѣ борьбы направленій, но близкихъ къ сферѣ, гдѣ рѣшается ихъ участь. Такими сужденіями изобилуетъ извѣстный „Московскій Сборникъ“ (изданіе К. П. Побѣдоносцева), вышедшій въ свѣтъ въ Москвѣ въ 1896 г. Приведемъ главныя изъ нихъ, вмѣстѣ съ возраженіями, которыя были сдѣланы нами въ одной изъ нашихъ общественныхъ хроникъ [1]). „Судья“—говорится въ статьѣ „Московскаго Сборника“ о печати,—„судья, имѣя право карать нашу честь, лишать насъ имущества и свободы, пріемлетъ его отъ государства и долженъ продолжительнымъ трудомъ и испытаніемъ готовиться къ своему званію. Онъ связанъ строгимъ закономъ; всякія ошибки его и увлеченія подлежатъ контролю высшей власти, и приговоръ его можетъ быть измѣненъ и исправленъ. А журналистъ имѣетъ полную возможность запятнать, опозорить мою честь, затронуть мои имущественныя права; можетъ даже стѣснить мою свободу, затруднивъ своими нападками или сдѣлавъ невозможнымъ для меня пребываніе въ извѣстномъ мѣстѣ. Но эту судейскую власть надо мною онъ

¹) См. № 9 „Вѣстникъ Европы“ за 1896 г., стр. 415—421.

самъ себѣ присвоилъ: ни отъ какого высшаго авторитета онъ не прiялъ этого званiя, не доказалъ никакимъ испытанiемъ, что онъ къ нему приготовленъ, ничѣмъ не удостовѣрилъ личныхъ качествъ благонадежности и безпристрастiя, въ судѣ своемъ надо мною не связанъ никакими формами процесса и не подлежитъ никакой апелляцiи въ своемъ приговорѣ... Нападки печати на частное лицо могутъ причинить ему вредъ неисправимый. Всѣ возможныя опроверженiя и объясненiя не могутъ дать ему полнаго удовлетворенiя. Не всякiй изъ читателей, кому попалась на глаза первая поносительная статья, прочтетъ другую, оправдательную или объяснительную, а при легкомыслiи массы читателей позорящее внушенiе или надругательство оставляютъ во всякомъ случаѣ ядъ въ мнѣнiи и расположенiи массы. Судебное преслѣдованiе за клевету, какъ извѣстно, даетъ плохую защиту, и процессъ по поводу клеветы служитъ почти всегда средствомъ не къ обличенiю обидчика, но къ новымъ оскорбленiямъ обиженнаго; притомъ журналистъ имѣетъ всегда тысячу средствъ уязвлять и тревожить частное лицо, не давая ему прямыхъ поводовъ къ возбужденiю судебнаго преслѣдованiя". Во всемъ этомъ разсужденiи нѣтъ почти ни одного тезиса, который бы не могъ быть оспоренъ. Аналогiя между судьею и журналистомъ — только кажущаяся. Судебное рѣшенiе, вошедшее въ законную силу, дѣйствительно и безповоротно лишаетъ меня того или другого блага; нападенiе на меня въ печати можетъ быть названо, въ худшемъ случаѣ, только попыткой повредить мнѣ—попыткой, сплошь и рядомъ совершенно безсильной. „Приговоръ" журналиста никогда не является *безапелляцiоннымъ*; я всегда могу его опровергнуть путемъ суда, общаго или третейскаго, если только на моей сторонѣ право и правда. Судебное преслѣдованiе за клевету часто оказывается защитой вполнѣ достаточной; сколько бы обидчикъ ни закидывалъ меня, на судѣ, новыми словесными обидами (что возможно, впрочемъ, только при излишней снисходительности предсѣдательствующаго на

судѣ), онъ будетъ признанъ клеветникомъ, если не докажетъ выставленнаго имъ противъ меня обвиненія, и на него упадетъ весь позоръ, которымъ онъ хотѣлъ покрыть меня. Если старанія журналиста „уязвить“ меня не даютъ повода къ судебному преслѣдованію, то это значитъ, что самыя „уязвленія“ опасны развѣ для моего самолюбія, но не для моей чести. Всего больше поражаетъ насъ, однако, не тотъ или другой отдѣльный доводъ въ аргументаціи „Московскаго Сборника“, а общій смыслъ ея. Она направлена, очевидно, не только противъ ложныхъ, злонамѣренныхъ обвиненій, но и противъ самаго права печати на обвиненіе, хотя бы вполнѣ добросовѣстное и основательное. Что́ бы ни совершалось на глазахъ у журналиста, какія бы достовѣрныя свѣдѣнія о всякаго рода неправдѣ до него ни доходили, онъ долженъ молчать, потому что ни отъ кого не получилъ формальнаго уполномочія на обвиненіе. Мы встрѣчаемся здѣсь съ тою же презумпціей, которой держатся „Московскія Вѣдомости“: обличеніе путемъ печати *предполагается* несправедливымъ, обличитель *предполагается* лживымъ или, по меньшей мѣрѣ, легкомысленнымъ—и это *предположеніе*, путемъ логическаго скачка, превращается въ *утвержденіе*, не допускающее никакихъ изъятій. Въ дѣйствительности мы видимъ нѣчто совершенно иное. Въ области печати, какъ и во всѣхъ другихъ, злоупотребленія правомъ—или силой—идутъ рука объ руку съ разумнымъ и честнымъ пользованіемъ ими. Задача государственной мудрости заключается въ томъ, чтобы обезпечить пользованіе правомъ, устраняя, насколько возможно, злоупотребленіе имъ, а не въ томъ, чтобы отмѣнить или ограничить самое право, какъ служащее *иногда* источникомъ злоупотребленій. Необходимо, конечно, охранять отдѣльныхъ лицъ отъ незаслуженныхъ или ничѣмъ не вызванныхъ нападеній со стороны печати; но столь же необходимо охранять общество отъ неправильныхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ (въ особенности должностныхъ)—а однимъ изъ средствъ охраны является свободное печатное слово, благодаря которому рас-

крывается многое, совершающееся или замышляемое во тьмѣ и тайнѣ. Даже русской печати, несмотря на всѣ тяготѣвшія и тяготѣющія надъ нею стѣсненія, удалось, съ этой точки зрѣнія, оказать немало услугъ обществу и государству: достаточно напомнить хотя бы ту роль, которую она играла въ разоблаченіи уфимскихъ земельныхъ хищеній.

„Вопросъ о „полномочіи“, которымъ должны, будто бы, обладать, но не обладаютъ пишущіе въ газетахъ и журналахъ, затрогиваетъ не одну только обличительную дѣятельность печати: если полномочіе необходимо для „обличенія“, то оно необходимо и для „обсужденія“. И дѣйствительно, такъ и смотритъ на дѣло статья „Московскаго Сборника“. „Печать,—говоритъ авторъ,—ставитъ себя въ положеніе судящаго наблюдателя ежедневныхъ явленій; она обсуждаетъ не только дѣйствія и слова людскія, но испытуетъ даже невысказанныя мысли, намѣренія и предположенія, по произволу клеймитъ ихъ или восхваляетъ, возбуждаетъ однихъ, другимъ угрожаетъ, однихъ выставляетъ на позоръ, другихъ ставитъ предметомъ восторга и примѣромъ подражанія. Во имя общественнаго мнѣнія, она раздаетъ награды однимъ, другимъ готовитъ казнь, подобную средневѣковому отлученію... Самъ собою возникаетъ вопросъ: кто же представители этой страшной власти, именующей себя общественнымъ мнѣніемъ? Кто далъ имъ право и полномочіе, во имя цѣлаго общества, править, ниспровергать существующія учрежденія, выставлять новые идеалы нравственнаго и положительнаго закона?“ Указавъ на то, что „начала новѣйшаго либерализма“ кладутъ въ основаніе каждаго учрежденія „санкцію выбора, авторитетъ всенародной воли“, а для журналистовъ, „власть коихъ практически на все простирается“, никакой санкціи не требуется, авторъ видитъ въ этомъ „одно изъ безобразнѣйшихъ логическихъ противорѣчій новѣйшей культуры“. „Газета,—восклицаетъ онъ,—становится авторитетомъ въ государствѣ, и для этого единственно авторитета не требуется никакого признанія. Всякій, кто хочетъ, первый встрѣчный

можетъ стать органомъ этой власти, представителемъ этого авторитета, и притомъ вполнѣ *безотвѣтственнымъ* (курсивъ въ подлинникѣ), какъ никакая иная власть въ мірѣ"... Опровергать послѣднее положеніе автора, доказывать, что печать, даже въ наиболѣе свободныхъ странахъ, вовсе не *безотвѣтственна*, а въ нѣкоторыхъ государствахъ отвѣтственна чрезъ мѣру—значило бы повторять всѣмъ извѣстное и совершенно очевидное: мы остановимся только на „логическомъ противорѣчіи", возмущающемъ автора. Оно существовало бы только въ такомъ случаѣ, еслибы печать была *учрежденіемъ* и *властью,* еслибы она имѣла опредѣленныя аттрибуціи и функціи, при отправленіи которыхъ ея слову принадлежалъ бы обязывающій, рѣшающій характеръ. Ничего подобнаго на самомъ дѣлѣ нѣтъ и быть не можетъ. Печать высказываетъ *мнѣнія*, тотчасъ же вызывающія отпоръ или находящія противовѣсъ въ ея собственной средѣ. Полномочіе—это передача уполномочиваемому тѣхъ или другихъ правъ уполномочивающаго; между тѣмъ, право мыслить, говорить, обсуждать не составляетъ ничьего исключительнаго достоянія и не можетъ, слѣдовательно, служить предметомъ передачи. Государство только регулируетъ пользованіе этимъ правомъ—и въ такой регламентаціи, по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи, ужъ конечно нѣтъ недостатка. Идти еще дальше и допускать къ участію въ повременной прессѣ только тѣхъ, кто получитъ на то особое правительственное разрѣшеніе (срочное или во всякое время отмѣнимое?), значило бы уничтожить всякое движеніе, всякую жизнь въ печати и ограничить ея призваніе оффиціальнымъ или оффиціознымъ разъясненіемъ и восхваленіемъ правительственныхъ мѣропріятій. Или, быть можетъ, имѣется въ виду какой-нибудь экзаменъ для дѣятелей печати? Не говоря уже о его безцѣльности (подъ фирмою „патентованнаго" писателя весьма легко могли бы выступать и не-патентованные) и несправедливости (припомнимъ, какую роль играли въ печати многія лица, не получившія высшаго образованія), онъ скоро показался бы не-

достаточнымъ, потому что удостовѣрялъ бы только умственную компетентность писателя, а не нравственную его благонадежность—и къ экзаменнымъ требованіямъ неизбѣжно прибавилось бы еще одно, самое существенное: административная аппробація... Еслибы „полномочіе“ было поставлено условіемъ доступа къ періодической прессѣ, то, во имя послѣдовательности, пришлось бы признать его необходимымъ и для другихъ формъ печатнаго слова: особое разрѣшеніе понадобилось бы и для научныхъ или литературныхъ занятій, какъ только ихъ плоды предназначаются для печати. Съ точки зрѣнія, требующей особаго полномочія на провозглашеніе „новыхъ идеаловъ нравственнаго закона“, это было бы совершенно логично—но во чтó обратились бы тогда наука и литература?

„Поставивъ приведенный нами вопросъ о „полномочіи“, авторъ продолжаетъ: „никто не хочетъ вдуматься въ этотъ совершенно законный вопросъ и дознаться въ немъ до истины; но всѣ кричатъ о такъ называемой свободѣ печати, какъ о первомъ и главнѣйшемъ основаніи общественнаго благоустройства. Кто не вопіетъ объ этомъ и у насъ, въ несчастной, оболганной и оболживленной чужеземною ложью Россіи? Вопіютъ, въ удивительной непослѣдовательности, и такъ называемые славянофилы, мнящіе возстановить и водворить историческую правду учрежденій въ землѣ русской. И они, присоединяясь въ этомъ къ хору либераловъ, совокупленныхъ съ поборниками началъ революцій, говорятъ совершенно по западному: *общественное мнѣніе, т.-е. соединенная мысль всѣхъ и каждаго, служитъ окончательнымъ рѣшеніемъ въ дѣлахъ общественнаго быта; итакъ, всякое стѣсненіе свободы слова не должно быть допускаемо, ибо въ стѣсненіи сего рода выражается насиліе меньшинства надъ всеобщею волею*“. Это „ходячее положеніе новѣйшаго либерализма“ противорѣчитъ, по словамъ автора, „первымъ началамъ логики, ибо основано на вполнѣ ложномъ предположеніи, будто общественное мнѣніе тождественно съ печатью“. Опровергая это предположе-

ніе, авторъ указываетъ на то, что „самые ничтожные люди— какой-нибудь бывшій ростовщикъ, жидъ-факторъ, газетный разносчикъ, участникъ банды червонныхъ валетовъ, разорившійся содержатель рулетки—могутъ основать газету, привлечь талантливыхъ сотрудниковъ и пустить свое изданіе на рынокъ, въ качествѣ ὀргана общественнаго мнѣнія".

„Въ словахъ, напечатанныхъ нами курсивомъ—все равно, были ли они сказаны именно въ этомъ видѣ кѣмъ-либо изъ славянофиловъ, или составляютъ сдѣланное самимъ авторомъ résumé славянофильской доктрины—мы никакъ не можемъ признать „ходячее положеніе новѣйшаго либерализма". Безспорно, „либерализмъ" стоитъ за свободу слова, но вовсе не по тѣмъ мотивамъ, запутаннымъ и неяснымъ, которыми она обосновывается въ вышеприведенной формулѣ. „Соединенною мыслью всѣхъ и каждаго" общественное мнѣніе бываетъ только въ исключительныхъ случаяхъ; обыкновенно оно представляетъ собою только мысль большинства или, лучше сказать, *господствующую мысль*, преобладающее настроеніе даннаго момента (то, что нѣмцы называютъ tonangebende Stimmung). Эта мысль, это настроеніе нуждается въ свободномъ выраженіи—но отнюдь не меньше нуждаются въ немъ и другія настроенія, слабо распространенныя, оттѣсненныя на задній планъ или только зарождающіяся въ обществѣ. Стѣсненіе свободы слова можетъ быть, иногда, „насиліемъ надъ всеобщею волею", но еще чаще оно бываетъ насиліемъ надъ меньшинствомъ. Истинный „либерализмъ" одинаково враждебенъ обоимъ видамъ насилія; стремясь къ свободѣ печати, онъ отстаиваетъ какъ права „общественнаго мнѣнія", такъ и права тѣхъ взглядовъ, которые идутъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ. Съ этой точки зрѣнія объ отождествленіи общественнаго мнѣнія съ печатью не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи; печать является не чѣмъ инымъ, какъ отраженіемъ различныхъ теченій, существующихъ въ обществѣ — отраженіемъ не всегда полнымъ, не всегда точнымъ и вѣрнымъ, да и далеко не единственнымъ,

но во всякомъ случаѣ не произвольнымъ и не случайнымъ. Ни одинъ изъ органовъ печати не имѣетъ права говорить отъ имени *всего* общества, но всякій изъ нихъ—если только онъ представляетъ собою нѣчто большее, чѣмъ чисто-коммерческое предпріятіе,—служитъ какъ бы голосомъ той или другой общественной группы, того или другого оттѣнка мысли, того или другого направленія. Въ общемъ хорѣ каждый голосъ имѣетъ свое законное мѣсто; если замолкнетъ хоть одинъ, неминуемо пострадаетъ полнота гармоніи... Что газеты и журналы основываются и издаются иногда „самыми ничтожными людьми"—это несомнѣнно, но аргументомъ противъ свободы печати это служить не можетъ, доказывая скорѣе тщету стѣснительныхъ мѣръ, принимаемыхъ противъ печати: вѣдь въ руки „ничтожныхъ людей" повременныя изданія попадаютъ и при системѣ предварительнаго разрѣшенія. Если „ничтожнымъ людямъ" удается, въ отдѣльныхъ случаяхъ, заручиться сотрудничествомъ талантливыхъ писателей, то вѣдь и этому способствуютъ, отчасти, тѣ же стѣснительныя мѣры: чѣмъ меньше газетъ и журналовъ, тѣмъ труднѣе, для профессіональнаго журналиста, разборчивость въ ихъ выборѣ. Не всегда, наконецъ, періодическое изданіе, основанное „ничтожнымъ человѣкомъ", оказывается ничтожнымъ или презрѣннымъ по своему содержанію. Если обстоятельства слагаются такъ, что широкое распространеніе изданія можетъ быть достигнуто честными средствами, то „ничтожному человѣку", для котораго важенъ только матеріальный успѣхъ, нѣтъ надобности мѣшать своимъ честнымъ сотрудникамъ или замѣнять ихъ нечестными. Безспорно, такая комбинація условій встрѣчается не всегда; безспорно, есть періодическія изданія, носящія на себѣ ясный слѣдъ „ничтожества" своихъ основателей или вдохновителей. Нужно бороться противъ этого зла, изобличая всѣ его проявленія, стараясь поднять уровень читающей публики, облагородить ея вкусы, увеличить строгость ея требованій. Это путь медленный, но единственный вѣрный; система „полномочій",

подавляя самостоятельность печати, весьма легко, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла бы оказаться благопріятной для „ничтожныхъ людей“, потому что рука объ руку съ „ничтожествомъ“ идетъ, сплошь и рядомъ, готовность подчиняться внушеніямъ и писать подъ диктовку“.

Мысли, высказанныя нами въ полемикѣ противъ „Московскаго Сборника“, вызвали возраженіе со стороны г. Л. Тихомирова (въ „Русскомъ Обозрѣніи“ за 1896-й г.). Находя, что между „основными государственно-общественными принципами“ данной страны и ея печатью должна существовать— и существуетъ въ Западной Европѣ—принципіальная связь, г. Тихомировъ требовалъ отъ русской печати твердой вѣры въ „нѣкоторыя безспорныя начала нравственности и общественнаго блага“ вѣры, усматриваемой имъ не у всѣхъ органовъ печати. Права на свободу онъ не признавалъ за печатью ни съ точки зрѣнія юридической, ни съ точки зрѣнія общественной пользы. По его словамъ, „источникъ права въ смыслѣ юридическомъ есть общество и особенно государство. Всякій человѣкъ имѣетъ *способность* говорить, но *право* на это онъ можетъ получить только отъ государства. Если же государство можетъ дать или не дать личности такое право, то вопросъ: кто далъ *полномочіе* печати—сохраняетъ всю свою силу. Государство можетъ довольно легко признавать, молчаливо или законодательнымъ путемъ, право личности говорить и писать; но когда личности соединяются въ могущественный союзъ, обладающій огромными средствами воздѣйствія на умы общества, и даже на побужденіе самой власти идти такимъ, а не инымъ путемъ, то это уже выходитъ обстоятельство гораздо болѣе важное, гдѣ вопросъ о *правѣ* требуется рѣшить болѣе обдуманно“. Что касается до требованія свободы печати на основаніи общественной пользы, то оно „логично только у тѣхъ, кто отрицаетъ существованіе абсолютныхъ основъ нравственности и общественнаго блага. Если онѣ намъ неизвѣстны, если онѣ безпрерывно измѣняются въ общемъ ходѣ эволюціи, то общественная, а стало

быть и государственная власть не можетъ указать ихъ для обязательнаго руководства личности. Только при этой точкѣ зрѣнія общество и можетъ дать личности такую свободу, какъ *право*. Мы, русскіе, не находимся въ состояніи нравственнаго банкротства и, слѣдовательно, во всей сферѣ намъ безусловно извѣстнаго общество и государство не могутъ допустить со стороны личности (и частныхъ учрежденій) захвата, попирающаго законную власть". Отвѣчая г. Тихомирову въ ноябрьской общественной хроникѣ 1896-го года, мы указали, прежде всего, что „господство монархической идеи вовсе не предполагаетъ *твердость*, *безспорность и общеизвѣстность основныхъ истинъ личной нравственности и общественнаго блага*. Монархическая идея одинаково господствовала въ Россіи при Александрѣ I и Николаѣ I, при Александрѣ II и Александрѣ III—а развѣ не измѣнялись за это время, и весьма рѣзко, понятія объ общественномъ благѣ и даже о личной нравственности? Развѣ крѣпостное право, полвѣка тому назадъ, не признавалось необходимой опорой общественнаго спокойствія, а слѣдовательно и общественнаго блага? Развѣ существованіе крѣпостного права не отражалось на представленіяхъ о личной нравственности, развѣ нравственный идеалъ могъ быть одинъ и тотъ же для сознательнаго приверженца крѣпостничества и для убѣжденнаго его противника? Развѣ гласный судъ не перешелъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изъ области предосудительныхъ, почти преступныхъ мечтаній въ область совершившихся фактовъ—совершившихся во имя общественнаго блага? Развѣ не измѣнялись, даже въ оффиціальныхъ сферахъ, взгляды на значеніе и предѣлы религіозной терпимости, столь тѣсно связанные съ вопросами личной нравственности? Иначе и быть не можетъ. Нѣтъ такой идеи, которая захватывала бы всю громадную сферу общественной и личной дѣятельности, все предрѣшала бы въ ней, на все накладывала бы свою неизгладимую печать; нѣтъ такой идеи, пониманіе и примѣненіе которой оставалось бы всегда неизмѣннымъ, всегда равнымъ самому себѣ. Сегодня оно не то,

что̀ вчера, завтра будетъ не тѣмъ, чѣмъ сегодня—да и сегодня оно не одно и то же въ умахъ различнаго склада, въ разныхъ сферахъ мысли, въ разныхъ общественныхъ группахъ. „Согласованіе всѣхъ отраслей жизни и дѣятельности", рисующееся въ воображеніи г. Тихомирова, можетъ быть только вынужденнымъ, внѣшнимъ и, слѣдовательно, кажущимся, мнимымъ; обманчиво было бы и отраженіе его въ печати, еслибы оттуда были устранены всѣ *несогласно мыслящіе*. Единственное нормальное отношеніе власти и печати—именно то, которое г. Тихомировъ считаетъ искусственнымъ и негармоничнымъ: *свобода, ограниченная закономъ*. Съ узко-юридической, чисто формальной точки зрѣнія можно свести понятіе о *правѣ* къ полномочію или разрѣшенію, данному государствомъ; но, конечно, эта точка зрѣнія на право—не единственная возможная и не единственная правильная. Человѣку, наравнѣ съ способностью говорить, свойственны многія другія, также допускающія ограниченіе или регламентацію со стороны государства. Возьмемъ, для примѣра, способность ходить. Возможенъ законъ, позволяющій пользоваться ею, внѣ четырехъ стѣнъ жилья, только въ извѣстные дни и часы, въ продолженіе извѣстнаго, весьма короткаго промежутка времени. Юридически право ходьбы, при дѣйствіи такого закона, окажется поставленнымъ въ весьма тѣсныя рамки; но развѣ этимъ не будетъ нарушено право ходьбы въ другомъ смыслѣ—право, вытекающее изъ самой способности къ ходьбѣ?.. Не нужно быть приверженцемъ метафизическаго ученія о естественномъ правѣ, предшествующемъ положительному и возвышающемся надъ нимъ, чтобы искать критерій закона не только въ немъ самомъ, но и внѣ его. Законъ, какъ источникъ и мѣрило юридическаго права, часто идетъ въ разрѣзъ съ понятіемъ о правѣ, соотвѣтствующемъ данной ступени личнаго и общественнаго развитія. Съ этой точки зрѣнія стѣсненія, которымъ государство подчиняетъ пользованіе способностями, представляются правомѣрными лишь настолько, насколько они необходимы въ интересахъ личной свободы и обще-

ственнаго блага. Соединяя вопросъ о правѣ съ вопросомъ объ общественной пользѣ, мы не дѣлаемъ, поэтому, никакого логическаго скачка, не переходимъ съ одной почвы на другую: въ нашихъ глазахъ оба вопроса—только двѣ стороны медали, неразрывно связанныя между собою... Доводы г. Тихомирова о различіи между отдѣльнымъ лицомъ и могущественнымъ союзомъ лицъ, о невозможности предоставить тому и другому одинаковый просторъ въ выраженіи мысли, бьютъ совершенно мимо цѣли: они были бы понятны только въ полемикѣ противъ абсолютной, ничѣмъ неограниченной свободы печати. О *такой* свободѣ, нигдѣ не существующей и въ западной Европѣ, мы не говоримъ и не говорили; споръ шелъ и идетъ только о *предѣлахъ* свободы печати. Чтобы возставать противъ проектовъ, устраняющихъ самую возможность свободы, не нужно отрицать существованіе „абсолютныхъ основъ нравственности и общественнаго блага"; достаточно понимать громадное значеніе относительнаго и измѣнчиваго въ государственной и общественной жизни. „Сфера безусловно извѣстнаго" одними опредѣляется и ограничивается такъ, другими—иначе; столь же неизбѣжно и разногласіе въ *выводахъ* изъ началъ, признаваемыхъ „безусловно извѣстными". Провести, разъ навсегда, демаркаціонную черту между безусловнымъ и условнымъ—значило бы пытаться остановить не поддающееся остановкѣ движеніе человѣческой мысли. Для чести нашей печати намъ хотѣлось бы вѣрить, что авторы и защитники „организаціонныхъ" проектовъ не даютъ себѣ яснаго отчета въ томъ, чѣмъ сдѣлалась бы печать въ случаѣ осуществленія ихъ любимой идеи. Имъ самимъ, думается намъ, скоро надоѣло бы говорить, не встрѣчая возраженій, побѣждать — только за отсутствіемъ противниковъ. Мѣсто борьбы мнѣній неизбѣжно заступила бы борьба самолюбій; параллельно съ измельчаніемъ и оскудѣніемъ содержанія падалъ бы умственный и нравственный уровень печати, и для „принциповъ", ею защищаемыхъ, она стала бы скорѣе

источникомъ слабости, чѣмъ силы. Еще печальнѣе была бы судьба подневольной науки и заказной литературы"...

Параллельно съ проектами, посягавшими на послѣдніе остатки свободы и независимости печатнаго слова, въ газетахъ извѣстной окраски непрерывной волной шли навѣты и извѣты противъ органовъ другихъ направленій, переходившіе иногда въ настоящій литературный сыскъ и возбуждавшіе негодованіе даже въ средѣ консервативной прессы. Самая яркая характеристика этой травли дана въ замѣчательной статьѣ кн. С. Н. Трубецкаго (№ 100 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" за 1899 г.), во главѣ которой было приведено пророчество Исаіи о запустѣніи столицы Едомской (XXXIV, 11—15): „и завладѣлъ ею пеликанъ и ежъ; и филинъ, и воронъ поселятся въ ней; и протянутъ по ней вервь разоренія и отвѣсъ уничтоженія. Никого не останется изъ знатныхъ ея... и всѣ вожди ея будутъ ничто... и будетъ она жилищемъ шакаловъ и пристанищемъ страусовъ. И звѣри пустыни (шакалы) будутъ встрѣчаться тамъ съ дикими кошками, и лѣшіе будутъ перекликаться другъ съ другомъ. Тамъ будетъ отдыхать ночное привидѣніе (лилитъ) и находить себѣ покой. Тамъ угнѣздится летучій змѣй, будетъ класть яйца, выводить дѣтенышей и высиживать ихъ подъ сѣнью своею; только коршуны будутъ собираться тамъ одинъ къ другому"... Кн. Трубецкой констатируетъ наличность всѣхъ этихъ существъ въ нашей печати: „завыванье шакаловъ и цырканье коршуновъ, крики филиновъ и дикихъ кошекъ, карканье воронъ, перекликанье лѣшихъ и змѣиное шипѣнье—вотъ чтò теперь сплошь да рядомъ замѣняетъ разумное человѣческое слово и чтò считается многими не только болѣе дозволительнымъ, но и болѣе полезнымъ, чѣмъ человѣческое слово"... Какофонію, производимую „звѣрьми пустыни", кн. Трубецкой признаетъ „болѣе чѣмъ излишней"; мнѣнія этихъ звѣрей по вопросамъ внутренней политики „достаточно извѣстны, и сказать что-либо новое по сему предмету они едва ли могутъ. Ихъ государственно-общественный идеалъ—идеалъ звѣринаго безчинства,

идеалъ дремучей непроходимой пустыни и развалинъ,—выяснился съ полной опредѣленностью. Ихъ проповѣдь всеобщаго одичанія и разрушенія едва-ли можетъ успокоить умы въ настоящее тревожное время, и, конечно, она не можетъ согласоваться съ видами правительства... Они говорятъ о тишинѣ и порядкѣ, какъ будто та распущенная звѣриная вольница, въ которой шакалы и дикія кошки перестаютъ бояться человѣка и бросаются на случайныхъ прохожихъ, есть порядокъ, и какъ будто тишина пустыни, населенной звѣрями, есть спокойствіе благоустроеннаго общества". Противовѣсъ звѣринымъ голосамъ можетъ создать только независимая печать—независимая хотя бы настолько, чтобы „права и обязанности ея не были только *правами и обязанностями молчанія*"... Не столько защиту „звѣрей пустыни", сколько опроверженіе послѣдней мысли кн. Трубецкаго, принялъ на себя, въ той же газетѣ, кн. Цертелевъ. Печать, по его словамъ, „давно перестала быть орудіемъ просвѣщенія и превратилась въ способъ наживы и неразборчивой борьбы политическихъ партій... Много ли слышится во французской печати человѣческихъ голосовъ, среди концерта шакаловъ и дикихъ кошекъ?.. Полная свобода печати была бы гарантіей противъ цензурнаго произвола, но искать въ ней возможности слышать человѣческіе голоса, вмѣсто звѣриной какофоніи—все равно, что изъ страха дождя бросаться самому въ рѣку. Вѣдь если въ едомскихъ развалинахъ нашей печати и въ самомъ дѣлѣ теперь вполнѣ свободно перекликаются только шакалы и дикія кошки, то когда оттуда будутъ изъяты вервь разоренія и отвѣсъ уничтоженія и безпрепятственно допущены всѣ домашнія животныя—концертъ, конечно, станетъ еще полнѣе, но едва ли пріятнѣе для человѣческаго уха; человѣческіе же голоса будутъ теряться въ немъ такъ же, какъ и теперь, потому что никакой Демосѳенъ не въ силахъ перекричать ни дикой кошки, ни домашняго осла, когда они находятъ публику, желающую ихъ слушать". „Наряду съ любителями звѣриной какофоніи — отвѣчаетъ на это кн. Трубецкой

(„Спб. Вѣдомости“, № 118)—у насъ существуетъ довольно значительная публика, которая была бы не прочь послушать и Демосѳена, или даже, если Демосѳена не найдется, такъ просто хорошій и здравый человѣческій голосъ. Разумному человѣку нѣтъ надобности надсаживаться и кричать, чтобы покрыть голоса ословъ и кошекъ; это значило бы прибѣгать къ пріемамъ нечеловѣческимъ, въ которыхъ животныя всегда будутъ имѣть преимущество. Сила человѣческаго слова должна быть въ разумѣ, а не въ крикѣ“... „Я—продолжаетъ кн. Трубецкой—не поклонникъ французской уличной печати, но я прекрасно знаю, что̀ сталъ бы дѣлать, если бы я былъ французскимъ публицистомъ. Я увѣренъ, во-первыхъ, что никто во Франціи или въ иной европейской странѣ, за исключеніемъ развѣ Турціи, не помѣшалъ бы мнѣ высказать печатно мои мнѣнія и обсуждать въ печати вопросы, касающіеся самыхъ жизненныхъ интересовъ общества—вопросы о церкви, о мѣстномъ самоуправленіи, о школѣ, о высшемъ образованіи. И если бы я находилъ, что большинство публицистовъ проповѣдуетъ вещи, по моему убѣжденію безнравственныя и пагубныя для моего отечества, я считалъ бы долгомъ бороться съ ними по мѣрѣ силъ... Честному и добросовѣстному французскому публицисту открыта возможность борьбы и защиты. Шакалы и коршуны существуютъ всюду, но нигдѣ изъ нихъ не дѣлаютъ заповѣдную дичь, и нигдѣ печать не обращается въ бѣловѣжскую пущу для привилегированныхъ животныхъ“... На вопросъ кн. Цертелева, какъ поднять уровень нашей печати, какъ заставить ее служить общему благу, кн. Трубецкой отвѣчаетъ ясно и мѣтко: „заставлять нельзя и не нужно: надо не мѣшать“.

Въ своей защитѣ дѣйствующихъ порядковъ „благополучные“ органы печати прибѣгали порой къ пріемамъ по истинѣ изумительнымъ. Редакторъ американскаго журнала „Cosmopolitan“, печатая переводъ романа гр. Л. Н. Толстого: „Воскресеніе“, сдѣлалъ въ немъ большіе пропуски. Когда противъ этого протестовали уполномоченные автора, американскій

журналистъ защищался указаніемъ на то, что онъ „облеченъ высокою миссіею блюсти общественные нравы и, слѣдовательно, прежде всего быть цензоромъ печатаемыхъ имъ произведеній“. „Изъ этого эпизода“—поспѣшили замѣтить „Московскія Вѣдомости“,—„наши либералы могли бы понять,—если бы хотѣли что-нибудь понимать,—что въ отношеніи допустимости свободы слова Америку и Англію невозможно и сравнить съ Россіей; они поняли бы, что потому-то и нужна въ Россіи правительственная цензура, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ такихъ твердыхъ нравственныхъ устоевъ, которые противопоставили бы распространенію вредныхъ ученій и безнравственныхъ произведеній печати частную личную иниціативу“. Что въ Англіи и, отчасти, въ Сѣверной Америкѣ довольно сильно распространено лицемѣріе, приходящее въ ужасъ отъ голой правды и преслѣдующее не столько порокъ, сколько откровенныя изображенія порока—это давно извѣстно; извѣстенъ также и коррективъ этого зла—возможность протестовать противъ него прямо и открыто, не встрѣчая къ тому никакихъ непреодолимыхъ внѣшнихъ затрудненій. Если одинъ издатель, во имя условной морали, наложитъ свою руку на правдивое и художественное произведеніе, то всегда найдется другой, который напечатаетъ его въ настоящемъ его видѣ; всеобщее veto можетъ постигнуть развѣ такую книгу, которая, кромѣ грязи, ничего въ себѣ не содержитъ и которой дѣйствительно лучше не появляться въ свѣтъ. Что же тутъ общаго съ безапелляціоннымъ цензурнымъ приговоромъ, безусловно уничтожающимъ произведеніе?... Между цензурой общественной и административной есть еще одно глубокое различіе: первая обрушивается больше всего на произведенія противонравственныя, иногда понимая нравственность весьма узко и односторонне, вторая — на произведенія противоправительственныя, не всегда различая истинные интересы правительства отъ мнимыхъ. „Частная личная иниціатива“, какъ противовѣсъ „распространенію вредныхъ ученій и безнравственныхъ произведеній“, воз-

можна, притомъ, только при отсутствіи административной (предварительной) цензуры. Чѣмъ строже послѣдняя, тѣмъ меньше поводовъ и основаній для развитія первой, хотя бы въ силу извѣстной русской поговорки: „съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ“ или юридическаго правила: non bis in idem!

Заключимъ обзоръ выходокъ въ печати противъ печати двумя цитатами, относящимися къ ближайшему времени. Годъ тому назадъ „Гражданинъ“ высказался за сосредоточеніе цензурныхъ обязанностей въ рукахъ одного лица, призваннаго быть не только органомъ предупредительной и карательной власти, но и *руководителемъ* печати. Это лицо, по словамъ кн. Мещерскаго, „должно быть хозяиномъ міра печати, любезнымъ, лойяльнымъ и порядочнымъ, но *хозяиномъ*, т. е. твердымъ обладателемъ яснаго пониманія того, что нужно, и людей, съ которыми нужно имѣть дѣло“. „*Руководимы*“—отвѣчали мы тогда же на это удивительное измышленіе—„руководимы могутъ быть, пожалуй, отдѣльные органы печати, хотя никогда и нигдѣ такое руководство не приносило пользы государству; руководимая вся въ совокупности, печать не имѣла бы никакого смысла. Никому ненужнымъ оказалось бы повтореніе въ разныхъ формахъ однѣхъ и тѣхъ же мыслей—повтореніе, всего чаще неискреннее и уже потому одному лишенное всякой внутренней силы. Печать не должна конкуррировать съ правительственными актами: у нея есть свое назначеніе, исполнять которое она можетъ только при отсутствіи *хозяина*, хотя бы самаго любезнаго. Ея двигателемъ можетъ служить только свобода мнѣнія, ея регуляторомъ—только законъ“.

Въ концѣ 1902-го года, въ виду приближавшагося двухсотлѣтія русской печати, „Московскія Вѣдомости“ еще разъ занялись подведеніемъ итоговъ, вытекающихъ изъ взглядовъ Каткова и его оруженосцевъ. „Печать не есть ни абсолютное благо, ни абсолютное зло; она станетъ тѣмъ или другимъ, смотря по тому, въ чьихъ рукахъ ее *оставитъ* правитель-

ство... Важно не то, чтобы въ благоустроенномъ государствѣ существовала одинаковая свобода печати какъ для честнаго человѣка, такъ и для мошенника, а *важно то, чтобы честный человѣкъ могъ свободно выражать свои мнѣнія въ печати*". Съ подчеркнутыми нами словами можно было бы согласиться, еслибы понятіе о честности и честномъ человѣкѣ не возбуждало никакихъ разногласій и не подавало повода къ недоразумѣніямъ, вольнымъ и невольнымъ. Для насъ честность — въ примѣненіи къ мнѣніямъ, выражаемымъ въ печати,—равносильна убѣжденности, отсутствію низменныхъ побужденій; для „Московскихъ Вѣдомостей" это—синонимъ писанія по излюбленному ими шаблону. Мы называемъ честнымъ писателя, служащаго не своимъ личнымъ интересамъ, а тому, что онъ считаетъ истиной; по терминологіи нашихъ противниковъ, честенъ тотъ, кто дѣйствуетъ заодно съ ними. Съ нашей точки зрѣнія мошенничество въ области печати, какъ и во всякой другой, предполагаетъ сознательный и намѣренный обманъ, съ корыстною цѣлью; съ точки зрѣнія, которую Катковъ завѣщалъ своимъ эпигонамъ, „мошенниками печати" (они же—„разбойники пера") являются всѣ, осмѣливающіеся думать вслухъ на страницахъ независимой газеты или „либеральнаго" журнала... „Свобода" — утверждали далѣе „Московскія Вѣдомости" — „придаетъ печати исполинскую силу, а потому для государства не можетъ быть безразлично, принадлежитъ ли эта сила людямъ, желающимъ сохраненія и укрѣпленія государства, или людямъ, желающимъ его разрушенія". Здѣсь упущена изъ виду сущая бездѣлица: возможность различныхъ взглядовъ на сохраненіе и укрѣпленіе государства. Чтобы достигнуть цѣли, чтобы добиться монополіи для себя и для своихъ союзниковъ, московской газетѣ нужно провести мысль, что въ печати возможны только два лагеря—охранителей и разрушителей *государства*. Игнорируются всѣ другіе оттѣнки, всѣ *преобразовательныя* стремленія, безконечно разнообразныя и по характеру, и по степени интенсивности. Забывается

тотъ безспорный фактъ, что *охраненіе*—не только охраненіе *государства*, но и охраненіе существующаго порядка—можетъ быть понимаемо весьма различно: сходясь въ конечномъ выводѣ, *охранители* могутъ расходиться въ выборѣ средствъ и способовъ дѣйствія. Никогда, далѣе, та сила, которая создается свободой печати, не достается всецѣло въ руки одного мнѣнія, одной группы: она раздробляется между различными теченіями и именно потому не можетъ быть и не бываетъ *„исполинской"*.

Итакъ, подчиненіе печати полновластному *хозяину*, сохраненіе только тѣхъ ея органовъ, руководителямъ и участникамъ которыхъ удается получить удостовѣреніе въ *честности*—т. е. въ благонадежности—стремленій, организація „сословія" журналистовъ, не самоуправляющагося, а управляемаго, обращеніе писателей въ *уполномоченныхъ* власти, вытекающая отсюда *обязательность содѣйствія* правительству—вотъ къ чему сводятся пожеланія небольшой группы, которая, въ случаѣ ихъ исполненія, монополизировала бы въ своихъ рукахъ всю періодическую прессу. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію желаній прямо противоположныхъ, отмѣтимъ среднее мнѣніе которое, признавая ненормальность современнаго положенія печати, ищетъ исхода въ другой организаціи административнаго надзора надъ печатью. Мысль о сосредоточеніи этого надзора въ особомъ вѣдомствѣ была высказана еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, и одно время казалась близкой къ осуществленію. По мнѣнію бар. М. А. Корфа [1]), предназначавшагося къ управленію этимъ вѣдомствомъ, „печать не должна быть втиснута въ рамки никакого министерства, такъ какъ всякое министерство изъ инстинкта самосохраненія или подъ давленіемъ другихъ вѣдомствъ, сейчасъ же и начнетъ сокращать предѣлы свободнаго обсужденія въ печати. Въ устраненіе этихъ естественныхъ попытокъ печать,

---

[1]) Это мнѣніе приведено въ книгѣ г. Пятковскаго: „кн. В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Ѳеневитиновъ".

какъ огромная общественная сила, не должна дѣлаться предметомъ себялюбиваго бюрократическаго попеченія, но, какъ законное и открытое пользованіе гражданскимъ, отчасти и политическимъ, правомъ, должна имѣть особаго министра предъ лицомъ монарха или статсъ-секретаря докладчика". Въ нѣсколько измѣненномъ видѣ это мнѣніе было вновь пущено въ ходъ „Новымъ Временемъ", высказавшимся, въ 1899 г., за передачу дѣлъ о печати въ вѣдѣніе Государственнаго Совѣта. Съ нашей точки зрѣнія функціи надзора за печатью, пока она остается безправнымъ объектомъ административныхъ каръ, не соотвѣтствовали бы характеру учрежденія, вознесеннаго надъ интересами минуты и призваннаго къ обсужденію наиболѣе общихъ вопросовъ государственной жизни. Возложить на Государственный Совѣтъ обязанности главнаго управленія по дѣламъ печати—значило бы низвести его съ той высоты, на которой онъ стоитъ теперь, отнюдь не улучшая положенія самой печати. Система сильнѣе, чѣмъ органы, черезъ посредство которыхъ она дѣйствуетъ; она всегда возьметъ свое, кому бы ни было поручено ея примѣненіе. Было время, когда завѣдываніе цензурой принадлежало министерству народнаго просвѣщенія; существовала, слѣдовательно, фикція, во имя которой власть, наблюдающая надъ печатнымъ словомъ, должна была быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, властью его охраняющею и ему покровительствующею. Что же, было ли отъ этого лучше литературѣ, періодической и не-періодической? Нимало; ко времени подчиненія ея министерству народнаго просвѣщенія относятся наиболѣе тяжелые періоды ея исторіи, по той простой причинѣ, что это было время безусловнаго господства предварительной *цензуры*. Вслѣдъ за переходомъ цензуры въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ состоялся законъ 6-го апрѣля 1865 г., значительно улучшившій, по крайней мѣрѣ на время, положеніе печати. Съ тѣхъ поръ въ положеніи этомъ происходили безконечныя колебанія, зависѣвшія отчасти отъ общаго хода событій, отчасти отъ лицъ, которымъ были ввѣ-

рены судьбы печати—но именно эти колебанія доказываютъ съ полною ясностью, какъ неваженъ, сравнительно, вопросъ о *вѣдомствѣ*, къ которому приписана печать. Рѣшительное значеніе всегда принадлежало и принадлежитъ законодательству о печати, т.-е. размѣру правъ, ей предоставленныхъ, и характеру гарантій, обезпечивающихъ пользованіе этими правами. Пока существуетъ *дискреціонная* власть надъ печатью, со всѣми особенностями и принадлежностями, свойственными всякой формѣ административнаго „усмотрѣнія", учрежденіе, ею облеченное, не можетъ не пользоваться ею,—а пользуясь ею, оно вступаетъ на такую арену, для которой менѣе всего созданъ Государственный Совѣтъ. Дѣлъ о печати слишкомъ много, чтобы ими могъ заниматься Государственный Совѣтъ in pleno или хотя бы въ составѣ одного департамента; они сосредоточились бы, силою вещей, въ небольшомъ, ad hoc образованномъ присутствіи, составъ котораго всегда могъ бы быть приспособленъ къ его назначенію. На распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ печати можно, хотя и въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, жаловаться въ Сенатъ—а куда можно было бы жаловаться на Государственный Совѣтъ?... Ничего полезнаго нельзя было бы ожидать и отъ передачи дѣлъ о печати особому министру или статсъ-секретарю докладчику. Въ статсъ-секретарѣ по дѣламъ печати „инстинктъ самосохраненія" и „бюрократическое себялюбіе" дѣйствовали бы не съ меньшей силой, чѣмъ во всякомъ другомъ министрѣ; не меньше было бы и „давленіе" на него остальныхъ вѣдомствъ. Весьма вѣроятно даже, что лицу, кругъ дѣйствій котораго былъ бы ограниченъ одною печатью, устоять противъ „давленія" было бы еще труднѣе, чѣмъ министру, для котораго завѣдываніе печатью—только одно изъ многихъ дѣлъ, и притомъ не самое важное. Такой министръ можетъ найти точку опоры въ незамѣнимости его—дѣйствительной или предполагаемой—по другимъ, подвѣдомственнымъ ему отраслямъ управленія. У статсъ-секретаря, завѣдующаго одною печатью, не было бы ничего похожаго

на этотъ щитъ; ему приходилось бы встрѣчать каждое нападеніе лицомъ къ лицу,—а это требуетъ гражданскаго мужества, возможнаго, въ бюрократической средѣ, развѣ какъ рѣдкое исключеніе. Пока печать составляетъ только предметъ надзора и репрессивныхъ мѣропріятій, до тѣхъ поръ въ положеніи ея не можетъ произойти существенной, прочной перемѣны къ лучшему. *Снисходительность* къ ней, точно такъ же какъ и *строгость*, возможны со стороны каждаго вѣдомства, независимо отъ его именованія и круга дѣйствій; но *справедливость* по отношенію къ печати возможна только тогда, когда за нею признана и обезпечена достаточная свобода. Въ чемъ заключаются условія такой свободы—это видно изъ всего содержанія нашей книги; намъ остается только подвести итоги и точнѣе опредѣлить наши desiderata.

Съ формальной стороны единственный путь къ достиженію желанной цѣли—это, безспорно, общій пересмотръ въ законодательномъ порядкѣ, всѣхъ постановленій о печати, и постоянныхъ, и такъ называемыхъ временныхъ. Его необходимость была признана при самомъ изданіи закона 6-го апрѣля, имѣвшаго, въ глазахъ его составителей, только значеніе переходной мѣры. Съ тѣхъ поръ вопросъ о пересмотрѣ почти никогда не сходилъ со сцены и нѣсколько разъ казался близкимъ къ разрѣшенію: въ 1871-мъ году, когда окончились занятія коммиссіи кн. Урусова; въ 1880-мъ году, когда, подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, найдено было справедливымъ улучшить и упрочить положеніе печати. Даже усиленіе гнета надъ печатью (въ 1872, 1882 и 1897 гг.) всегда сопровождалось указаніемъ на предстоящее возобновленіе законодательной работы. Само собою разумѣется, что въ форму закона можетъ быть вложено самое различное содержаніе; но все-таки мы думаемъ, что *постоянныя* правила, проведенныя

въ законодательномъ порядкѣ, были бы, въ той или другой степени, благопріятны для печати. Когда, внѣ этого порядка, издается отдѣльное постановленіе, вызванное, большею частью, какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствомъ, на первый планъ выдвигаются, обыкновенно, соображенія такъ называемаго охранительнаго свойства: принимаются мѣры ограниченія, предупрежденія, пресѣченія—принимаются тѣмъ легче и тѣмъ безпрепятственнѣе, что въ близкомъ, повидимому (но только по видимому), будущемъ ожидается ихъ отмѣна. Иными мотивами руководствуется законосовѣщательное учрежденіе, какъ потому, что всѣ его работы разсчитаны не на короткій срокъ, а на сравнительно долгое время, такъ и потому, что оно привыкло къ *всестороннему* разсмотрѣнію доходящихъ до него вопросовъ, къ разрѣшенію ихъ внѣ зависимости отъ мимолетнихъ настроеній. Пройдя черезъ Государственный Совѣтъ, законодательство о печати неизбѣжно должно получить не только бóльшую цѣльность, но и бóльшую приспособленность къ степени развитія, достигнутой русскимъ обществомъ. Законъ, достойный этого имени, долженъ создать почву для законности, т.-е. увеличить сумму твердо признанныхъ правъ, положить конецъ усмотрѣнію, теперь почти безраздѣльно господствующему надъ печатью. Доставить печати *все* то, на что она имѣетъ право, могъ бы, конечно, только пересмотръ предпринятый „въ добрый часъ“, при счастливыхъ предзнаменованіяхъ, на зарѣ новой эпохи великихъ реформъ.

Дѣйствующіе законы различаютъ печать подцензурную и безцензурную, столичную и провинціальную, періодическую и не-періодическую. Необходимо ли, неизбѣжно ли такое различіе—и, прежде всего, цѣлесообразно ли существованіе предварительной цензуры? Мы видѣли, что сомнѣнія по этому предмету возникали уже полвѣка тому назадъ, и возникали не только въ средѣ писателей, но и въ средѣ государственныхъ людей, далекихъ отъ всякихъ увлеченій. Припомнимъ слова кн. П. А. Вяземскаго, сказанныя въ 1856 г.: „всѣ мно-

гочисленныя, подозрительныя и слишкомъ хитро обдуманныя притѣсненія цензуры не служатъ къ измѣненію въ направленіи понятій и сочувствій. Напротивъ, они только раздражаютъ умы и отвлекаютъ отъ правительства людей, которые могутъ быть ему полезны и нужны". Не менѣе характерно и то, что за переходъ отъ предварительной цензуры къ карательной высказался министръ народнаго просвѣщенія гр. Путятинъ, призванный къ власти въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда ея задачей считалось не ускореніе, а замедленіе движенія. Назначеніе предварительной цензуры—подавлять такъ называемыя вредныя направленія, умѣрять страсти, сдерживать торопливые порывы. Исполняетъ ли она, можетъ ли она исполнить свое назначеніе? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ написанъ на каждой страницѣ ея исторіи. Въ сороковыхъ годахъ, на рубежѣ двухъ слѣдующихъ десятилѣтій, въ позднѣйшіе моменты оживленія общественной мысли цензура не могла ни предупредить появленіе теченій, идущихъ въ разрѣзъ съ намѣреніями правительства, ни остановить ихъ ростъ, ни уменьшить ихъ вліяніе. Чтобы подавить ихъ на время—подавить, конечно, только внѣшнее ихъ выраженіе, такъ какъ внутренняя ихъ жизнь ускользаетъ отъ воздѣйствія власти—нужно было прибѣгать каждый разъ къ экстраординарнымъ мѣрамъ, обнаруживавшимъ съ полной ясностью безсиліе цензуры. Въ 1848 г. задача наблюденія надъ наблюдающими была возложена на комитетъ 2-го апрѣля. Водворить молчаніе о всемъ сколько-нибудь важномъ и серьезномъ ему удалось; но что̀ скрывалось за этимъ молчаніемъ, что̀ зрѣло въ умахъ и сердцахъ—это показало, нѣсколько лѣтъ спустя, неудержимое развитіе крайнихъ взглядовъ, очень скоро одержавшихъ верхъ надъ умѣренными. Новыя запрещенія, ознаменовавшія собою средину шестидесятыхъ годовъ, не помѣшали наступленію одной изъ самыхъ смутныхъ эпохъ нашей исторіи. Временныя правила 1882-го года, подчинивъ усмотрѣнію „четырехъ министровъ не только безцензурныя, но и подцензурныя изданія, окончательно при-

знали этимъ самымъ несостоятельность предварительной цензуры. Къ тому же заключенію приводитъ и вся административная практика послѣдняго времени. Предварительная цензура предполагаетъ перенесеніе всей отвѣтственности за печатное слово съ автора, издателя или редактора на цензора, допустившаго появленіе его въ печати. Исключенія изъ этого правила, усвоеннаго отчасти и нашимъ законодательствомъ (ст. о ценз. и печ. ст. 24, 52, 60, 180), мыслимы только въ случаяхъ особенно важныхъ (ср., напр., ст. 61 уст. о ценз. и печ.), влекущихъ за собою уголовную отвѣтственность. Между тѣмъ, административнымъ карамъ, выражающимся въ пріостановкѣ на срокъ до восьми мѣсяцевъ, подцензурныя періодическія изданія подвергаются весьма часто, безъ привлеченія къ суду, за статьи, напечатанныя съ разрѣшенія цензуры и не заключающія въ себѣ ничего преступнаго. По отношенію къ изданіямъ провинціальнымъ это пытаются объяснить отсутствіемъ, въ большинствѣ провинціальныхъ городовъ, спеціальныхъ цензоровъ, вслѣдствіе чего цензорскія обязанности исполняются иногда лицами недостаточно къ тому подготовленными и обремененными массою другихъ занятій. Ничего подобнаго нельзя сказать объ изданіяхъ столичныхъ—а между тѣмъ и ихъ постигаетъ иногда участь ихъ провинціальныхъ собратій. Въ 1899 г. было пріостановлено на три мѣсяца „Русское Богатство“, въ 1901 г. совершенно прекращена „Жизнь“—а вѣдь надъ обоими изданіями ближайшимъ образомъ бодрствовала предварительная цензура.

Особенно яркой несообразность одновременнаго существованія подцензурныхъ и безцензурныхъ изданій является именно въ столицахъ. Трудно понять, почему и для чего, при полной однородности условій, остаются въ силѣ, одинъ рядомъ съ другимъ, два совершенно различныхъ порядка. Если предварительная цензура не исключаетъ собою, какъ мы только что видѣли, обращенія къ мѣрамъ карательнаго свойства, то отчего бы не ограничиться послѣдними, разъ что

рѣчь идетъ объ изданіяхъ выходящихъ подъ ближайшимъ надзоромъ не только мѣстной, но и центральной цензурной власти? Зачѣмъ налагать на цѣлую категорію изданій добавочное бремя, разъ что оно, не обезпечивая ихъ самихъ отъ внезапныхъ катастрофъ, не служитъ гарантіей и противъ распространенія взглядовъ, вредныхъ съ правительственной точки зрѣнія? А между тѣмъ тяжесть этого бремени очень велика. Въ изданіи безцензурномъ контролируются мнѣнія, но не слова; сказанное здѣсь можетъ вовсе не дойти до читателей, но если дойдетъ до нихъ, то дойдетъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ было написано, или, по крайней мѣрѣ, въ томъ, какой получило съ согласія редактора или автора [1]. Въ изданіи подцензурномъ цензоръ можетъ не только запретить статью или отдѣльное ея мѣсто: онъ можетъ исказить ее до неузнаваемости, выбрасывая слова и фразы, уничтожая связь между предложеніями, обезцвѣчивая картины, обезсиливая аргументацію, обращая живое тѣло въ мертвый остовъ. Что вся эта процедура, мучительная для автора, а иногда и для самого цензора, *неизбѣжна*—это показываетъ исторія цензуры и подтверждаетъ ежедневный опытъ [2]. Отвѣчая за каждое слово, цензоръ не можетъ не останавливаться на словахъ, отыскивая скрытую въ нихъ опасность и руководствуясь правиломъ, что лучше зачеркнуть слишкомъ много, чѣмъ слишкомъ мало. Столь же несомнѣнно и то, что вышеописанная процедура не нужна: вѣдь не соблюдается же она по отношенію къ изданіямъ безцензурнымъ, хотя бы они

---

[1]) Мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда редакторъ или авторъ, чтобы предупредить задержаніе книги, соглашается сдѣлать въ ней указываемыя ему перемѣны.

[2]) Автору этой книги случилось недавно, послѣ сорокалѣтняго почти промежутка, помѣстить небольшую статью въ подцензурномъ изданіи— и онъ вспомнилъ при этомъ о своей давно минувшей молодости, встрѣтясь съ тѣми же цензурными пріемами, отъ которыхъ онъ страдалъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Исключены были изъ его статьи такія мѣста, которыя въ безцензурномъ изданіи не встрѣтили бы ни малѣйшихъ затрудненій.

по своей окраскѣ существенно не отличались отъ родственныхъ имъ подцензурныхъ. Не случайно мысль объ освобожденіи отъ цензуры всѣхъ вновь возникающихъ столичныхъ изданій (если этого желаютъ сами издатели) возникала уже треть столѣтія тому назадъ, въ коммиссіи кн. Урусова: она вытекаетъ сама собою изъ того факта, что безцензурность никогда не была монополіей однихъ „благонадежныхъ“ изданій. Законъ 6-го апрѣля 1865 года предоставилъ ее всѣмъ столичнымъ изданіямъ, тогда существовавшимъ—а между ними были органы самыхъ различныхъ направленій. Далеко не исключеніемъ безцензурность независимыхъ или даже оппозиціонныхъ изданій оставалась и впослѣдствіи, остается до сихъ поръ. Гдѣ же, затѣмъ, препятствіе къ провозглашенію ея общимъ правиломъ, по крайней мѣрѣ для столицъ?

Мы сказали: по *крайней мѣрѣ для столицъ*—но спѣшимъ прибавить, что не видимъ никакой раціональной причины для такого ограниченія. Въ провинціи неудобства подцензурности чувствуются, конечно, еще сильнѣе, чѣмъ въ столицахъ — а обойтись безъ нея еще легче. Въ чемъ заключается главное назначеніе провинціальной печати? Слѣдить за всѣми явленіями мѣстной жизни, обсуждать со всѣхъ сторонъ возникающіе въ ней вопросы, отмѣчать нарождающіяся потребности, освѣщать вновь прокладываемые пути и встрѣчаемыя на нихъ преграды, оглашать правонарушенія и отступленія отъ закона. Исполняя это назначеніе, провинціальная печать дѣйствуетъ въ общемъ интересѣ—въ интересѣ какъ мѣстности, такъ и государства,—но неизбѣжно нарушаетъ разные частные, личные интересы, для которыхъ молчаніе удобнѣе, чѣмъ огласка, темнота выгоднѣе свѣта. Таковы, иногда, интересы той или другой мѣстной власти, желающей скрыть допущенныя злоупотребленія, или враждебно относящейся ко всему идущему въ разрѣзъ съ успокоительной формулой: *все обстоитъ благополучно*, или просто не переносящей ничего похожаго на критику. Что обусловливаемое этимъ или чѣмъ-либо подобнымъ настроеніе мѣстной администраціи мѣшаетъ про-

винціальной печати заниматься, какъ бы слѣдовало, мѣстными дѣлами—это признаютъ даже такіе систематическіе хвалители власти, какъ публицисты „Московскихъ Вѣдомостей“; но лекарство, предлагаемое ими, меньше всего соотвѣтствуетъ болѣзни. Все зло они видятъ въ томъ, что цензорскія функціи въ провинціи отправляетъ обычно вице-губернаторъ или совѣтникъ губернскаго правленія, слишкомъ близко стоящій къ административной машинѣ и потому недостаточно безпристрастный. Нужно назначить какъ можно больше „спеціальныхъ цензоровъ, подчиненныхъ одному лишь главному управленію по дѣламъ печати, мало заинтересованныхъ въ ходѣ мѣстныхъ дѣлъ, но за то твердо знающихъ и хорошо понимающихъ, что можно и чего нельзя допускать въ печати“. Безспорно, и вице-губернаторъ, и совѣтники губернскаго правленія, и чиновники особыхъ порученій, а за рѣдкими исключеніями—и общій ихъ начальникъ, губернаторъ, заинтересованы въ томъ, чтобы внутренняя жизнь губерніи оставалась по возможности недоступной для гласности и, слѣдовательно, для критики; но многимъ ли меньше въ томъ заинтересованъ „самостоятельный“ цензоръ? Въ провинціи между должностными лицами, особенно одного и того же вѣдомства, очень легко и скоро устанавливается извѣстная солидарность, извѣстный esprit de corps, заставляющій каждаго стоять за всѣхъ и всѣхъ—за каждаго. Нѣтъ основанія думать, чтобы отъ него оставался свободенъ цензоръ, хотя бы и назначенный непосредственно главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати. Если онъ самъ и не раздѣляетъ взгляда, въ силу котораго дѣйствія должностного лица подлежатъ исключительно контролю начальства и должны быть неприкосновенны для „фолликюлеровъ“, ему трудно устоять противъ упрашиваній и упрековъ цѣлой группы, къ которой онъ принадлежитъ по своему служебному положенію, и, тѣмъ болѣе, противъ неудовольствія наиболѣе видныхъ ея представителей. Даже центральная администрація, принимая карательныя мѣры противъ печати, уступаетъ иногда настоя-

ніямъ другихъ вѣдомствъ; тѣмъ вѣроятнѣе воздѣйствіе посторониихъ давленій на цензора, стоящаго въ водоворотѣ провинціальныхъ теченій. Облеченный, de facto, почти неограниченною властью, онъ именно потому является отвѣтственнымъ за все дозволенное имъ къ печати: юридически отвѣтственнымъ—передъ начальствомъ, фактически—передъ всѣми вліятельными элементами губернскаго общества. Замѣтимъ, въ добавокъ, что говорить о „самостоятельности“ отдѣльныхъ провинціальныхъ цензоровъ меньше всего подобало бы тѣмъ газетамъ, которыя постоянно доказываютъ необходимость подчиненія губернатору всѣхъ чиновъ губернской администраціи, какими бы функціями они ни были облечены и къ какому бы вѣдомству ни принадлежали... Если, впрочемъ, и допустить, что отъ отдѣльныхъ цензоровъ провинціальная печать, въ конечномъ итогѣ, можетъ ожидать простора нѣсколько бо̀льшаго, чѣмъ отъ администраторовъ, являющихся цензорами лишь въ свободное отъ другихъ занятій время, то отсюда вытекаетъ только одно заключеніе: отдѣльная цензура есть меньшее изъ двухъ золъ, но отнюдь не положительное благо. Такимъ благомъ для провинціальной періодической печати, какъ и для всякой другой, можно считать единственно освобожденіе отъ предварительной цензуры. Только оно, знаменуя собою довѣріе къ печати и сознаніе приносимой ею пользы, можетъ устранить препятствія, встрѣчаемыя въ настоящее время ходатайствами объ основаніи новыхъ провинціальныхъ періодическихъ изданій [1]). До сихъ поръ у насъ еще немало большихъ городовъ въ которыхъ, кромѣ оффиціальныхъ губернскихъ и епархіальныхъ „Вѣдомостей“, вовсе нѣтъ частныхъ органовъ печати (назовемъ, для примѣра, Тамбовъ, Симбирскъ, Могилевъ). Въ другихъ городахъ выходитъ только одна га-

---

[1]) Еще недавно, напримѣръ, министромъ внутреннихъ дѣлъ отклонены просьбы двухъ лицъ, желавшихъ издавать газеты въ Уфѣ, гдѣ теперь, кромѣ оффиціальныхъ вѣдомостей, выходитъ только одинъ еженедѣльный „Листокъ объявленій и извѣщеній“.

зета, влачащая, за отсутствіемъ конкурренціи, довольно жалкое существованіе или прямо употребляющая во зло свою фактическую монополію (припомнимъ, какую роль играетъ, напримѣръ, „Бессарабецъ“ въ Кишиневѣ). Трудно повѣрить, что въ такомъ городѣ, какъ Харьковъ, очень долго имѣлась только одна частная газета—„Южный Край“. До крайности непрочными оказываются даже попытки оживить неоффиціальный отдѣлъ „Губернскихъ Вѣдомостей“; очень часто сдѣланное въ этомъ отношеніи при одномъ губернаторѣ уничтожается при другомъ, или перемѣна въ составѣ редакціи (какъ это недавно случилось въ Харьковѣ) влечетъ за собою возвращеніе газеты къ прежней безцвѣтности и безсодержательности. Въ концѣ девятидесятыхъ годовъ въ „Екатеринославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ существовалъ особый „Отдѣлъ екатеринославскаго уѣзднаго земства“. По прошествіи двухъ лѣтъ ему положили конецъ „непредвидѣнныя и независѣвшія отъ уѣздной земской управы обстоятельства“, хотя, по удостовѣренію управы, „единственной его цѣлью служило стремленіе уѣзднаго земства дать возможность своевременно знакомиться съ мѣропріятіями правительства и земскихъ учрежденій въ сферѣ земской дѣятельности, быть въ курсѣ теченія земской жизни и почерпать полезныя свѣдѣнія и указанія по отношенію къ сельскому хозяйству во всѣхъ его разновидностяхъ“... За мѣстную печать неоднократно высказывались даже представители администраціи. Бывшій могилевскій губернаторъ Н. А. Зиновьевъ, уѣзжая, два года тому назадъ, изъ Могилева для занятія высшаго поста въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ [1]). произнесъ прощальную рѣчь, въ которой призналъ наличность услугъ, оказанныхъ ему гласностью—въ лицѣ „Могилевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, т. е. органа оффиціальнаго, зависимаго, стѣсненнаго въ средствахъ. Отсюда ясно, какую службу можетъ сослужить мѣстной администраціи—

[1]) Въ настоящее время Н. А. Зиновьевъ состоитъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ

и, конечно, въ еще большей степени мѣстному населенію,— печать самостоятельная, располагающая достаточнымъ числомъ способныхъ сотрудниковъ и хорошо освѣдомленныхъ корреспондентовъ. Весьма характерна, съ занимающей насъ точки зрѣнія, руководящая статья, съ которою выступилъ въ 1896-мъ году только что основанный тогда „Калужскій Вѣстникъ". „Въ то время"—сказано въ этой статьѣ—„когда нѣкоторые иниціаторы мѣстныхъ провинціальныхъ изданій не получили административнаго разрѣшенія на изданіе мѣстныхъ газетъ, Калуга, благодаря просвѣщенному сочувствію и содѣйствію мѣстной власти и энергіи нѣкоторыхъ лицъ, имѣетъ мѣстный печатный органъ съ весьма широкою для провинціи программой". Итакъ, все зависитъ отъ случайнаго настроенія одного лица. Не боится губернаторъ гласности и критики—изданіе мѣстной газеты возможно; предпочитаетъ онъ „тишь и гладь", что́ бы подъ ней ни скрывалось—десятки тысячъ читателей должны оставаться безъ свѣдѣній о томъ, что́ творится рядомъ съ ними. Пора замѣнить такой порядокъ (или, правильнѣе, отсутствіе всякаго порядка) опредѣленными правилами, подъ охраной которыхъ свободно могла бы развиваться мѣстная печать—и во главѣ этихъ правилъ должно стоять освобожденіе отъ предварительной цензуры.

Съ вопросомъ о предварительной цензурѣ тѣсно связано значеніе, которое законъ придаетъ объему книги. Въ интересной статьѣ профессора И. Я. Фойницкаго: „Моменты исторіи законодательства печати", вошедшей въ составъ II-го тома изданнаго имъ сборника: „На досугѣ" (Спб., 1900), приведены весьма вѣскія возраженія противъ обычнаго дѣленія не-періодическихъ изданій на книги и брошюры [1]), а также противъ установленія различныхъ правилъ для изданій періодическихъ и не-періодическихъ. Возникновеніе всѣхъ этихъ различій, по мнѣнію И. Я. Фойницкаго, „можетъ

[1]) Подъ именемъ брошюры понимается здѣсь и книга сравнительно небольшого объема (напр. содержащая въ себѣ меньше десяти печатныхъ листовъ).

быть понято только какъ историческій фактъ. Историческое первенство принадлежитъ книгѣ; долгое время она была почти исключительною формою, въ которую облекалась мысль. Явившись раньше, она естественно успѣла раньше достигнуть самостоятельности и свободы отъ государственнаго вмѣшательства. Но интересы жизни расли, общественная жизнь стала идти скорѣе, колеса ея завертѣлись съ быстротою, за которою тяжеловѣсная книга in folio XV—XVII столѣтія не въ силахъ была поспѣвать. Новыя условія вызвали новую форму: явилась брошюра. Ея компактность позволяла ей двигаться быстрѣе, ея незначительная величина открывала доступъ къ литературѣ большему числу лицъ. Мало по малу въ соціальной дѣятельности образовались различныя направленія, болѣе или менѣе рѣзко обособившіяся. Явленія жизни стали смѣняться еще быстрѣе, они не могли болѣе выжидать, пока у кого-либо явится рѣшимость и средства издать брошюру; они требовали постояннаго, безпрерывнаго наблюденія. Для удовлетворенія этой потребности новаго времени явилась періодическая пресса. Явившись позже другихъ, она еще не успѣла пріобрѣсти себѣ вездѣ ту долю независимости, какая принадлежитъ двумъ первымъ формамъ— но она неминуемо станетъ на ту же ступень". Что это случится рано или поздно—мы увѣрены въ томъ наравнѣ съ И. Я. Фойницкимъ. Едва ли, однако, сравнительно мягкое отношеніе къ книгѣ, свойственное раннему фазису развитія свободы печати, объясняется только тѣмъ, что книга, по времени своего появленія, старше брошюры. Брошюра, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Фойницкій, старше періодической печати—но это не мѣшаетъ первой возбуждать, въ извѣстные историческіе моменты, больше опасеній, чѣмъ даже послѣдняя. Отмѣненная если не для всѣхъ, то для многихъ періодическихъ изданій, предварительная цензура сохраняетъ у насъ полное господство надъ брошюрой. Почему? Отчасти потому, что для періодической печати придумана система административныхъ взысканій, непримѣнимая къ

брошюрамъ,—но отчасти и потому, что брошюра, небольшая по объему, доступная по цѣнѣ, легко усвояемая по содержанію, признается особенно опасной и требующей усиленныхъ мѣръ „предупрежденія и пресѣченія“. Посылки, лежащія въ основаніи такого взгляда, кажутся намъ по меньшей мѣрѣ спорными. Усвояемость мысли зависитъ не отъ количества страницъ, на которыхъ она изложена, а отъ характера темы, отъ способа изложенія, отъ степени убѣдительности доводовъ. Широкое распространеніе книга, соединяющая въ себѣ всѣ главныя условія популярности, получаетъ, сплошь и рядомъ, гораздо легче, чѣмъ брошюра, которой недостаетъ одного изъ этихъ условій. Читателей книга всегда имѣетъ больше, чѣмъ покупателей; высокая цѣна, уменьшая число послѣднихъ, можетъ вовсе не повліять или повліять очень мало на число первыхъ, разъ что книгѣ предшествуетъ громкая репутація автора или за нею слѣдуетъ ореолъ успѣха. Чѣмъ меньше книга (или брошюра), тѣмъ скорѣе и основательнѣе, притомъ, могутъ ознакомиться съ нею органы надзора, тѣмъ быстрѣе, слѣдовательно, можетъ быть возбуждено противъ нея судебное преслѣдованіе. Важны, съ точки зрѣнія цензурнаго вѣдомства, не столько тѣ или другія отдѣльныя выраженія, которыя могли бы исчезнуть при предварительной цензурѣ, сколько общее содержаніе, которое и въ брошюрѣ, и въ книгѣ одинаково можетъ быть предметомъ судебной оцѣнки. Отъ періодическаго изданія брошюра отличается тѣмъ, что она, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, стоитъ одиноко, не представляя собою одного изъ звеньевъ длинной цѣпи; рядъ брошюръ, систематически слѣдующихъ одна за другою и бьющихъ въ одну точку—явленіе рѣдкое, исключительное, и не имъ должна обусловливаться политика правительства относительно этого рода литературныхъ произведеній. Вполнѣ возможно, поэтому, отсутствіе особыхъ мѣръ предосторожности по отношенію къ брошюрамъ, даже при недовѣріи къ періодической печати. Палліативомъ въ этой области, не выдерживающимъ теоретической критики, но

практически не маловажнымъ, было бы значительное пониженіе минимальнаго числа листовъ, освобождающаго отъ предварительной цензуры, и притомъ безъ различія между сочиненіями оригинальными и переводными. Уравненіе тѣхъ и другихъ было проектировано, какъ мы видѣли, еще коммиссіею князя Урусова. Считать переводныя сочиненія болѣе опасными, чѣмъ оргинальныя, нѣтъ, очевидно, никакой причины. Правда, переводныя сочиненія, при прочихъ равныхъ условіяхъ, могутъ быть пускаемы въ продажу по болѣе дешевой цѣнѣ, такъ какъ вознагражденіе переводчиковъ, вообще говоря, меньше вознагражденія авторовъ; но вѣдь не вдвое же удешевляется отъ этого цѣна книги, не стоитъ же переводное сочиненіе въ двадцать листовъ столько же, сколько оригинальное—въ десять. Весьма часто, притомъ, цѣна книги опредѣляется соображеніями или обстоятельствами, не имѣющими ничего общаго съ размѣромъ гонорара. Опасенія, съ цензурной точки зрѣнія, можетъ, наконецъ, внушить развѣ цѣна столь низкая, что книгѣ (или брошюрѣ) легко проникнуть въ народную массу; но сюда относятся только изданія *очень* дешевыя, т. е. совсѣмъ небольшія—примѣрно въ одинъ-два печатныхъ листа.

Въ какой бы мѣрѣ ни была расширена категорія не—періодическихъ изданій, свободныхъ отъ предварительной цензуры, наша литература выиграла бы отъ того не особенно много, еслибы остался въ силѣ порядокъ уничтоженія книгъ, введенный закономъ 7-го іюня 1872 года. Мы знаемъ уже, что этотъ законъ, въ глазахъ его составителей, имѣлъ значеніе временной мѣры; едва ли имъ приходило на мысль, что ему суждено просуществовать болѣе тридцати лѣтъ и сохранять свою силу при условіяхъ мало похожихъ на тѣ, при которыхъ онъ былъ изданъ. Онъ испыталъ на себѣ судьбу всѣхъ постановленій, создающихъ тотъ или другой видъ дискреціонной власти: сфера ихъ примѣненія всегда оказывается гораздо болѣе широкой, чѣмъ предполагалось сначала. Это и не можетъ быть иначе: безграничность и неопре-

дѣленность власти неизбѣжно влечетъ ее все дальше и дальше, въ сторону отъ первоначально намѣченной дороги. Законъ 7-го іюня 1872 года имѣлъ въ виду исключительно сочиненія, *стремящіяся* ниспровергнуть священныя истины религіи, извратить понятія о нравственности и поколебать коренныя основы государственнаго и общественнаго порядка—и притомъ такія сочиненія, *разрушительное* вліяніе которыхъ необходимо предупредить *безотлагательно* и энергично. Отсюда ясно, прежде всего, что подъ дѣйствіе закона не подходятъ сочиненія строго научныя, чуждыя субъективныхъ *стремленій*, вовсе не расчитанныя на непосредственный практическій эффектъ, въ особенности если они написаны при условіяхъ, болѣе не существующихъ, и представляютъ интересъ чисто историческій. Не распространяется законъ, тѣмъ болѣе, на книги, посвященныя тому или другому частному вопросу—книги, въ которыхъ *лжеученія* нельзя усмотрѣть уже потому, что въ нихъ вовсе не проводится никакихъ *ученій*. А между тѣмъ, въ спискѣ уничтоженныхъ книгъ мы встрѣчаемъ, съ одной стороны, сочиненія Гоббса, Спинозы, [1]) Вольтера, свободныя отъ всякихъ точекъ соприкосновенія съ настоящимъ, сочиненія такихъ серьезныхъ, безстрастныхъ писателей, какъ Финлей, Гербертъ Спенсеръ, Лекки, Геттнеръ, Рибо, Нейманъ, Лоренцъ Штейнъ, Паульсенъ, Родбертусъ, съ другой стороны—книги, по содержанію своему не имѣющія ничего общаго съ тѣми, противъ которыхъ былъ направленъ законъ 1872 года (напр. „Славянскія драмы", Мордовцева, „Записка о гербовыхъ пошлинахъ и о налогѣ на наслѣдства", Борткевича, „Желѣзнодорожное хозяйство" де-Скроховскаго, „Лишеніе свободы, какъ наказаніе исправительное" Прянишникова, „Артели на Руси" Скалона, „Исторія спб. комитета грамотности" Протопопова). Не подлежитъ, слѣдовательно, никакому сомнѣнію, что законъ 1872-го года служилъ и служитъ

---

[1]) Нѣсколько лѣтъ спустя новый переводъ Спинозы безпрепятственно поступилъ въ продажу.

вовсе не той цѣли, ради которой онъ состоялся. Столь же очевидно и то, что созданный имъ просторъ въ уничтоженіи книгъ не оправдалъ ожиданій, не создалъ прочной плотины противъ антирелигіозныхъ, антигосударственныхъ и антиобщественныхъ теченій. Не менѣе важны косвенныя послѣдствія закона, выразившіяся какъ въ уменьшеніи издательской дѣятельности, такъ и въ возстановленіи для безцензурныхъ изданій, de facto, чего-то въ родѣ предварительной цензуры. Невозможность предвидѣть, что именно будетъ признано подлежащимъ уничтоженію, обратила издательскую осторожность въ боязливость, несовмѣстную съ нормальнымъ развитіемъ литературы—а практика компромиссовъ, о которой мы говорили выше, открыла путь для цензурныхъ урѣзокъ въ безцензурныхъ изданіяхъ, періодическихъ и не-періодическихъ.

То же противорѣчіе между намѣреніемъ и исполненіемъ характеризуетъ собою и другія области примѣненія дискреціонной власти по дѣламъ печати. Когда, въ 1882-мъ году, совершенное прекращеніе періодическихъ изданій было предоставлено усмотрѣнію четырехъ министровъ, это правило было названо временнымъ, т. е. считалось краткосрочнымъ—а дѣйствуетъ оно болѣе двадцати лѣтъ. Что единственною его цѣлью было облегченіе и ускореніе борьбы съ такъ называемыми „вредными направленіями“—это явствуетъ какъ изъ заглавія того отдѣла устава о цензурѣ и печати, въ составъ котораго оно вошло (въ видѣ примѣчанія къ ст. 148-ой), такъ и изъ самаго свойства установляемой имъ мѣры, наиболѣе рѣшительной и тяжкой изъ всѣхъ, грозящихъ печатному слову. Между тѣмъ, въ числѣ прекращенныхъ этимъ путемъ изданій мы находимъ не только такія, которыя отнюдь не принадлежали къ числу „крайнихъ“ (напр. газета „Русская Жизнь“), но и такія, которыя смѣло могли быть отнесены къ категоріи „благонамѣренныхъ“ („Русскій Трудъ“ г. Шарапова). Оружіе, выкованное въ видахъ защиты церкви, государства и общества, пускается въ ходъ для охраны отдѣльнаго министра.

Допускается, съ другой стороны, примѣненіе сразу самой строгой кары, безъ предварительнаго обращенія къ другимъ, болѣе мягкимъ. Статья 148-ая уст. о ценз. и печ. опредѣляетъ порядокъ прекращенія изданія, получившаго третье предостереженіе. Рядомъ съ этимъ порядкомъ (и теперь не отмѣненнымъ) „временное" правило 1882-го года, изъ котораго образовалось примѣчаніе къ ст. 148-ой, поставило другой, но не отмѣнило, по отношенію къ нему, условіе, обязательное при первомъ—т. е. полученіе третьяго предостереженія. Соблюденіе этого условія одинаково важно въ обоихъ случаяхъ: различны только пути, которыми достигается запрещеніе, но предпосылки, безъ которыхъ оно состояться не можетъ, всегда однѣ и тѣже. И это вполнѣ естественно: такой крайней, безповоротной, разорительной для многихъ мѣрѣ, какъ совершенное прекращеніе изданія, должно, по всей справедливости, предшествовать хотя бы предвареніи объ участи, на встрѣчу которой идетъ изданіе. Не такъ же велика опасность, которою грозитъ изданіе, чтобы нельзя было продлить существованіе его на срокъ отъ двухъ дней (если рѣчь идетъ о газетѣ) до двухъ мѣсяцевъ (если идетъ рѣчь о „толстомъ" журналѣ, отдѣльныя книжки котораго могутъ быть, притомъ, уничтожены комитетомъ министровъ, на основаніи закона 1872-го года). Судьба „Новаго Слова", запрещеннаго, въ 1897 г., безъ предварительныхъ предостереженій, показываетъ, однако, что „временному" правилу 1882-го года дано иное толкованіе, несогласное съ его первоначальнымъ смысломъ. Намъ могутъ возразить, что за возможность обойтись, въ подобныхъ случаяхъ, безъ предостереженій говоритъ распространеніе „временного" правила на изданія подцензурныя, которыя предостереженіямъ не подлежатъ вовсе; но вѣдь подцензурному изданію настроеніе наблюдающей за нимъ власти извѣстно, говоря вообще, гораздо лучше, чѣмъ изданію безцензурному. Роль предостереженій играютъ, по отношенію къ первому, неизбѣжныя объясненія цензора съ редакціей и самыя урѣзки, производимыя цензоромъ или

цензурнымъ комитетомъ. Положеніе аналогичное съ тѣмъ, въ которомъ находится безцензурное изданіе, не получавшее предостереженій, для изданія подцензурнаго мыслимо въ такомъ только случаѣ, если ни одна статья не была въ немъ ни запрещена, ни значительно сокращена цензурой—а это едва ли возможно, развѣ что изданіе, въ концѣ концовъ, признано подлежащимъ совершенному прекращенію.

Что въ области болѣе мягкихъ административныхъ мѣръ, установленныхъ закономъ 6-го апрѣля 1865-го года, пользованіе дискреціонной властью точно также не соотвѣтствуетъ первоначальной мысли законодателя—это было показано нами еще въ 1869-мъ году, въ первой статьѣ, посвященной нами законамъ о печати [1]. Особенно характерной представляется, съ этой точки зрѣнія, судьба славянофильскихъ изданій. Подозрѣніе, павшее на нихъ еще при императорѣ Николаѣ I-мъ, продолжало тяготѣть надъ ними, ослабѣвая только по временамъ и ненадолго, въ теченіе цѣлой трети вѣка. Запрещенъ былъ второй томъ „Московскаго Сборника", запрещены „Молва" и „Парусъ"; „День" постоянно встрѣчалъ цензурныя препятствія и изнемогъ, наконецъ, въ борьбѣ за существованіе; на „Москву" (вмѣстѣ съ „Москвичемъ") вылилась вся чаша административныхъ каръ, и послѣ ея запрещенія для И. С. Аксакова болѣе десяти лѣтъ оставалось закрытымъ поприще, къ которому его влекло призваніе, съ которымъ онъ былъ связанъ всѣми фибрами своей души. Только тогда, когда, благодаря мимолетному просвѣту, ему была дана возможность возвратиться къ любимому дѣлу, выяснилась вся колоссальность недоразумѣнія, жертвой котораго такъ долго, вмѣстѣ съ нимъ, было цѣлое направленіе. „Русь" показала наглядно, что невыгоднымъ вынужденное молчаніе славянофиловъ было, прежде и больше всего, для самой администраціи. И все-таки, еслибы Аксаковъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, его газету и его самого опять

---

[1]) Смотри выше, стр. 23, сл.

могла бы постигнуть невзгода; припомнимъ, что незадолго до смерти онъ получилъ предостереженіе за недостатокъ „истиннаго патріотизма"... Другимъ примѣромъ недоразумѣній, неизбѣжныхъ при дѣйствіи системы дискреціонныхъ административныхъ взысканій, можетъ служить исторія „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", со времени ихъ перехода (въ 1896 г.) подъ редакцію кн. Э. Э. Ухтомскаго. Что послѣдній, по всѣмъ основнымъ вопросамъ нашей государственной жизни, принадлежитъ къ числу искреннихъ, убѣжденныхъ консерваторовъ—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. А между тѣмъ, его газета не только почти непрерывно навлекала на себя нареканія реакціонной прессы, но неоднократно подвергалась административнымъ карамъ (два предостереженія, четыре запрещенія розничной продажи); положеніе его, какъ редактора, нѣсколько разъ казалось висящимъ на волоскѣ—и, по видимому, не особенно прочно и въ настоящее время. Не случайно же онъ счелъ необходимымъ напечатать, въ іюнѣ 1903-го года, обзоръ своей редакторской дѣятельности (см. фельетонъ: „За семь лѣтъ" въ № 161 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей"), подчеркивая такія ея черты, которыя, при другихъ, болѣе нормальныхъ условіяхъ, гарантировали бы ей безмятежное будущее. „Основная идея („С.-Петербургскихъ Вѣдомостей")—говоритъ кн. Ухтомскій—оставалась и остается неизмѣнною: заключалась же она въ томъ, что царь, какъ идеальное воплощеніе русскихъ чаяній и вдохновенныхъ порывовъ, одинъ только можетъ уврачевать нашу тусклую и больную дѣйствительность; для этого надо больше свѣта, воздуха и тепла, пробужденія творческихъ силъ въ обществѣ и народѣ". И вотъ, представитель такого взгляда, во многихъ отношеніяхъ, притомъ, поставленный въ особенно благопріятныя условія, вынужденъ оправдываться, защищаться, отстаивать, безъ увѣренности въ успѣхѣ, свое право на существованіе! Гдѣ искать объясненія этой странности? Отчасти оно дано въ слѣдующихъ словахъ кн. Ухтомскаго: „каждый разъ, что выставлялся голый фактъ, не под-

лежащій опроверженію и ложному освѣщенію, каждый разъ, что произносилась истина, очевидность которой теоретически признана давно и которая вообще непререкаема, — это считалось внесеніемъ въ нашу *спокойную* жизнь *безпокойнаго* элемента". Спокойствіе, дѣйствительно, слишкомъ часто отожествляется у насъ съ неподвижностью, что бы ни скрывалось подъ ея обманчивою тишиною. Попытка приподнять занавѣсъ, показать то, что есть, какимъ оно есть, разсматривается какъ признакъ неблагонамѣренности, хотя бы для подобнаго предположенія не было и тѣни основанія. Исходя отъ изданія консервативнаго—консервативнаго въ лучшемъ смыслѣ слова, т. е. далекаго отъ реакціонныхъ вожделѣній,— такая попытка считается иногда особенно опасной, именно потому, что труднѣе заподозрить ея источникъ и отказать ей въ правѣ на вниманіе. Когда „С.-Петербургскія Вѣдомости" говорятъ, напримѣръ, въ защиту вѣротерпимости, нельзя противопоставить этой защитѣ fin de non recevoir, приписавъ ее религіозному индифферентизму; когда онѣ, по поводу работъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, указываютъ на недостаточность бюрократической заботы о народномъ благѣ, ихъ нельзя обвинить въ стремленіи возбудить недовѣріе къ правительству. О *вредномъ направленіи* „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" вообще не можетъ быть и рѣчи—а между тѣмъ по отношенію къ нимъ принимаются мѣры, предназначавшіяся первоначально лишь для борьбы съ вредными направленіями. Подойдемъ къ вопросу съ другой стороны: спросимъ себя, было ли бы мыслимо осужденіе или даже преслѣдованіе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", еслибы наша печать была отвѣтственна только передъ судомъ? Очевидно—нѣтъ: и въ этомъ мы видимъ неотразимый доводъ противъ системы административныхъ взысканій.

Свободными отъ административныхъ каръ не остаются и такія изданія, какъ „Московскія Вѣдомости" и „Гражданинъ". Не говоря уже о пріостановкѣ, которой подверглись „Московскія Вѣдомости" въ 1866-мъ году, во время извѣстной

борьбы между Валуевымъ и Катковымъ, онѣ получили, впослѣдствіи, пять предостереженій, изъ которыхъ послѣднее не дальше какъ въ прошломъ, 1902-мъ году. „Гражданинъ“ получилъ всего семь предостереженій, одинъ разъ былъ пріостановленъ на короткое время и нѣсколько разъ былъ лишаемъ права розничной продажи. Интересны мотивы двухъ предостереженій, данныхъ „Гражданину“ въ два различные періода исторіи нашей печати. Въ 1885 г. ему было объявлено предостереженіе „за непозволительную по своей рѣзкости статью („Мысли моряка о морскомъ цензѣ“), которая, явно извращая смыслъ закона, стремится подорвать уваженіе къ нему“. „Если періодическое изданіе“—замѣтили мы тогда же,—„извращаетъ смыслъ закона, то всего правильнѣе возстановить этотъ смыслъ путемъ оффиціальнаго, подробно мотивированнаго сообщенія. Подрывать уваженіе къ закону можно, собственно говоря, только однимъ путемъ: отрицаніемъ обязательной силы закона вообще. Понимать эти слова иначе, значило бы уничтожить возможность критики по отношенію къ отдѣльнымъ актамъ законодательной власти. Критическій разборъ закона сводится весьма часто къ указанію его слабыхъ сторонъ, его недостатковъ. Нравственный авторитетъ закона можетъ отъ этого уменьшиться—но юридическій авторитетъ его остается неприкосновеннымъ; можно желать отмѣны или измѣненія закона—и все-таки повиноваться ему, пока онъ существуетъ. Что касается до рѣзкости языка, то рѣзкость—понятіе условное, относительное; умѣнье взвѣшивать каждое слово дано не всякому, и манеры письма столь же различны, какъ различны темпераменты писателей“. Въ 1902 г. предостереженіе, данное „Гражданину“, было мотивировано тѣмъ, что авторъ „Дневника“ „позволяетъ себѣ рѣзкія сужденія о высшихъ должностныхъ лицахъ губернскаго управленія, забывая должное уваженіе къ представителямъ власти“. Основаніемъ для кары, постигшей газету кн. Мещерскаго, опять явилось, такимъ образомъ, не *содержаніе* статьи, а только *тонъ* ея. Что кн. Мещерскій не имѣлъ въ виду

подрывать уваженіе къ губернаторамъ, какъ къ представителямъ власти—это едва ли можетъ подлежать какому-либо сомнѣнію; слишкомъ извѣстны взгляды „Гражданина“ на администрацію вообще и губернаторовъ въ особенности. Критикуя, съ своей точки зрѣнія, дѣйствія нѣкоторыхъ начальниковъ губерній, авторъ „Дневника“ могъ быть убѣжденъ, что онъ остается въ границахъ своего права и даже по-своему оберегаетъ престижъ органовъ власти. Тонъ рѣчи, самъ по себѣ взятый, служитъ вообще мало подходящимъ объектомъ для административныхъ каръ, мотивируемыхъ требованіями общественнаго порядка и спокойствія; съ еще бо́льшимъ основаніемъ это можно сказать о тонѣ органа, признающаго себя и признаваемаго охранительнымъ по преимуществу.

Подобно предостереженіямъ и пріостановкамъ, запрещенія розничной продажи и печатанія частныхъ объявленій также выпадаютъ на долю не однихъ лишь независимыхъ органовъ печати; но и помимо этого, оба вида запрещеній представляются, на самомъ дѣлѣ, далеко несоотвѣствующими ихъ первоначальному назначенію. Мы видѣли уже, что право запрещать розничную продажу періодическихъ изданій было дано министру внутреннихъ дѣлъ въ видахъ охраны уличной тишины и спокойствія и что по буквальному смыслу ст. 178-ой уст. о ценз. и печ. списокъ изданій, не допускаемыхъ къ розничной продажѣ, долженъ былъ быть установляемъ при выдачѣ дозволеній на занятіе розничной продажей, т. е. долженъ былъ имѣть болѣе или менѣе постоянный характеръ. Ничего подобнаго практика запрещеній не представляетъ. Никому не придетъ на мысль утверждать, что продажа на улицѣ „Гражданина“ или „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, да и вообще какой-бы то ни было газеты, угрожаетъ общественному порядку. Сплошь и рядомъ газета, сегодня свободно продаваемая на улицахъ, завтра исчезаетъ изъ рукъ разносчиковъ, а черезъ нѣсколько дней или недѣль вновь можетъ быть куплена прохожими, хотя за все это время никакихъ замѣт-

ныхъ перемѣнъ въ содержанiи и направленiи ея не произошло. Отсюда ясно, что изъ мѣры предосторожности запрещенiе розничной продажи, вопреки его исходной точкѣ, обратилось въ административную кару—кару безсрочную, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не мотивируемую и крайне неравномѣрную для различныхъ изданiй, въ зависимости отъ степени и вида ихъ распространенiя, т. е. отъ преобладанiя подписчиковъ надъ покупателями, или наоборотъ. Газета, имѣющая преимущественно иногороднiй кругъ читателей, терпитъ отъ запрещенiя розничной продажи гораздо меньше, чѣмъ газета, расходящаяся, главнымъ образомъ, въ мѣстѣ своего появленiя. Для одной газеты ежедневный убытокъ отъ запрещенiя розничной продажи исчисляется копѣйками, для другой—десятками рублей. Другими словами, запрещенiе розничной продажи—это денежная пеня, не ограниченная никакими предѣлами, налагаемая безъ истребованiя объясненiй, безъ права обжалованiя, безъ какого бы то ни было соотвѣтствiя съ виною (если въ подобныхъ случаяхъ можетъ вообще быть рѣчь о винѣ). То же самое слѣдуетъ сказать и о другомъ изъ вышеупомянутыхъ запрещенiй. Въ 1863-мъ году на всѣ газеты только что было распространено право печатать частныя объявленiя, принадлежавшее до тѣхъ поръ только нѣкоторымъ привилегированнымъ изданiямъ. Отсюда взглядъ на это право какъ на льготу, которую нужно заслужить—а, слѣдовательно, можно и потерять на болѣе или менѣе продолжительное время. Когда печатанiе объявленiй вошло въ обычай и самыя объявленiя сдѣлались какъ бы необходимою составною частью перiодическаго (въ особенности—ежедневнаго) изданiя, для прежняго взгляда не осталось мѣста, тѣмъ болѣе, что его не усвоилъ себѣ законъ 6-го апрѣля 1865-го года. Въ теченiе многихъ лѣтъ запрещенiя печатать объявленiя не встрѣчались вовсе: они появляются вновь, какъ мы уже знаемъ, не раньше 1879-го года. Совершенно нечувствительныя для иныхъ изданiй, они влекутъ за собою для другихъ потери не менѣе тяжелыя, чѣмъ запрещенiе розничной продажи.

Если дискреціонная власть администраціи по дѣламъ печати всегда, во всѣхъ сферахъ своего дѣйствія, приводитъ и не можетъ не приводить къ результатамъ, не входившимъ въ намѣренія законодателя и несовмѣстнымъ съ сколько нибудь правильнымъ развитіемъ печатнаго слова, то логическое заключеніе отсюда можетъ быть выведено только одно: необходимо возвратиться къ основнымъ началамъ закона 1865-го года и довершить слишкомъ скоро прерванное ихъ осуществленіе. Допустивъ уничтоженіе книгъ извѣстнаго объема не иначе какъ по суду, освободивъ отъ предварительной цензуры всѣ выходившія тогда въ столицахъ періодическія изданія, поставивъ совершенное ихъ прекращеніе въ зависимость отъ высшаго административнаго суда имперіи, усмотрѣвъ главное препятствіе къ дальнѣйшему, болѣе рѣшительному шагу въ несовершившемся еще тогда преобразованіи судебной части, законодатель заложилъ прочный фундаментъ для будущаго зданія. Отчего оно до сихъ поръ не возведено, отчего разрушены или повреждены нѣкоторыя подготовительныя къ нему работы—это видно, отчасти, изъ всего сказаннаго нами выше. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что уклоненія отъ первоначальнаго плана не достигли цѣли. Сколько ни налагалось стѣсненій на печать—стѣсненій временныхъ по имени, долгосрочныхъ на самомъ дѣлѣ,—стремленія, несогласныя съ видами правительства, возникали, расли, распространялись и противъ нихъ оказывались безсильными привилегированные органы печати. Ограничимся однимъ примѣромъ: если въ настоящую минуту такъ называемый экономическій матеріализмъ менѣе распространенъ и менѣе популяренъ, чѣмъ лѣтъ 68 тому назадъ, то это слѣдуетъ приписать не запрещенію, одного за другимъ, журналовъ, считавшихся выразителями этого направленія („Новое Слово“, „Начало“, „Жизнь“), а эволюціи общественнаго мнѣнія, совершившейся именно благодаря сравнительной свободѣ, съ которой одно время излагалась и проводилась новая доктрина. Кто слѣдилъ за первыми ея шагами,

тотъ помнитъ, что съ особенною быстротою она развилась именно въ половинѣ девятидесятыхъ годовъ, когда не имѣла еще въ своемъ распоряженіи ни одного періодическаго изданія. Договорившись до конца, вожди движенія стали менѣе прямолинейны, менѣе исключительны; въ ихъ средѣ произошелъ поворотъ къ идеализму, поворотъ, котораго, конечно, не могли бы вызвать никакія репрессивныя мѣры.

Чтобы оцѣнить систему, необходимо дать ей извѣстный просторъ во времени и пространствѣ, присмотрѣться къ ея дѣйствію, выждать ея результаты. По отношенію къ судебной отвѣтственности въ области печатнаго слова такого опыта произведено не было. Предметомъ судебнаго преслѣдованія преступленія и проступки печати—если не считать процессовъ, возбужденныхъ частными лицами или вызванныхъ неопредѣленностью границы между духовной и свѣтской цензурой,—служили очень рѣдко и очень недолго. Для рѣшительныхъ выводовъ столь скудный матеріалъ очевидно недостаточенъ; но даже изъ него можно безошибочно заключить, что судебное преслѣдованіе по дѣламъ печати—орудіе вполнѣ дѣйствительное въ рукахъ правительства: въ концѣ концовъ оно почти всегда приводило къ обвинительному приговору. Конечно, при нормальномъ функціонированіи нормальныхъ законовъ о печати неизбѣжны и оправдательныя рѣшенія; взгляды суда, если онъ достоинъ этого имени, не могутъ всегда совпадать со взглядами администраціи—но нѣтъ никакого основанія думать, что первые будутъ расходиться съ послѣдними систематически и тенденціозно. Случается же суду постановлять рѣшенія противъ казны въ ея гражданскихъ искахъ, противъ должностныхъ лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности вопреки желанію ихъ начальства—и никто не видитъ въ этомъ признаковъ антагонизма между судебною и административною властью. Столь же напрасно было бы искать его въ оправдательныхъ приговорахъ по дѣламъ печати. Гдѣ самостоятельный судъ, тамъ и возможность разногласія между нимъ и обвинителемъ.

Въ обыкновенныхъ дѣлахъ такое разногласіе встрѣчается сплошь и рядомъ и нимало не вредитъ достоинству и авторитету обвинительной власти, если только она избѣгаетъ явно неправильныхъ обвиненій, не основанныхъ на законѣ или прямо противорѣчащихъ фактической сторонѣ дѣла... Достигнуть быстроты движенія дѣлъ о проступкахъ печати было бы очень легко, установивъ рѣшеніе ихъ внѣ очереди. Право налагать, въ исключительныхъ случаяхъ, предварительный арестъ на книгу или на нумеръ періодическаго изданія можно было бы дать прокуратурѣ, которую вообще слѣдовало бы привлечь къ болѣе активной роли въ дѣлахъ печати, предоставивъ ей иниціативу преслѣдованія, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ городахъ, гдѣ нѣтъ цензурнаго комитета.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда казался возможнымъ и близкимъ пересмотръ законовъ о печати, Салтыковъ (въ „Письмахъ къ тетенькѣ") намѣтилъ три пожеланія, при исполненіи которыхъ реформа была бы дѣйствительно перемѣной къ лучшему: 1) чтобы процедура преданія суду за проступки печати сопровождалась не сверхъ-естественнымъ, а обыкновеннымъ порядкомъ; 2) чтобы суды тоже были не сверхъ-естественные, а обыкновенные, какъ для татей; 3) чтобы кутузки ни подъ какимъ видомъ по дѣламъ книгопечатанія не полагалось. Выражая, въ свое время [1]), полное сочувствіе двумъ первымъ пожеланіямъ (или „иллюзіямъ", какъ съ свойственною ему прозорливостью назвалъ ихъ Салтыковъ), мы находили, что съ мыслью о „кутузкѣ" можно и примириться. „Выше интереса литераторовъ" — говорили мы тогда — „стоитъ интересъ литературы; если нужно сдѣлать выборъ между кутузкой для первыхъ и тисками для послѣдней, то колебаніе едва ли мыслимо. Бей, да слушай — сказалъ нѣкогда герой классической древности; отправляйте насъ въ кутузку, но не запрещайте говорить, — могутъ ска-

---

[1]) См. статью: „Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова" въ № 4 „Вѣстника Европы" за 1883 г.

зать по его примѣру, безъ всякаго геройства, современные литераторы... Если расширеніе сферы, доступной для литературы, и соединенное съ нимъ поднятіе литературнаго уровня возможно лишь подъ условіемъ личной отвѣтственности литераторовъ, то кутузка должна быть предметомъ нашихъ вожделѣній". При этомъ выводѣ мы остаемся и теперь, по прошествіи двадцати лѣтъ, принесшихъ съ собою только новыя стѣсненія для литературы.

Само собою разумѣется, что въ примѣненіи „кутузки", какъ и другихъ уголовныхъ каръ, должна быть соблюдаема мѣра: оно должно быть регулировано закономъ, предусматривающимъ всѣ случаи уголовной отвѣтственности за злоупотребленіе печатнымъ словомъ. Съ этой точки зрѣнія не вполнѣ цѣлесообразными кажутся намъ постановленія уголовнаго уложенія, получившаго силу закона 22-го марта 1903 года. Составители его упустили изъ виду возможность и неизбѣжность возвращенія къ системѣ, созданной закономъ 6-го апрѣля 1865 года, и затруднили этимъ самымъ освобожденіе печати отъ административныхъ взысканій. „Преступныя дѣянія, учиняемыя путемъ печати" — читаемъ мы въ объясненіяхъ редакціонной коммиссіи (т. III стр. 412)—„до послѣдняго времени обращали на себя вниманіе законодателей какъ совершенно особенный родъ преступленій, требующихъ спеціальныхъ постановленій закона. Между тѣмъ, разсматривая означенныя преступныя дѣянія, нельзя не видѣть, что, за исключеніемъ нарушенія правилъ о надзорѣ за печатью, они вполнѣ подходятъ подъ соотвѣтственные виды общихъ преступленій, отличаясь отъ нихъ лишь способомъ совершенія. Нормы, нарушаемыя такъ называемыми преступленіями печати (Pressdelikte, délits de la presse), имѣютъ прямою и непосредственною задачею охраненіе государственныхъ, общественныхъ или частныхъ юридическихъ интересовъ, не стоящихъ въ связи съ печатью. Преступленія печати суть тѣ предусмотрѣнныя общими законами преступленія, средствомъ совершенія коихъ является печатное слово, причемъ, какъ и при устной рѣчи, преступ-

ность заключается въ *содержанiи* произведенiя печати: оно прiобрѣтаетъ здѣсь особенную важность вслѣдствiе того, что все, исполненное посредствомъ графическихъ знаковъ, доступно неограниченному числу лицъ, и виновный обыкновенно дѣйствуетъ особеннымъ способомъ — черезъ опубликованiе. Но средства преступнаго дѣйствiя, по общему правилу, не могутъ служить основанiемъ классификацiи преступныхъ дѣянiй, составляя только обстоятельства, усиливающiя или смягчающiя виновность". Исходя изъ этихъ соображенiй, редакцiонная коммиссiя распредѣлила преступленiя печати между различными главами уложенiя, не отдѣляя ихъ, бóльшею частью, отъ преступленiй однородныхъ по существу, но различныхъ по способу совершенiя. Въ главѣ о нарушенiи ограждающихъ вѣру постановленiй богохуленiе или кощунство, совершенное въ распространенномъ произведенiи печати, поставлено на одинъ уровень съ публичнымъ произнесенiемъ богохульныхъ или кощунственныхъ словъ (ст. 73 п. 2 и 74 п. 2). Распространенiе сочиненiя, возбуждающаго къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданiе, или въ расколоученiе, или въ секту, уравнено съ произнесенiемъ или чтенiемъ, публично, проповѣди или рѣчи такого же содержанiя (ст. 90). Наравнѣ съ оскорбленiемъ Величества наказывается распространенiе сочиненiя, оскорбительнаго для достоинства императора, императрицы или наслѣдника престола (ст. 103), наравнѣ съ публичнымъ оскорбленiемъ памяти усопшаго предка или предшественника царствующаго императора—распространенiе сочиненiя, оскорбительнаго для этой памяти (ст. 107). Аналогичны съ вышеприведенными постановленiя о распространенiи: 1) сочиненiй, порицающихъ установленный образъ правленiя или порядокъ наслѣдованiя престола (ст. 128); 2) сочиненiй, возбуждающихъ къ учиненiю бунтовщическаго или измѣнническаго дѣянiя, къ ниспроверженiю существующаго въ государствѣ общественнаго строя, къ неповиновенiю или противодѣйствiю закону, или обязательному постановленiю, или законному распоряженiю власти (ст. 129); 3) сочиненiй,

восхваляющихъ преступленіе (ст. 133); 4) сочиненій, заключающихъ въ себѣ оскорбленіе правительственнаго или общественнаго установленія (ст. 154). Ст. 263 предусматриваетъ распространеніе ложныхъ, могущихъ возбудить общественную тревогу слуховъ, какимъ бы способомъ оно ни совершалось; ст. 281—распространеніе безстыдныхъ сочиненій. Оскорбленіе въ распространенномъ произведеніи печати наказывается строже, чѣмъ оскорбленіе, нанесенное другимъ способомъ (ст. 533); обстоятельствомъ, увеличивающимъ наказаніе, распространеніе путемъ печати служитъ и при разглашеніи завѣдомо ложнаго обстоятельства, подрывающаго довѣріе къ лицу, обществу или учрежденію (ст. 540). Что касается собственно до главы пятнадцатой уложенія, имѣющей предметомъ нарушеніе постановленій о надзорѣ за печатью, то здѣсь идетъ рѣчь о нарушеніи правилъ, установленныхъ для типографій и другихъ подобныхъ заведеній, для издателей и редакторовъ, для торговли произведеніями печати, для исполненія на сценѣ литературныхъ или музыкальныхъ произведеній, для печатанія судебныхъ рѣшеній и отчетовъ, а также правилъ, ограничивающихъ свободу оглашенія тѣхъ или другихъ фактовъ или свѣдѣній.

Не оспаривая тѣхъ теоретическихъ разсужденій, въ силу которыхъ редакціонная коммиссія нашла ненужнымъ выдѣлять въ особую группу преступленія печати, посмотримъ на практическія послѣдствія этого рѣшенія. Когда вступилъ въ силу законъ 6 апрѣля 1865-го года, преступленія печати образовали двѣ группы: въ составъ одной вошли тѣ, которыя и раньше были предусмотрѣны уложеніемъ о наказаніяхъ, какъ возможныя разновидности того или иного общаго преступленія; въ составъ другой — тѣ, которыя были созданы вновь, вслѣдствіе освобожденія нѣкоторыхъ періодическихъ и неперіодическихъ изданій отъ предварительной цензуры и подчиненія ихъ судебной отвѣтственности. Коммиссія, учрежденная въ 1869-мъ году, подъ предсѣдательствомъ кн. С. Н. Урусова, для пересмотра узаконеній о печати, включила въ

составленный ею законопроектъ полный перечень преступленій печати, т.-е. приняла систему прямо противоположную той, на которой остановилась редакціонная коммиссія, составлявшая уголовное уложеніе. Всѣ преступленія печати были распредѣлены коммиссіею кн. Урусова между шестью отдѣленіями, въ 44 статьяхъ (247—290): 1) о преступленіяхъ противъ вѣры, 2) о преступленіяхъ государственныхъ, 3) о преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядка управленія, 4) о преступленіяхъ и проступкахъ, касающихся управленія арміею, 5) о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благочинія, порядка и спокойствія и 6) о преступленіяхъ и проступкахъ противъ чести частныхъ лицъ, обществъ и установленій. Затѣмъ слѣдовало еще пять отдѣленій (ст. 291 — 321), соотвѣтствующихъ, по своему содержанію, главѣ пятнадцатой новаго уголовнаго уложенія. Если мы сравнимъ проектъ коммиссіи 1869-го года съ тѣми статьями новаго уголовнаго уложенія, которыми предусматриваются, независимо отъ способа совершенія, перечисленныя выше *общія* преступленія, насъ поразитъ, прежде всего, то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказанія, предположенныя въ проектѣ, мягче не только тѣхъ, которыя опредѣлялись дѣйствовавшимъ тогда (и дѣйствующими еще до сихъ поръ) уложеніемъ о наказаніяхъ, но и тѣхъ, которыя назначаются новымъ уложеніемъ. Такъ напримѣръ, богохуленіе въ печати, по уложенію 1845-го года подвергавшее виновнаго ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, на основаніи проекта коммиссіи 1869-го года влекло бы за собой ссылку на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губерніи — а новое уложеніе караетъ его ссылкою на поселеніе [1]). Высшее наказаніе за оскорбленіе Величества по уложенію 1845-го года—каторжная работа на двѣнадцать лѣтъ, по проекту — ссылка на поселеніе, по новому уложе-

---

[1]) Хотя въ новомъ уложеніи ссылка на поселеніе имѣетъ нѣсколько другое значеніе, чѣмъ въ прежнемъ, и назначается только за преступленія непозорящаго свойства, тѣмъ не менѣе она остается наказаніемъ весьма тяжелымъ, сопряженнымъ съ лишеніемъ правъ состоянія.

нію—каторга не свыше восьми лѣтъ. Высшее наказаніе за оспариваніе или порицаніе установленнаго образа правленія или престолонаслѣдія по уложенію 1845-го года—каторжная работа на шесть лѣтъ, по проекту—ссылка на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губерніи, по новому уложенію—ссылка на поселеніе. Высшее наказаніе за оскорбительный отзывъ о правительственномъ или общественномъ установленіи по старому уложенію — два года, по проекту — восемь мѣсяцевъ, по новому уложенію—годъ тюремнаго заключенія. Чѣмъ объяснить такую разницу? Общаго поворота отъ болѣе мягкихъ воззрѣній къ болѣе суровымъ въ области уголовнаго законодательства за послѣднія тридцать лѣтъ не произошло; новое уложеніе, въ общемъ, знаменуетъ собою скорѣе побѣду первыхъ надъ послѣдними. Все дѣло, какъ намъ кажется, именно въ уничтоженіи грани между преступленіями печати и другими, однородными по содержанію. Какъ бы основательно оно ни казалось съ строго-логической точки зрѣнія, оно не соотвѣтствуетъ настоящему характеру преступленій печати. Большею частью, во-первыхъ, они совершаются открыто, идя, если можно такъ выразиться, на встрѣчу преслѣдованію, не представляя никакихъ для него затрудненій и, слѣдовательно, менѣе угрожая общественному порядку. Побудительной ихъ причиной часто является, во-вторыхъ, безкорыстное, искреннее желаніе раскрыть правду, обратить вниманіе на то или другое общественное зло, выяснить мѣры къ его устраненію. Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, наконецъ, здѣсь неуловима демаркаціонная черта между дозволеннымъ и недозволеннымъ. Все это вмѣстѣ взятое оправдываетъ выдѣленіе преступленій печати въ особую группу и обложеніе ихъ сравнительно менѣе тяжкими карами, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда въ основаніи преступленія лежатъ мотивы личнаго, невысокаго свойства (напр. при оскорбленіи или опозореніи въ печати).

Подойдемъ теперь къ вопросу съ другой стороны: представимъ себѣ, что система административныхъ взысканій замѣ-

няется у насъ, вполнѣ или хотя бы отчасти, судебнымъ преслѣдованіемъ преступленій и проступковъ печати—и спросимъ себя, возможна ли такая перемѣна при дѣйствіи только тѣхъ карательныхъ постановленій, которыя вошли въ составъ новаго уголовнаго уложенія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ, какъ намъ кажется, получиться отрицательный, не потому, конечно, чтобы существовала дѣйствительная необходимость расширить кругъ преступленій печати, а потому, что при переходѣ отъ дискреціонной административной власти надъ печатью къ исключительно судебной репрессіи государство никогда не рѣшается сразу уравнять печатное слово, въ духѣ для него благопріятномъ, съ другими способами выраженія мысли. Въ законъ 6 апрѣля 1865-го года не случайно были включены правила, перешедшія затѣмъ въ ст. 1035, 1036 и 1037 улож. о наказ.; не случайно были назначены кары—сравнительно мягкія—за колеблющіе общественное довѣріе отзывы о законахъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, за оспариваніе обязательной силы законовъ и оправданіе воспрещенныхъ ими дѣйствій, за возбужденіе вражды между сословіями или между частями населенія, за оспариваніе или порицаніе началъ собственности и семейнаго союза. Проектъ коммиссіи 1869-го года, сохраняя всѣ эти постановленія, прибавилъ къ нимъ еще нѣсколько другихъ, аналогичныхъ. Отсутствіе чего бы то ни было подобнаго въ новомъ уложеніи мы привѣтствовали бы въ такомъ лишь случаѣ, еслибы у насъ въ Россіи не было больше традиціонныхъ предубѣжденій противъ печати; но такъ какъ они существуютъ въ полной силѣ, то болѣе практичной, болѣе желательной была бы другая редакція главы о преступленіяхъ печати, болѣе близкая къ закону 6 апрѣля 1865-го года и къ проекту коммиссіи кн. Урусова. Далеко не излишнимъ, съ той же практической точки зрѣнія, было бы оставленіе въ силѣ примѣчанія къ ст. 1035-ой дѣйствующаго уложенія, по которому не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказанію обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распублико-

ванныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденія къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей. Это правило разумѣется, собственно говоря, само собою; но свободное печатное слово—растеніе у насъ настолько молодое и нѣжное, что слѣдуетъ дорожить каждой его подпоркой, хотя бы повидимому и не нужной.

На основаніи закона 6-го апрѣля 1865-го года, вошедшаго въ составъ дѣйствующаго уложенія о наказаніяхъ, отвѣтственности за проступокъ печати подвергалось, по общему правилу, *одно* лицо. Только редакторъ періодическаго изданія всегда привлекался къ отвѣтственности вмѣстѣ съ авторомъ; издатель, типографщикъ и книгопродавецъ подлежали преслѣдованію лишь въ такомъ случаѣ, если они, зная преступный умыселъ главнаго виновника, завѣдомо содѣйствовали публикаціи и распространенію изданія. Новое уложеніе и въ этомъ отношеніи не различаетъ преступленій печати отъ всѣхъ остальныхъ. Къ дѣламъ о преступленіяхъ, „заключающихся въ содержаніи произведеній тисненія", редакціонная коммиссія [1]) нашла нужнымъ примѣнить общія положенія о соучастіи въ преступленіи. Для того, чтобы привлечь къ отвѣтственности, вмѣстѣ съ авторомъ, издателя, а иногда и типографщика, не нужно будетъ, слѣдовательно, особыхъ доказательствъ *завѣдомаго* участія ихъ въ преступленіи: оно будетъ предполагаться, какъ предполагается, напримѣръ, завѣдомость участія въ воровствѣ или убійствѣ, которому предшествовало соглашеніе между участниками. Мы имѣли уже случай [2]) привести соображенія, которыми объясняется и оправдывается принципъ единоличной отвѣтственности за преступленія печати. Здѣсь, какъ и въ вопросѣ о томъ, слѣдуетъ ли выдѣлить преступленія печати въ особую группу, едино-

---

[1]) См. Объясненія къ проекту редакціонной коммиссіи, т. III, стр. 443

[2]) См. выше, стр. 67—70.

образіе достигнуто въ ущербъ справедливости. Сознавая, однако, что въ дѣйствительной жизни издатели, типографщики (или, по вновь принятой терминологіи, завѣдующіе заведеніями для тисненія), книгопродавцы и даже редакторы не всегда знаютъ и понимаютъ содержаніе инкриминированной статьи или книги, уложеніе (ст. 307) допускаетъ возможность привлеченія ихъ къ отвѣтственности не по общимъ правиламъ о соучастіи, а только за *неосмотрительность*, караемую денежной пеней въ размѣрѣ не свыше пятисотъ рублей. Это нововведеніе грозитъ обостреніемъ издательской и вообще предпринимательской цензуры. Такъ какъ неосмотрительностью можетъ быть признано неознакомленіе или недостаточное ознакомленіе съ печатаемымъ, то всѣ лица, предусмотрѣнныя ст. 307-ою, сочтутъ себя, пожалуй, вправѣ контролировать автора, предлагать ему измѣненія, сокращенія, смягченія—или заранѣе страховать себя отъ возможныхъ убытковъ, уменьшая авторскій гонораръ или увеличивая плату за печатаніе.

Придавая громадное значеніе отмѣнѣ административныхъ взысканій и признанію печати отвѣтственною исключительно передъ судомъ, на основаніи закона, мы считаемъ второстепеннымъ вопросъ о томъ, какой судебной инстанціи должны быть подсудны преступленія и проступки печати. Само собою разумѣется, что, говоря словами Салтыкова, это должна быть инстанція „не сверхъ - естественная, а обыкновенная“: но будетъ ли то окружной судъ или судебная палата — это болѣе или менѣе безразлично. Всего нормальнѣе было бы предоставить рѣшеніе дѣлъ печати суду присяжныхъ, спеціальному въ томъ смыслѣ, что въ его списки вносились бы лишь лица, удовлетворяющія извѣстному образовательному цензу; но мы не возражали бы противъ подчиненія ихъ, въ видѣ переходной мѣры, суду коронному (за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ, когда участіе присяжныхъ обусловливается тяжестью кары, грозящей обвиняемому) или даже суду съ участіемъ сословныхъ представителей, какъ предлагала коммиссія кн. Урусова. Ничего нельзя было бы сказать, съ нашей

точки зрѣнія, и противъ присоединенія къ обвинителю уполномоченнаго со стороны главнаго управленія по дѣламъ печати, лишь бы только обвиняемому предоставленъ былъ, на общемъ основаніи, выборъ защитника, а защитѣ, также на общемъ основаніи, гарантирована свобода слова. Гласность судопроизводства по дѣламъ печати слѣдовало бы ограничить отнюдь не въ большей мѣрѣ, чѣмъ гласность другихъ уголовныхъ процессовъ.

Съ подчиненіемъ печати суду, и только суду, устранились бы сами собою тѣ неудобства, которыя сопряжены съ запрещеніемъ касаться въ печати тѣхъ или другихъ темъ, указанныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Подобно тому, какъ теперь взысканіе по ст. 29 уст. о наказ., налаг. мировыми судьями, опредѣляется судомъ только тогда, когда нѣтъ сомнѣнія въ *законности* неисполненнаго распоряженія,—органы печати подвергались бы отвѣтственности лишь въ такомъ случаѣ, еслибы затронутый ими, вопреки министерскому veto, вопросъ былъ признанъ, рѣшеніемъ суда, имѣющимъ *государственную важность*, и притомъ не подлежащимъ оглашенію или обсужденію лишь *въ теченіе нѣкотораго времени*. Продолжительность запрещенія, при дѣйствіи такого порядка, была бы указываема, въ большинствѣ случаевъ, при самомъ его установленіи, и самое запрещеніе налагалось бы только тогда, когда временное молчаніе печати требуется серьезнымъ государственнымъ интересомъ. Какъ мало иногда соотвѣтствуютъ этому условію запрещенія, налагаемыя въ настоящее время—объ этомъ можно судить по циркуляру 14-го декабря 1892-го года, до сихъ поръ еще, кажется, не отмѣненному. Этимъ циркуляромъ запрещалось: 1) печатать извѣстія, касающіяся внутренней жизни учебныхъ заведеній, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ, безъ разрѣшенія подлежащаго учебнаго начальства, и 2) обсуждать дисциплинарныя взысканія, налагаемыя на воспитанниковъ этихъ заведеній. *Вопросомъ государственной важности* отдѣльные *факты* изъ жизни учебныхъ заведеній считать, очевидно, нельзя, за исключеніемъ развѣ тѣхъ экстренныхъ случаевъ, когда *рядъ*

повторяющихся школьныхъ безпорядковъ грозитъ общественному спокойствію и подавленіе ихъ путемъ дисциплинарныхъ мѣръ принимаетъ характеръ трудной административной задачи. Такое положеніе вещей всегда бываетъ непродолжительнымъ и обнимаетъ собою далеко не всѣ учебныя заведенія—а вышеприведенный циркуляръ дѣйствовалъ непрерывно много лѣтъ и не дѣлалъ никакого различія между школами разныхъ категорій. Вынужденное молчаніе печати невыгодно, прежде всего, для самого министерства народнаго просвѣщенія. Еще въ 1882-мъ г. министерство предписало подробно доносить ему о всѣхъ наиболѣе важныхъ происшествіяхъ и несчастныхъ случаяхъ съ учащимися. Несмотря на это, ему за послѣднее время неоднократно приходилось узнавать о выдающихся событіяхъ въ жизни учащихся—напр. о самоубійствахъ или о покушеніяхъ на самоубійство—не отъ подчиненныхъ ему мѣстныхъ органовъ, а отъ другихъ вѣдомствъ и изъ иныхъ постороннихъ источниковъ. Это вызвало, въ 1901 г., новое циркулярное предписаніе министерства народнаго просвѣщенія, заключающее въ себѣ почти буквальное повтореніе распоряженія 1882-го года. Между тѣмъ, печать могла бы послужить лучшимъ источникомъ свѣдѣній, столь важныхъ для министерства. Съ отмѣною декабрьскаго циркуляра 1892-го года она получила бы возможность говорить о „внутренней жизни“ учебныхъ заведеній—и этого было бы достаточно, чтобы предупредить намѣренное замалчиваніе „происшествій“ со стороны начальства учебныхъ заведеній. Не менѣе важно и право печати *обсуждать* все совершающееся въ школѣ. Въ пользу такого права высказалась, въ 1901 г., коммиссія по вопросу о преобразованіи средней школы, состоящая при московскомъ педагогическомъ обществѣ. Она нашла, что вмѣстѣ съ гласностью въ школу проникла бы „струя свѣжаго воздуха“, что гласность „всего легче могла бы уничтожить въ школѣ послѣдніе остатки бюрократизма“, что многіе порядки сдѣлались бы тогда невозможными, многія злоупотребленія были бы выведены на свѣтъ Божій и печать

сдѣлалась бы надежной помощницей правительства въ его усиліяхъ создать истинно педагогическую школу.

Для того, чтобы печать была подчинена закону, недостаточно замѣны административныхъ каръ судебнымъ преслѣдованіемъ за проступки печати. Необходимо было бы регулировать строго опредѣленными правилами разрѣшеніе новыхъ изданій, переходъ изданій изъ однѣхъ рукъ въ другія, утвержденіе и замѣну редакторовъ. Нетрудно было бы указать условія, которымъ должны удовлетворять издатель и редакторъ (образовательный и возрастной цензъ, неопороченность по суду, неприкосновенность къ слѣдствію), а также изданіе (напр. представленіе залога, при судебной отвѣтственности предназначаемаго на пополненіе денежныхъ штрафовъ). Мы продолжаемъ думать, [1]) что требованіе залога не имѣетъ, въ сущности, никакого раціональнаго основанія, но считаемъ его наименьшимъ изъ всѣхъ стѣсненій, тяготѣющихъ надъ періодическою печатью; съ нимъ сравнительно легко можно было бы примириться, если бы оно было признано необходимою принадлежностью системы судебныхъ взысканій. Довершеніемъ реформы было бы упраздненіе спеціальной духовной цензуры, хотя бы на тѣхъ основаніяхъ, которыя были указаны, въ 1870-мъ году св. синодомъ и приняты коммиссіею кн. С. Н. Урусова.[2])

Среди печати, освобожденной отъ предварительной цензуры и отъ административныхъ взысканій, безъ особенныхъ неудобствъ могли бы занять мѣсто оффиціозные органы— но тогда, какъ и теперь, позволительно было бы сомнѣваться въ ихъ цѣлесообразности. На нашей почвѣ форменные оффиціозы тѣмъ болѣе излишни, что для систематической защиты правительственныхъ мѣропріятій всегда находится достаточное число добровольцевъ. Попытки регулировать эту защиту посредствомъ созданныхъ ad hoc органовъ печати всегда оканчивались неудачей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, до-

---

[1]) См. выше, стр. 52, сл.
[2]) См. выше, стр. 77, 78.

статочно припомнить судьбу „Берега“: редакція его не была бѣдна ни знаніемъ, ни бойкостью, ни талантомъ—и всетаки ему не удалось пріобрѣсти даже мимолетнаго, поверхностнаго вліянія. Больше правъ на существованіе имѣютъ органы прямо и открыто оффиціальные, если они не претендуютъ на монополію въ отведенной имъ сферѣ, да и самая сфера стоитъ въ сторонѣ отъ злобы дня, обнимая собою ту или другую группу спеціальныхъ вопросовъ. Въ 1899 г. министерство внутреннихъ дѣлъ (при И. Л. Горемыкинѣ), отклонивъ основаніе общеземскаго періодическаго органа, задуманнаго московскою губернскою земскою управою, рѣшило взять на себя изданіе „Вѣстника земскаго и городского хозяйства“. „У насъ“—говорили мы тогда же по поводу этого предположенія,—„у насъ были и есть до сихъ поръ правительственныя изданія, приносившія и приносящія немало пользы; назовемъ, для примѣра, „Морской Сборникъ“ и „Журналъ министерства юстиціи“. На страницахъ послѣдняго появлялось прежде (въ первый періодъ его существованія, съ 1859 по 1868 г.) и появляется теперь (послѣ возобновленія его въ 1895 г.) немало статей, которыя были бы совершенно умѣстны и въ независимомъ изданіи. Устроиться по этому образцу „Вѣстнику земскаго и городского хозяйства“ однако, было бы нелегко. Земству и городамъ безпрестанно напоминаютъ или готовы напомнить поговорки: „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ“, „не въ свои сани не садись“. По отношенію къ суду эти поговорки пускаются въ ходъ гораздо рѣже уже потому, что сфера дѣятельности судебныхъ учрежденій опредѣлена гораздо точнѣе, чѣмъ сфера дѣятельности учрежденій городскихъ и земскихъ. Въ области суда есть, притомъ, много вопросовъ, по которымъ администрація можетъ, по крайней мѣрѣ до поры до времени, соблюдать строгій нейтралитетъ. Въ 1896 г., напримѣръ, въ „Журналѣ министерства юстиціи“ помѣщались статьи какъ противъ суда присяжныхъ, такъ и въ его защиту“. Возможность такого безпристрастія для редакціи „Вѣстника земскаго и городского хозяйства“ мы считали весьма сомнительною; вполнѣ увѣрены

мы были только въ томъ, что замѣнить свободный общеземскій органъ оффиціальному „Вѣстнику“ не будетъ подъ силу. Опытъ, къ сожалѣнію, сдѣланъ не былъ: изданіе „Вѣстника“ не состоялось. Еслибы мысль о немъ опять была выдвинута на сцену, то его слѣдовало бы, какъ намъ кажется, ограничить оффиціальнымъ отдѣломъ, предоставивъ частной или общественной иниціативѣ разработку спорныхъ вопросовъ земскаго и городского хозяйства. По той же причинѣ достаточно было бы сохранить одинъ лишь оффиціальный отдѣлъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, еслибы существованіе ихъ, при болѣе широкомъ развитіи провинціальной печати, не было признано совершенно излишнимъ.

Что отвѣтственность печати *только* передъ судомъ, дѣйствующимъ на точномъ основаніи закона, мыслима даже съ точки зрѣнія умѣреннаго консерватизма—яркимъ доказательствомъ этому служитъ мнѣніе извѣстнаго нѣмецкаго историка и публициста, Генриха фонъ-Трейтшке. Оно высказано въ лекціяхъ о политикѣ, читанныхъ имъ (въ берлинскомъ университетѣ) въ послѣдніе годы его жизни [1]), когда онъ стоялъ на рубежѣ между націоналъ-либералами и консерваторами, въ сущности весьма немногимъ отличаясь отъ послѣднихъ, а кое въ чемъ подавая руку даже нашимъ обскурантамъ [2]). Отрицая теорію прирожденныхъ правъ, а слѣдовательно и прирожденное право на свободу, Трейтшке различаетъ *свободу политическую*, какъ право на участіе въ управленіи государствомъ, и *свободу личную*, какъ совокупность правъ,

---

[1]) Лекціи эти, подъ заглавіемъ: „Politik“, напечатаны въ 1897 г., уже послѣ смерти автора. См. общественную хронику въ № 7 „Вѣстн. Евр.“ за 1898 г.

[2]) Трейтшке находилъ, что тѣлесное наказаніе и теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ было бы не излишнимъ; въ отмѣнѣ позорнаго столба онъ видѣлъ „настоящее несчастье“; такъ называемыхъ „юнкеровъ“ Помераніи и Бранденбурга считалъ лучшимъ элементомъ нѣмецкаго дворянства, недружелюбно смотрѣлъ на высшее женское образованіе; настаивалъ на вѣроисповѣдномъ характерѣ начальной школы; къ еврейскому вопросу относился какъ настоящій антисемитъ.

признаваемыхъ за человѣкомъ въ средѣ новѣйшихъ культурныхъ націй. Къ числу этихъ послѣднихъ правъ онъ относитъ право свободно выражать свои убѣжденія, принадлежащее человѣку, какъ разумному существу. Отсюда не вытекаетъ еще само собою право усилять дѣйствіе слова путемъ печати; но оно выводится авторомъ изъ характера современнаго государства, „нуждающагося въ публичной критикѣ". Трейтшке вспоминаетъ, по этому поводу, знаменательное рѣшеніе берлинскаго каммергерихта, состоявшееся при Фридрихѣ Вильгельмѣ II, т.-е. въ эпоху полнѣйшаго господства абсолютизма: разсмотрѣвъ сочиненіе, порицавшее дѣйствія короля, каммергерихтъ нашелъ, что признать такое сочиненіе опаснымъ значило бы допустить оскорбленіе величества. Что государство должно принимать мѣры противъ злоупотребленія печатнымъ словомъ—это, въ глазахъ Трейтшке, не подлежитъ никакому сомнѣнію; но каковы должны быть эти мѣры, предупредительныя или карательныя? Главною предупредительною мѣрой,—говоритъ Трейтшке,—„въ продолженіе многихъ столѣтій была цензура. Она изобрѣтена папами: этимъ все сказано. Цензура — воплощенная тираннія (sie ist tyrannisch durch und durch); ея дѣйствіе въ высшей степени опасно для государства. Долгій опытъ показалъ, что она страшно ожесточаетъ умы (die Censur wirkt furchtbar erbitternd)... Подъ ея гнетомъ очень скоро научаются выражать свою мысль обиняками, намеками— а это гораздо бóльшій источникъ вреда, чѣмъ прямое, свободное слово. Цензура настолько осуждена фактами, что о возстановленіи ея нельзя и думать". Менѣе рѣзко, но не менѣе рѣшительно Трейтшке высказывается противъ требованія залоговъ отъ періодическихъ изданій и противъ экзамена, какъ условія для доступа къ журналистикѣ. Предварительную конфискацію изданія, при самомъ приступѣ къ судебному преслѣдованію, онъ допускаетъ, но думаетъ, что къ ней слѣдуетъ прибѣгать съ большою осмотрительностью. Карательныя мѣры по отношенію къ печати Трейтшке находитъ совершенно достаточными,

лишь бы только подсудность по дѣламъ печати ничѣмъ не отличалась отъ общей (т.-е. суду присяжныхъ были подвѣдомственны только важнѣйшія преступленія печати), и за редакторами не признавалось право выгораживать авторовъ статей, содержащихъ въ себѣ разглашеніе служебной тайны. А между тѣмъ, о нравственномъ и политическомъ значеніи печати, въ особенности ежедневной, Трейтшке весьма невысокаго мнѣнія: по необходимости, съ его точки зрѣнія, легкомысленная и легковѣсная, она ничего не создаетъ, ничему не научаетъ, не залечиваетъ наносимыхъ ею ранъ, ослабляетъ привычку къ серьезному чтенію, понижаетъ уровень общественнаго развитія; за исключеніемъ немногихъ честныхъ и способныхъ людей, журналисты — неудачники другихъ поприщъ, представители антисоціальнаго элемента („Catilinarische Existenzen", по выраженію Бисмарка). Въ этомъ пессимистическомъ взглядѣ на печать Трейтшке сходится очень близко съ нашими врагами свободнаго слова; но тѣмъ поразительнѣе различіе заключеній. У насъ выдвигается на первый планъ контрастъ между овцами и козлищами, т.-е. между писателями благонамѣренными и неблагонамѣренными; первымъ приписывается монополія ума, знаній и честности, послѣднимъ—монополія противоположныхъ качествъ. Трейтшке не говоритъ ничего подобнаго; онъ понимаетъ, что не въ образѣ мыслей—или, лучше сказать, не въ мнѣніяхъ, выставляемыхъ на показъ,—слѣдуетъ искать гарантію добросовѣстности и критерій вреда или пользы. У насъ изъ предпосылокъ, неблагопріятныхъ для печатнаго слова, выводится необходимость обратить его въ привилегію небольшой группы, менѣе всего расположенной къ критикѣ; Трейтшке, наоборотъ, видитъ въ критикѣ главное назначеніе печати, утверждая, что опасны не столько излишества свободной прессы, сколько та глубокая горечь, которая накопляется при вынужденномъ молчаніи. У насъ стараются увѣрить, что отвѣтственность передъ судомъ—вовсе не охрана противъ злоупотребленій печати; Трейтшке не предлагаетъ ничего иного,

кромѣ полнаго уравненія преступленій и проступковъ печати со всѣми остальными. Ошибочно было бы думать, что такая разница взглядовъ обусловливается несходствомъ государственныхъ порядковъ Германіи и Россіи. Трейтшке отвергаетъ цензуру и аналогичныя ей мѣры вовсе не потому, что онѣ не соотвѣтствуютъ нѣмецкому политическому строю, а потому, что онѣ представляются, въ его глазахъ, безполезными или вредными. Онъ возражаетъ противъ нихъ, говоря языкомъ юридическимъ, *по существу*, отнюдь не пріурочивая своихъ возраженій къ одному государству или къ одной группѣ государствъ. Конечно, на него вліяетъ духъ среды, въ которой и для которой онъ пишетъ,—но вліяетъ въ томъ лишь смыслѣ, что предохраняетъ его отъ слишкомъ грубыхъ заблужденій. У нѣмцевъ—даже у тѣхъ, которые смотрятъ больше назадъ, чѣмъ впередъ,—существуетъ цѣлый рядъ понятій, окончательно сданныхъ въ архивъ (überwundene Standpunkte); нашими газетными и журнальными „охранителями" нѣкоторыя изъ этихъ понятій разсматриваются еще какъ аксіомы, оспаривать которыя можетъ только безумный или дерзновенный. Не ихъ, конечно, мы имѣемъ въ виду убѣдить примѣромъ Трейтшке: но для безпристрастныхъ наблюдателей современной жизни не могутъ быть лишены значенія выводы, къ которымъ пришелъ мыслитель и практическій дѣятель трезвый до черствости, недовѣрчиво относящійся къ прогрессу, не знающій увлеченій, кромѣ вытекающихъ изъ узкаго націонализма. Если такой человѣкъ стоитъ за законную свободу печати, то едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что она является не крайностью, не излишествомъ, а естественной, необходимой принадлежностью нормальнаго государственнаго строя.

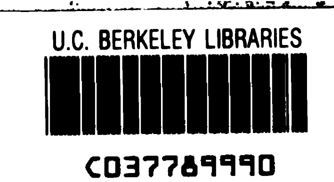
Свобода печати, свобода совѣсти, личная неприкосновенность:—вотъ три блага, потребность въ которыхъ чувствуется все больше и больше, по мѣрѣ того какъ растетъ въ ширь

и глубь съ одной стороны уваженіе къ человѣку, къ его достоинству, къ его праву на самостоятельную мысль, съ другой—сознаніе солидарности между гражданами. Тотъ видъ свободы, которому посвящена настоящая книга, играетъ такую же роль въ общественной жизни, какъ свѣтъ—въ жизни органическаго міра. Нарушая обманчивую тишину, приподнимая завѣсу, отдѣляя правду отъ лжи, реальное отъ кажущагося, проникая во всѣ концы страны и во всѣ сферы дѣятельности, свобода печати является незамѣнимымъ двигателемъ прогресса, неоцѣнимой охраной всякого права, всякой другой свободы. До сихъ поръ мы видѣли только случайные мимолетные, не полные ея проблески; хочется вѣрить, что приближается пора ея расцвѣта.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
3	4 сн.	Ю. Р. Жуковскаго	Ю. Г. Жуковскаго
25	7 св.	„	„
244	7 сн.	лѣтъ 6 8	лѣтъ 6—8

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C037789990